

ВЕСТНИК ОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «ЭКОНОМИКА»

Научный журнал
Основан в 2003 г.
Выходит четыре раза в год

2024
Т. 22, № 1

Включен в перечень ВАК

Редколлегия журнала

- В.Н. Бобков, д-р экон. наук, профессор, заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (Москва, Россия)
- Е.Я. Варшавская, д-р экон. наук, профессор НИУ «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)
- Х. Вольман, профессор (в отставке) социально-экономического института Берлинского университета имени Гумбольдта (Германия)
- Н. Вуняк, профессор Modern Business School (Белград, Сербия)
- Р.А. Долженко, д-р экон. наук, доцент Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)
- С.А. Дятлов, д-р экон. наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия)
- Т.А. Лапина, канд. экон. наук, доцент Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)
- Н.В. Маковская, д-р экон. наук, профессор Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова (Республика Беларусь)
- А.Е. Миллер, д-р экон. наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)
- Ю.Г. Одегов, д-р экон. наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Москва, Россия)
- В.С. Половинко, *гл. редактор*, д-р экон. наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)
- С.И. Сотникова, д-р экон. наук, профессор Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ» (Новосибирск, Россия)
- Х. Хануш, профессор Университета Аугсбурга (Германия)

Учредитель

ФГАОУ ВО «ОмГУ
им. Ф.М. Достоевского»

Адрес редакции:

644053, Россия, Омская обл.,
г. Омск, пл. Лицкевича, д. 1, каб. 307

Тел.: +7 (3812) 26-82-36

E-mail: EconomicsJournal@omsu.ru

Сайт журнала:

<http://journal.omeco.ru/ru/index.html>

Гл. редактор

Владимир Семёнович Половинко

Редактор *Д.С. Нерозник*

Технический редактор *Н.В. Москвичёва*

Дизайн обложки *З.Н. Образова*

Редактор английского текста
О.С. Коржова

Зарегистрировано

Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор), регистрационный номер:
ПИ № ФС77-72191 от 15 января 2018 г.

Объединенный подписной каталог
«Пресса России». Индекс *35915*
Свободная цена

Полнотекстовая версия журнала
размещается на сайтах
научных электронных библиотек
[eLIBRARY.RU \(elibrary.ru\)](http://elibrary.ru)
и КиберЛенинка (cyberleninka.ru).
С 2007 г. журнал включен в Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ)

Дата выхода в свет 14.03.2024

Ризография. Формат 60x84 1/8.

Печ. л. 15,0. Усл. печ. л. 14,0.

Уч.-изд. л. 11,6.

Тираж 25 экз. Заказ 59.

Отпечатано в типографии
ОмГУ им. Ф.М. Достоевского

Адрес издателя и типографии:
644077, Россия, Омская обл.,
г. Омск, пр-т Мира, д. 55а

Academic periodical
Founded in 2003
Published four times a year

2024
Vol. 22, no. 1

Included in HAC list

HERALD OF OMSK UNIVERSITY

Series "ECONOMICS"

Founder

Federal State Autonomous Educational
Institution of Higher Education
"Dostoevsky Omsk State University"

Address of editorial office:
office 307, 1, Litskevicha pl., Omsk,
Omsk Oblast, 644053, Russia

Phone: +7 (3812) 26-82-36
E-mail: EconomicsJournal@omsu.ru

Web-site:
<http://journal.omeco.ru/en/index.html>

Editor-in-Chief
Vladimir Semyonovich Polovinko

Editor *D.S. Neroznik*
Technical editor *N.V. Moskvicheva*

Design of cover *Z.N. Obrazova*

Editor of English text
O.S. Korzhova

Registered by the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media
(Roskomnadzor), III No. ФC77-72191
from January 15, 2018

United subscription catalog
"The Russian Press". Index 35915
Free price

The full text version of the journal
is posted on the websites
of scientific electronic libraries
eLIBRARY.RU (elibrary.ru)
and Cyberleninka (cyberleninka.ru).
Since 2007 the journal is included
in Russian science citation index (RSCI)

Date of publication March 14, 2024
Risography. Format 60x84 1/8.
Printed p. 15,0.
Conventionally printed p. 14,0.
Accounting publishing p. 11,6.
Edition 25 copies. Order 59.

Printed in polygraphic base
of Dostoevsky Omsk State University

Address of publisher and printing house:
55a, Mira pr., Omsk,
Omsk Oblast, 644077, Russia

Editorial staff

- V.N. Bobkov, Head of the laboratory of problems of life level and quality of Institute of socio-economic problems of population of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
- R.A. Dolzhenko, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor of Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)
- S.A. Dyatlov, Doctor of Economic Sciences, Professor of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia)
- H. Hanusch, Professor of University of Augsburg (Germany)
- T.A. Lapina, PhD in Economic Sciences, Associate Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
- N.V. Makovskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor of Mogilev State A. Kuleshov University (Mogilev, Belarus)
- A.E. Miller, Doctor of Economic Sciences, Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
- Yu.G. Odegov, Doctor of Economic Sciences, Professor of Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia)
- V.S. Polovinko, *Editor-in-Chief*, Doctor of Economic Sciences, Professor of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)
- S.I. Sotnikova, Doctor of Economic Sciences, Professor of Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM) (Novosibirsk, Russia)
- E.Ya. Varshavskaya, Doctor of Economic Sciences, Professor of HSE University (Moscow)
- N. Vunjak, Full Professor of Modern Business School (Belgrade, Serbia)
- H. Wollmann, Professor (emeritus) of Social Science Institute of Humboldt University in Berlin (Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2024. Т. 22, № 1

Экономика и финансовая политика

<i>Антонова О.А.</i> Механизм согласования интересов субъектов социального партнерства как условие роста человеческого капитала (часть 2)	5
<i>Королюк Е.В., Филипчук Н.В., Плясова С.В., Шевцов Н.А.</i> Адаптационные механизмы российского рынка труда в условиях неопределенности.....	16
<i>Кочетков С.В., Кочеткова О.В.</i> Экономическая оценка инновационного развития: доктрина, методология, праксеология. Часть II: Методика исчисления тесситур инновационного развития экономики.....	27
<i>Сотникова С.И.</i> Институциональные трансформации наемного труда: прикладные императивы	35

Менеджмент и маркетинг: теория, методология, практика

<i>Диннер И.В.</i> Бизнес-лагерь как эффективная модель развития управленческих компетенций руководителей детских загородных лагерей.....	44
<i>Саитова А.А., Джемилёв Э.Р., Божикова Т.П.</i> Роль закупочной деятельности в уменьшении углеродного следа в Арктической зоне Российской Федерации	50
<i>Стукен Т.Ю., Лапина Т.А., Коржова О.С.</i> Анализ комплементарности организационного развития и цифровой трансформации промышленного предприятия	61
<i>Чернобаева Г.Е., Быкова Р.Г.</i> Использование разноуровневых маркетинговых коммуникаций несетевыми продавцами отделочных материалов.....	70

Региональная экономика и управление публичной сферой

<i>Бреусова А.Г.</i> Разработка мероприятий по развитию конкурентной среды на региональных рынках.....	81
<i>Гокова О.В.</i> Анализ феномена childfree и формирование традиционных семейных ценностей у современной студенческой молодежи в регионе (на примере Омской области).....	90
<i>Киселева А.М.</i> Хозяйственно-экономический потенциал устойчивого региона (по материалам Омской области)	99
<i>Рой О.М.</i> Роль приграничных муниципальных образований в обеспечении экономической безопасности региона (на материалах Сибирского федерального округа)	109

Информация для авторов	120
-------------------------------------	-----

CONTENTS

Herald of Omsk University. Series "Economics", 2024, Vol. 22, no. 1

Economics and financial policy

- Antonova O.A.* The mechanism for agreeing the interests of the subjects of social partnership as a condition for the growth of human capital (part 2) 5
- Korolyuk E.V., Pilipchuk N.V., Plyasova S.V., Shevtsov N.A.* Adaptation mechanisms of the Russian labor market in conditions of uncertainty 16
- Kochetkov S.V., Kochetkova O.V.* Economic assessment of innovative development: doctrine, methodology, praxeology. Part II: Methodology for calculating the tessitura of innovative economic development 27
- Sotnikova S.I.* Institutional transformations of wage labor: applied imperatives 35

Management and marketing: theory, methodology, practice

- Dinner I.V.* Business camp as an effective model for the development of managerial skills of the leaders of children's camps 44
- Saitova A.A., Dzhemilev E.R., Bozhikova T.P.* The role of procurement activities in reducing the hydrocarbon footprint in the Arctic zone of the Russian Federation 50
- Stuken T.Yu., Lapina T.A., Korzhova O.S.* Analysis of the complementarity of organizational development and digital transformation of an industrial enterprise 61
- Chernobaeva G.E., Bykova R.G.* The use of multi-level marketing communications by non-network sellers of finishing materials 70

Regional economy and management of the public sphere

- Breusova A.G.* Development of measures to create a competitive environment in the regional market 81
- Gokova O.V.* Analysis of the childfree phenomenon and the formation of traditional family values among modern students in the region (case study of the Omsk region) 90
- Kiseleva A.M.* Economic potential of a sustainable region (based on materials of the Omsk region) 99
- Roy O.M.* The role of border municipalities in ensuring the economic security of the region (case-study for Siberian Federal District) 109

- Information for authors*** 120

УДК 331.105

JEL: J24, J51, J59

DOI 10.24147/1812-3988.2024.22(1).5-15

МЕХАНИЗМ СОГЛАСОВАНИЯ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА КАК УСЛОВИЕ РОСТА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА (часть 2)

О.А. Антонова

Челябинский филиал Института экономики Уральского отделения Российской академии наук
(Челябинск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
22 ноября 2023 г.

Дата принятия в печать
15 декабря 2023 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Аннотация. Представленное исследование позволяет заключить, что отсутствие четко установленных единых социально значимых целей субъектов социального партнерства, системы их оценки и вознаграждения за достижение этих целей, а также алгоритма создания благоприятных условий для реализации механизма согласований приводит к рассогласованности действий, противоречиям, социально-трудовым конфликтам, противостоянию между субъектами. Цель исследования заключается в разработке механизма согласования интересов субъектов социального партнерства как условия роста человеческого капитала. Статья состоит из двух частей. Во второй части основное внимание уделяется предложениям по практическому применению результатов научного исследования, изложенных в первой части. К результатам научного исследования можно отнести следующее. На основе разработанных общественно значимых целей предложена система оценки и вознаграждения, основанная на единых показателях оценки субъектов социального партнерства за труд по реализации этих целей, которые позволяют направить социально-трудовые отношения и взаимное сотрудничество между государственными органами власти и управления, работодателями, работниками и общественными организациями в русло решения единых социально-экономических задач. Эти задачи связаны с имеющимися новыми внешними и внутренними вызовами на уровне страны, регионов, организаций. Для реализации механизма согласования интересов субъектов социального партнерства и роста на этой основе человеческого капитала важна благоприятная среда, которую обеспечивают определенные институты и инфраструктура. В исследовании представлен алгоритм обеспечения благоприятной институционально-инфраструктурной средой для реализации механизма согласования интересов субъектов социального партнерства как условия роста человеческого капитала. В ходе исследования, отраженного во второй части статьи, были использованы следующие научные методы: системный анализ статистических показателей и рейтингов для возможности их практического применения с целью оценки и вознаграждения труда субъектов социального партнерства, сравнение, описание, обобщение, формализация. Практической областью применения результатов научного исследования будет использование в реальной экономике предлагаемых системы оценки и вознаграждения труда субъектов социального партнерства и алгоритма создания благоприятной среды для реализации механизма согласования интересов субъектов социального партнерства на всех его уровнях.

Ключевые слова

Человеческий капитал, социальное партнерство, субъект, механизм, согласование интересов, социально-экономические цели, уровни, институты, инфраструктура, благоприятная среда

Финансирование. Статья подготовлена в соответствии с Планом НИР ФГБУН Институт экономики УрО РАН на 2024–2026 гг.

THE MECHANISM FOR AGREEDING THE INTERESTS OF THE SUBJECTS OF SOCIAL PARTNERSHIP AS A CONDITION FOR THE GROWTH OF HUMAN CAPITAL (part 2)

O.A. Antonova

Chelyabinsk Branch of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Chelyabinsk, Russia)

Article info

Received
November 22, 2023

Abstract. The presented research allows to conclude that absence of defined common socially significant goals of social partnership subjects, a system for evaluating and rewarding them for achieving these goals, as well as an algorithm for creating favorable conditions for the implementation of the coordination mechanism leads to inconsistency of actions, contra-

Accepted
December 15, 2023

Type paper
Research paper

Keywords

Human capital, social partnership, subject, mechanism, coordination of interests, socio-economic goals, levels, institutions, infrastructure, favorable environment

dictions, social and labor conflicts, and confrontation between subjects. The purpose of the study is to develop a mechanism for coordinating the interests of subjects of social partnership as a condition for the growth of human capital. The article consists of two parts. The second part of the article focuses on proposals for the practical application of the results of scientific research outlined in the first part. The results of the scientific research include the following. Using the developed socially significant goals, the author proposes a system of assessment and remuneration based on uniform indicators of assessment of subjects of social partnership for their work towards achieving these goals. This makes it possible to direct social and labor relations and mutual cooperation between state authorities and management, employers, employees and public organizations in the direction of solving common socio-economic problems. These tasks are related to the existing new external and internal challenges at the level of the country, regions, and organizations. In order to implement a mechanism for coordinating the interests of subjects of social partnership and the growth of human capital on this basis, it is important to have a favorable environment provided by certain institutions and infrastructure. The study presents an algorithm for providing a favorable institutional and infrastructural environment for the implementation of a mechanism for coordinating the interests of subjects of social partnership as a condition for the growth of human capital. In the course of the research reflected in the second part of the article, the following scientific methods were used: a systematic analysis of statistical indicators and ratings for the possibility of their practical application in order to evaluate and reward the work of subjects of social partnership, comparison, and description. The practical application of the results of the scientific research will be the use of the proposed system for evaluating and rewarding the work of subjects of social partnership and the algorithm for creating a favorable environment for the implementation of the mechanism for coordinating the interests of subjects of social partnership in the real economy.

Acknowledgements. The article was prepared in accordance with the Research Plan of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences for 2024-2026.

1. Введение. В условиях современных беспрецедентных вызовов существованию Российской Федерации и новых возможностей такого же беспрецедентного характера развития нашей страны самым мощным ответом на эти вызовы станет существенный рост эффективности работы организаций, регионов и страны в целом как главного источника всех общественных благ. Условием этого роста должно стать новое качество российского социального партнерства, способного обеспечить существенный рост человеческого капитала.

В Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики «Об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» от 21 марта 2023 г.¹ не случайно главным инструментом такого роста для обеих сторон названы отношения всеобъемлющего партнерства.

Социальное всеобъемлющее международное партнерство должно быть подкреплено социальным всеобъемлющим внутренним партнерством на всех его уровнях.

Социальное партнерство внутри страны должно обеспечить реализацию государственных программ, национальных проектов развития страны, общества в целом и каждого отдельно взятого человека, направленных на рост

благополучия народа на основе роста человеческого капитала и повышения качества жизни населения. Именно всеобъемлющее партнерство между обществом, государством и бизнесом способно уверенно противостоять внешним угрозам и дать им достойный ответ во благо населению страны.

Одной из основных задач субъектов социального партнерства является создание благоприятных условий для роста человеческого капитала, экономического развития и повышения качества жизни населения. Для этого необходимо обеспечить доступ к рабочим местам с достойными заработными платами, условиями труда, качественному образованию и профессиональной подготовке, развивать научно-технический потенциал, формировать здоровый образ жизни и укреплять социальную защиту населения. Особенно актуальным становится вопрос социального партнерства в период проведения специальной военной операции на территории Украины, острого дефицита кадров, санкций, импортозамещения, так как необходимо найти внутренние ресурсы для удовлетворения потребностей населения.

В настоящее время роль социального партнерства в социально-трудовой сфере по разным причинам снижается [1–10]. Наш многолетний опыт работы с субъектами социаль-

ного партнерства и анализ результатов научных исследований в этом направлении показал, что причинами такого положения стали отсутствие единых общественно значимых социально-экономических целей, Механизма согласования интересов субъектов социального партнерства на всех уровнях экономики как основы роста человеческого капитала, что не позволяет объединить их интересы и наполнить единым общественно значимым смыслом участие в такой форме взаимодействия. Это приводит к недополучению и обесцениванию человеческого капитала. Действуя разрозненно, руководствуясь, как правило, личными интересами и целями, субъекты социального партнерства теряют возможность получить синергетический эффект и существенно снизить институциональные издержки [11–17]. Однако в некоторых странах происходит обратный процесс – рост роли социального партнерства в социально-трудовой сфере. Суть социального партнерства в Швеции, например, заключается в том, что субъектам выгодно действовать сообща в достижении единых целей и согласованных интересов, что обеспечивает им рост человеческого капитала и качества жизни больший, чем они могли бы достичь по отдельности. В этом, на наш взгляд, заключается смысл участия в социальном партнерстве и преодоления противоречий между трудом и капиталом.

Для реализации механизма согласования интересов субъектов социального партнерства как условия роста человеческого капитала важно трансформировать общезначимые социально-экономические цели в показатели оценки и вознаграждения труда субъектов на каждом уровне партнерства, а также обеспечивать благоприятную институционально-инфраструктурную среду для преодоления противоречий между трудом и капиталом.

2. Результаты исследования. На обсуждение научного сообщества выносятся основные результаты научного исследования, а также некоторые примеры и иллюстрации действия положений, предлагаемых для практического использования.

Представленный в результатах исследования в первой части статьи Механизм согласования интересов субъектов социального партнерства как условие роста человеческого капитала², будет работать, на наш взгляд, следующим образом.

Мы предлагаем для оценки и вознаграждения работников учреждений федеральных

органов власти и управления использовать комплексный подход к выбору показателей оценки их труда, включающий как статистические данные, представленные Росстатом, так и показатели рейтингов оценки их труда как субъектов социального партнерства. Предлагаем для оценки и вознаграждения труда работников учреждений федеральных органов власти и управления учитывать следующие единые социально-экономические показатели, влияющие на рост человеческого капитала:

1. Динамика ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (статистика).

2. Динамика средней заработной платы (статистика).

3. Динамика уровня доверия населения страны к федеральным органам власти (социологический опрос).

4. Динамика уровня конкурентоспособности страны (рейтинг).

5. Динамика уровня соблюдения прав человека (социологический опрос).

6. Динамика уровня делового климата (рейтинг).

Научное обоснование предлагаемых показателей оценки труда заключается в том, что механизм согласования интересов субъектов социального партнерства строится на основе единых, взаимосвязанных государственно-общественных целей, трансформирующихся затем в показатели оценки труда субъектов по всем уровням социального партнерства. Показатели оценки труда сверху донизу направлены на усиление заинтересованности всех субъектов социального партнерства в достижении государственных и общественных целей повышения качества жизни населения и роста человеческого капитала. Представленные шесть показателей оценки труда публичны и являются официальными статистическими данными. Например, показатель «Динамика уровня доверия населения страны к федеральным органам власти» есть в Указе Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»³; показатели «Динамика уровня делового климата» и «Динамика уровня соблюдения прав человека» используются в определении Народного рейтинга губернаторов⁴.

Целями трудовой деятельности работников федеральных органов власти должен быть рост каждого из шести социально-экономических показателей.

При росте данных показателей по сравнению с базовыми показателями (нормативом, планом, показателями предыдущего периода оценки) растет оценка труда и фонд вознаграждения коллектива учреждений федеральной власти; при снижении данных показателей, соответственно, понижается оценка и фонд вознаграждения.

Далее переместимся на региональный уровень и рассмотрим механизм согласования интересов субъектов социального партнерства более подробно на примере региона. Субъектами социального партнерства на уровне региона являются работники региональных государственных учреждений, работники региональных бизнес-сообществ, работники региональной инфраструктуры.

Рассмотрим механизм согласования на примере регионального учреждения власти – правительства региона.

Для оценки и вознаграждения труда работников региональных учреждений власти определены аналогичные федеральным показатели реализации социально-экономических целей и интересов, но на уровне региона:

1. Динамика ВРП на душу населения по ППС (статистика).

2. Динамика средней заработной платы по региону (статистика).

3. Динамика уровня доверия населения к региональным органам власти (социологический опрос).

4. Динамика уровня конкурентоспособности региона (рейтинг).

5. Динамика уровня соблюдения прав человека (социологический опрос).

6. Динамика уровня делового климата (рейтинг).

Условный расчет интегрального показателя оценки – коэффициента эффективности управления (КЭУ) – для губернатора региона, его заместителей, работников правительства региона, депутатов парламента региона, представлен в табл. 1.

Таблица 1. Условный расчет коэффициента эффективности управления (КЭУ) для оценки и вознаграждения коллективов и работников учреждений региональной власти

Table 1. Conditional calculation of the management efficiency coefficient for evaluating and rewarding teams and employees of regional government institutions

Показатели оценки	Коэффициент значимости	Расчет (условный) коэффициентов достигнутого результата (отчетный период / прошлый период)	Расчет
Коэффициент ВРП на душу населения по ППС ($K_{ВРП}$)	0,5	1,050	$1,050 \times 0,5 = 0,525$
Коэффициент средней заработной платы ($K_{ЗП}$)	0,1	1,030	$1,030 \times 0,1 = 0,103$
Коэффициент уровня доверия населения к региональным органам власти ($K_{УД}$)	0,1	0,955	$0,955 \times 0,1 = 0,096$
Коэффициент уровня конкурентоспособности региона ($K_{УКС}$)	0,1	1,110	$1,110 \times 0,1 = 0,111$
Коэффициент уровня соблюдения прав человека ($K_{УПЧ}$)	0,1	0,990	$0,990 \times 0,1 = 0,099$
Коэффициент уровня делового климата ($K_{УДК}$)	0,1	1,150	$1,150 \times 0,1 = 0,115$
КЭУ	1,0	–	1,049

Данный расчет показывает, что эффективность управления регионом выросла в отчетном периоде по сравнению с прошлым оценочным периодом на 4,9 %. Это означает, что фонд вознаграждения коллективов и работни-

ков учреждений региональной власти вырастет также на 4,9 %.

Далее действует следующий механизм. Происходит аналогичная оценка эффективности управления со стороны структурных под-

разделений правительства региона. Каждое структурное подразделение правительства имеет свои показатели оценки трудового вклада в общие результаты деятельности.

Например, главное управление по труду и занятости оценивается по следующим показателям региона:

1. Динамика средней заработной платы по региону.

2. Динамика уровня занятости.

3. Динамика демографической нагрузки на трудоспособное население.

4. Динамика численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума.

5. Динамика соотношения среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму.

6. Динамика отношения доходов 10 % самых высокооплачиваемых слоев населения к доходам 10 % самых низкооплачиваемых.

На основе выше обозначенных социально-экономических показателей рассчитывается $K_{ТВ}$ – коэффициент трудового вклада главного управления по труду и занятости в общие результаты работы правительства.

Фонд вознаграждения правительства, сформированный по результатам достижения социально-экономических целей более высокого порядка, распределяется между структурными подразделениями правительства на основе их $K_{ТВ}$.

Фонд вознаграждения главного управления по труду и занятости затем распределяется между его структурными подразделениями – отделами и их работниками в соответствии с их $K_{ТВ}$.

Руководители структурных подразделений оцениваются прежде всего по $K_{ТВ}$ подчиненного коллектива, затем учитывается их личный вклад в развитие инициатив подчиненного коллектива, в создание благоприятных условий для повышения качества жизни населения и каждого гражданина региона.

Работники структурных подразделений имеют должностные инструкции и показатели их $K_{ТВ}$, которые зависят от поощрений за инициативный и качественный труд, а также от наличия претензий в их адрес. Перечень поощрений и претензий утверждается вышестоящим руководителем.

Таким образом, в предлагаемом механизме согласуются интересы всех субъектов соци-

ального партнерства, направленных на реализацию единых социально-экономических целей. Субъекты удовлетворяют свои личные интересы через удовлетворение общественно значимых интересов. Стороны социального партнерства имеют возможность нарастить свою заработную плату, свой доход, свой имидж и авторитет, увеличивая свой трудовой вклад в достижение единых социально-экономических результатов, а именно: в рост качества жизни населения на основе роста человеческого капитала, в повсеместное создание благоприятных условий для раскрытия и реализации человеческого и трудового потенциалов как главного источника роста экономических и социальных благ, укрепления страны и ее суверенитета.

Для более эффективной практической реализации предлагаемого механизма важно обеспечить благоприятную институционально-инфраструктурную среду социального партнерства. В нашем исследовании мы определили институты и инфраструктуру социального партнерства следующим образом. К институтам социального партнерства мы относим формальные и неформальные институты. Формальные и неформальные аспекты институциональной среды становятся основой для деятельности различных организаций инфраструктуры, которые призваны обеспечить эффективную работу субъектов социального партнерства.

Как показал обзор исследований по инфраструктурным аспектам развития социального партнерства, единого понимания того, что относится к инфраструктуре социального партнерства, в научном сообществе не сложилось. Мы предлагаем понимать под инфраструктурой социального партнерства совокупность связанных между собой объектов, которые обслуживают и создают благоприятную среду для эффективного функционирования институтов социального партнерства.

В инфраструктуру, которая обеспечивает институты социального партнерства, входят отрасли и виды деятельности, призванные удовлетворять потребности людей, гарантировать необходимый уровень и качество жизни, обеспечивать воспроизводство человеческих ресурсов и реализацию человеческого капитала. К инфраструктуре социального партнерства мы относим: трехсторонние комиссии, государственные органы власти и управления,

региональные объединения работодателей, общероссийские и межрегиональные профсоюзы, территориальные объединения организаций профсоюзов.

Задача субъектов социального партнерства: обеспечить благоприятную институционально-инфраструктурную среду, соответствующую декларируемым принципам социального партнерства для реализации его целей. Под благоприятной институционально-инфраструктурной средой социального партнерства региона мы понимаем совокупность внутренних и внешних условий, объектов (материальных, нематериальных), обеспечивающих процесс развития социального партнерства и согласования интересов его субъектов, направленных на рост человеческого капитала и повышение качества жизни населения.

В ходе исследования автором был проведен выборочный анализ по регионам Российской Федерации институционального и инфраструктурного обеспечения социального партнерства. Учеными Челябинского филиала Института экономики Уральского отделения РАН были разработаны показатели оценки институционального и инфраструктурного обеспечения в рамках социального партнерства, к которым относятся:

- 1) достаточность нормативно-правовых документов;
- 2) актуальность нормативно-правовых документов;
- 3) отражение ключевых компонентов социального партнерства в нормативно-правовых документах.

Показателем оценки инфраструктурного обеспечения в рамках социального партнерства является обеспеченность инфраструктурными объектами.

Оценка институциональных факторов производилась по следующим параметрам:

- достаточность;
- актуальность;
- отражение ключевых компонентов качества жизни населения.

Оценка инфраструктурных факторов производилась по следующим параметрам:

- обеспеченность;
- доступность.

Анализ институционального обеспечения, его актуальности и отражение ключевых компонентов проводился по следующим основным документам социального партнерства:

- наличие и действие заключенного соглашения между правительствами регионов, Федерацией профсоюзов и объединениями работодателей;
- наличие и действие в регионах закона «О социальном партнерстве»;
- наличие действующих на территории регионов национальных проектов.

Анализ инфраструктурного обеспечения социального партнерства проводился по наличию действующих в регионах трехсторонних комиссий, объединенных профсоюзов и объединений работодателей.

В результате анализа институционального и инфраструктурного обеспечения в рамках социального партнерства были получены результаты, представленные в табл. 2.

Таблица 2. Институциональное и инфраструктурное обеспечение социального партнерства

Table 2. Institutional and infrastructural support for social partnership

Регионы	Институциональная обеспеченность по критериям			Обеспеченность инфраструктурными объектами
	Достаточность нормативно-правовых документов	Актуальность нормативно-правовых документов	Отражение ключевых компонентов качества жизни населения в нормативно-правовых документах	
Чукотский автономный округ	–	–	–	–
Магаданская область	–	–	+	+
г. Москва	+	+	+	+
Камчатский край	+	+	+	+
Ямало-Ненецкий автономный округ	+	+	+	+
Республика Саха (Якутия)	+	+	+	+

Окончание табл. 2
The end of Table 2

Регионы	Институциональная обеспеченность по критериям			Обеспеченность инфраструктурными объектами
	Достаточность нормативно-правовых документов	Актуальность нормативно-правовых документов	Отражение ключевых компонентов качества жизни населения в нормативно-правовых документах	
г. Санкт-Петербург	+	+	+	+
Мурманская область	+	+	+	+
Амурская область	+	+	+	+
Хабаровский край	+	+	+	+
Пермский край	+	+	+	+
Удмуртская Республика	+	+	+	+
Оренбургская область	–	–	+	+
Саратовская область	+	+	+	+
Чувашская Республика	+	+	+	+
Тамбовская область	+	+	+	+
Рязанская область	–	–	+	+
Курганская область	+	+	+	+
Республика Дагестан	+	+	+	+
Республика Марий Эл	+	+	+	+

Примечание. «+» – оценка показателя как достаточного, «–» – как достаточного не вполне.

В большинстве регионов институциональное и инфраструктурное обеспечение имеет достаточный уровень и доступность, реализуются региональные проекты в рамках национальных проектов «Демография» (содействие занятости), «Производительность труда» и т. п. Однако в Чукотском автономном округе (далее – ЧАО) оценка институционального и инфраструктурного обеспечения показала, что социальное партнерство имеет не вполне достаточный уровень и доступность. В округе отсутствует заключенное между Правительством ЧАО, Федерацией профсоюзов ЧАО и объединениями работодателей ЧАО соглашение, не ясна работа трехсторонней комиссии.

Представленный анализ носит общий характер по институциональному и инфраструктурному обеспечению социального партнерства, но не показывает, насколько институционально-инфраструктурная среда благоприятна (или неблагоприятна) для реализации механизма согласования интересов субъектов социального партнерства. Для определения обеспечения благоприятной институционально-

инфраструктурной среды социального партнерства нами был разработан алгоритм, содержание которого состоит из следующих последовательно осуществляемых процессов:

1. Разработка и внедрение системы единых показателей оценки достижения главных общественно значимых целей, направленных на повышение качества жизни населения.

2. Разработка и внедрение системы распределения ответственности между партнерами за реализацию общественно значимых целей, направленных на повышение качества жизни населения.

3. Разработка и внедрение системы взаимовязанных целевых показателей оценки достижения главных общественно значимых целей, направленных на повышение качества жизни населения, в рамках установленной ответственности.

4. Разработка и внедрение методики оценки вклада каждой из сторон в достижение главных общественно значимых целей, направленных на повышение качества жизни населения, в рамках установленной ответственности.

5. Разработка и внедрение методики моральной и материальной ответственности сторон в соответствии с оценкой их вклада в достижение единых результатов по принципу: растет вклад – растет авторитет, заработная плата и социальный пакет; падает вклад – падает авторитет, заработная плата и социальный пакет.

6. Разработка и внедрение методики формирования и распределения фондов вознаграждения коллективов учреждений, их структурных подразделений и работников в зависимости от оценки их вклада в повышение качества жизни населения.

7. Разработка и внедрение мероприятий по обеспечению гласности на всех уровнях социального партнерства о повышении качества жизни населения, о вкладе сторон социального партнерства в эти результаты, о их материальном и моральном вознаграждении.

Реализация представленного алгоритма позволит более эффективно осуществить согласование интересов субъектов социального партнерства, так как будет обеспечена благоприятная институционально-инфраструктурная среда.

3. Заключение. В ходе исследования были достигнуты следующие результаты, представленные в частях 1 и 2 статьи. Уточнено определение понятия «социальное партнерство» исходя из цели настоящего исследования. Определены единые государственно-общественные социально-экономические цели всех участников партнерства. Предложены показатели оценки и вознаграждения труда коллективов и работников государственных учреждений в зависимости от их вклада в рост человеческого капитала. Предложен механизм согласования интересов субъектов социального партнерства как условие роста человеческого капитала, а также алгоритм по обеспечению благоприятной институционально-инфраструктурной среды социального партнерства.

Научная новизна достигнутых результатов заключается в том, что механизм согласования субъектов социального партнерства строится на основе единых, взаимосвязанных целей, трансформирующихся в показатели оценки деятельности всех субъектов по уровням социального партнерства. Все показатели оценки труда направлены на усиление заинтересованности субъектов социального партнерства в достижении государственных и общественных це-

лей повышения качества жизни населения и роста человеческого капитала. Доход, имидж и репутация субъектов находятся в прямой зависимости от их вклада в реализацию государственно-общественных целей. Если растет человеческий капитал и качество жизни населения на определенном уровне управления, то растут доходы и имидж субъектов социального партнерства на данном уровне.

Мы уверены, что при таком социально-экономическом и нравственном подходе, заложенном в механизме согласования интересов, условия для бюрократических взаимоотношений, отношений недоверия, двойных стандартов, конфронтации, ущемления прав и свобод граждан, оппортунизма, отчуждения труда и собственности, пассивности и равнодушия и т. д., которые свойственны в настоящее время субъектам социального партнерства, будут уходить в прошлое.

В этих условиях социальное партнерство будет соответствовать его принципам не только на бумаге, но и в жизни. Такие принципы, как уважение и учет интересов, заинтересованность сторон, доверие, честность, свобода выбора, добровольность принятия решений, ответственность сторон и т. д., будут естественными и вполне соответствовать природе человека: его трудолюбию, инициативе и потребности творить благо.

Творческое созидание в таких условиях станет главной чертой и реализованной потребностью каждого субъекта социального партнерства сверху донизу, снизу доверху. Коллективные переговоры, взаимное консультирование, участие в управлении, участие в разрешении трудовых споров будут проходить конструктивно, в атмосфере взаимного уважения и стремления прийти к взаимопониманию и сотрудничеству, так как цель у всех одна. Социальная ответственность государства, бизнеса и профсоюзов будет единой, гармоничной, прозрачной и сбалансированной. Экономическая ответственность будет взаимной, солидарной и добросовестной. Мероприятия социального партнерства будут носить миролюбивый, дружелюбный, примирительный характер добрососедства, так как все стремятся достичь единых целей; глобальные вызовы, угрозы и мощное развитие на их основе будут касаться всех без исключения.

Президент РФ в своем Послании Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 г. ска-

зал о том, что главная задача в условиях современных вызовов – это пробуждение лучших человеческих качеств⁵. Это и есть активизация человеческого потенциала, которая является единственным источником роста человеческого капитала, повышения качества жизни и благосостояния нашего народа.

Примечания

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения: 31.03.2023).

² См.: Антонова О.А. Механизм согласования интересов субъектов социального партнерства как условие роста человеческого капитала (часть 1) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2023. Т. 21, № 4. С. 5–14. EDN: KIJSXZ.

³ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400181504> (дата обращения: 31.03.2023).

⁴ URL: <https://governors.ru/rating> (дата обращения: 31.03.2023).

⁵ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 31.03.2023).

Литература

1. Карамышева Н. М. Социальное партнерство как механизм регулирования социально-трудовых отношений в регионе // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 1 (I). – С. 636–639.
2. Социально-экономический потенциал как основа поступательного развития постперестроечной России / под ред. В. А. Черешнева, А. И. Татаркина. – М. : Экономика, 2015. – 1039 с.
3. Меньшикова О. И. Практика заключения отраслевых соглашений социального партнерства: устойчивые тенденции и перспективы изменений // Социально-трудовые исследования. – 2022. – № 2 (47). – С. 30–41.
4. Меньшикова О. И. Социальное партнерство и качество трудовой жизни в России: взаимовлияние, взаимообусловленность, развитие : моногр. – М. : МАГИСТР-ПРЕСС, 2021. – 184 с.
5. Арбузова А. С., Паздникова Н. П. Социальное партнерство в государственном управлении: оценка возможностей и проблемы // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2022. – № 2. – С. 270–280.
6. Kaha E. Develop or disappear? Italian trade unions in the 2010s // International Labor and Working Class History. – 2022. – Vol. 102. – P. 146–156. – DOI: 10.1017/S0147547922000278.
7. Durazzi N., Fleckenstein T., Lee S. C. Social Solidarity for All? Trade Union Strategies, Labor Market Dualization, and the Welfare State in Italy and South Korea // Politics & Society. – 2018. – Vol. 46, iss. 2. – P. 205–233. – DOI: 10.1177/0032329218773712.
8. Ермакова М. Л. Современные тенденции развития трудовых отношений в России // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 38–47. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).38-47.
9. Низова Л. М., Кислицына И. Г. Социальное партнерство в сфере модернизации здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2020. – № 3. – С. 428–432.
10. Zimpelmann C., Gaudecker H.-M., Holler R., Janys L., Siflinger B. Hours and income dynamics during the Covid-19 pandemic: The case of the Netherlands // Labour Economics. – 2021. – Vol. 73. – Art. 102055. – DOI: 10.1016/j.labeco.2021.102055.
11. Чернышов А. Н. Механизмы реализации социального партнерства как фактора развития человеческого капитала: комплексный подход // Государственная служба. – 2014. – № 4 (90). – С. 54–64.
12. Колосова О. Г. Механизм реализации социального партнерства в нефтегазовом комплексе // Российское предпринимательство. – 2011. – № 1 (1). – С. 68–73.
13. Колмакова И. Д. Социальное партнерство как механизм согласования интересов труда и капитала: региональные особенности : препринт. – Екатеринбург : УрО РАН, 2004. – 34 с.
14. Benassi C., Vlandas T. Trade Unions, Bargaining Coverage and Low Pay: A Multilevel Test of Institutional Effects on Low-Pay Risk in Germany // Work Employment and Society. – 2021. – Vol. 36, iss. 6. – P. 1018–1037. – DOI: 10.1177/09500170211024467.
15. Coderre-LaPalme G., Greer I., Schulte L. Welfare, Work and the Conditions of Social Solidarity: British Campaigns to Defend Healthcare and Social Security // Work Employment and Society. – 2021. – Vol. 37, iss. 2. – P. 352–372. – DOI: 10.1177/09500170211031454.

16. Белкин В. Н., Белкина Н. А. Экономическая теория труда. – М. : Экономика, 2007. – 352 с.
 17. Белкин В. Н., Белкина Н. А. Оплата по результатам (Рыночная система мотивации и стимулирования труда «РОСТ»). – Челябинск, 2007. – 208 с.

References

1. Karamysheva N.M. Social partnership as a mechanism for regulating social and labor relations in the region. *Bulletin of the Bashkir University*, 2012, Vol. 17, no. 1 (I), pp. 636-639. (in Russian).
2. Chereshev V.A., Tatarkin A.I. (eds.). *Sotsial'no-ekonomicheskii potentsial kak osnova postupatel'nogo razvitiya postperestroichnoi Rossii* [Socio-economic potential as the basis for the progressive development of post-perestroika Russia]. Moscow, Ekonomika publ., 2015. 1039 p. (in Russian).
3. Menshikova O.I. The practice of concluding sectoral social partnership agreements: sustainable trends and prospects for change. *Social and labor research*, 2022, no. 2 (47), pp. 30-41. (in Russian).
4. Men'shikova O.I. *Sotsial'noe partnerstvo i kachestvo trudovoi zhizni v Rossii: vzaimovliyanie, vzaimoobuslovlennost', razvitie* [Social partnership and the quality of working life in Russia: mutual influence, interdependence, development], Monograph. Moscow, MAGISTER-PRESS publ., 2021. 184 p. (in Russian).
5. Arbuzova A.S., Pazdnikova N.P. Social partnership in public administration: assessment of opportunities and problems. *Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences*, 2022, no. 2, pp. 270-280. (in Russian).
6. Kaha E. Develop or disappear? Italian trade unions in the 2010s. *International Labor and Working Class History*, 2022, Vol. 102, pp. 146-156. DOI: 10.1017/S0147547922000278.
7. Durazzi N., Fleckenstein T., Lee S.C. Social Solidarity for All? Trade Union Strategies, Labor Market Dualization, and the Welfare State in Italy and South Korea. *Politics & Society*, 2018, Vol. 46, iss. 2, pp. 205-233. DOI: 10.1177/0032329218773712.
8. Ermakova M.L. Modern trends in the development of labor relations in Russia. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 2, pp. 38-47. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(2).38-47. (in Russian).
9. Nizova L.M., Kislitsyna I.G. Social partnership in the sphere of healthcare modernization. *Problems of social hygiene, health care and the history of medicine*, 2020, no. 3, pp. 428-432. (in Russian).
10. Zimpelmann C., Gaudecker H.-M., Holler R., Janys L., Siflinger B. Hours and income dynamics during the Covid-19 pandemic: The case of the Netherlands. *Labour Economics*, 2021, Vol. 73, art. 102055. DOI: 10.1016/j.labeco.2021.102055.
11. Chernyshov A.N. Mechanisms for the implementation of social partnership as a factor in the development of human capital: an integrated approach. *Public Service*, 2014, no. 4 (90), pp. 54-64. (in Russian).
12. Kolosova O.G. The mechanism for the implementation of social partnership in the oil and gas complex. *Russian entrepreneurship*, 2011, no. 1 (1), pp. 68-73. (in Russian).
13. Kolmakova I.D. *Sotsial'noe partnerstvo kak mekhanizm soglasovaniya interesov truda i kapitala: regional'nye osobennosti* [Social partnership as a mechanism for coordinating the interests of labor and capital: regional features], Preprint. Yekaterinburg, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences publ., 2004. 34 p. (in Russian).
14. Benassi C., Vlandas T. Trade Unions, Bargaining Coverage and Low Pay: A Multilevel Test of Institutional Effects on Low-Pay Risk in Germany. *Work Employment and Society*, 2021, Vol. 36, iss. 6, pp. 1018-1037. DOI: 10.1177/09500170211024467.
15. Coderre-LaPalme G., Greer I., Schulte L. Welfare, Work and the Conditions of Social Solidarity: British Campaigns to Defend Healthcare and Social Security. *Work Employment and Society*, 2021, Vol. 37, iss. 2, pp. 352-372. DOI: 10.1177/09500170211031454.
16. Belkin V.N., Belkina N.A. *Ekonomicheskaya teoriya truda* [Economic theory of labor]. Moscow, Ekonomika publ., 2007. 352 p. (in Russian).
17. Belkin V.N., Belkina N.A. *Oplata po rezul'tatam (Rynoch'naya sistema motivatsii i stimulirovaniya truda «ROST»)* [Payment based on results (Market system of motivation and stimulation of labor "ROST")]. Chelyabinsk, 2007. 208 p. (in Russian).

Сведения об авторе

Антонова Ольга Анатольевна – канд. экон. наук, доцент, старший научный сотрудник
Адрес для корреспонденции: 454011, Россия, Челябинск, ул. Свободы, 155
E-mail: antonova.oa@uiec.ru
SPIN-код РИНЦ: 7017-3950, AuthorID: 118825

Для цитирования

Антонова О. А. Механизм согласования интересов субъектов социального партнерства как условие роста человеческого капитала (часть 2) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 5–15. – DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).5-15.

About the author

Olga A. Antonova – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher
Address for correspondence: 155, Svobody ul., Chelyabinsk, 454011, Russia
E-mail: antonova.oa@uiec.ru
RSCI SPIN-code: 7017-3950, AuthorID: 118825

For citations

Antonova O.A. The mechanism for agreeing the interests of the subjects of social partnership as a condition for the growth of human capital (part 2). *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2024, Vol. 22, no. 1, pp. 5-15. DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).5-15. (in Russian).

АДАПТАЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ РОССИЙСКОГО РЫНКА ТРУДА В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Е.В. Королюк¹, Н.В. Пилипчук²✉, С.В. Плясова³, Н.А. Шевцов⁴

¹ Кубанский государственный университет, Филиал в г. Тихорецк (Тихорецк, Россия)

² Тверской государственный университет (Тверь, Россия)

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)

⁴ Юго-Западный государственный университет (Курск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
14 сентября 2023 г.

Дата принятия в печать
16 октября 2023 г.

Тип статьи

Аналитическая статья

Ключевые слова

Рынок труда, трансформация рынка труда, трудовые отношения, неопределенность, пандемия, онлайн-занятость, дистанционная работа, гибкая занятость, безработица, регулирование рынка труда

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена непрерывными изменениями рынка труда под влиянием внешних факторов и необходимостью повышения его адапционных способностей в условиях неопределенности. Цель исследования состоит в выявлении особенностей адаптации российского рынка труда к условиям неопределенности, вызванной пандемией, и развития новых форм занятости, обеспечивающих структурную трансформацию рынка и изменение трудовых отношений. Задачи исследования: анализ новых форм труда, возникающих на основе трансформации моделей взаимодействия между участниками в период неопределенности; определение вектора развития трудовых отношений. Методология. Исследование выполнено с применением методов теоретического анализа, систематизации, экономического анализа, графического метода, метода компаративного анализа, метода морфологического анализа. Результаты. Проведенный анализ динамики показателей развития рынка труда в период пандемии позволил сделать вывод о его дестабилизации в условиях неопределенности, проявившейся в форме снижения показателей занятости, роста безработицы, увеличения напряженности на рынке. К 2021 г. многие показатели развития рынка труда вернулись к доковидному уровню. Проанализирована активность населения России на глобальном рынке онлайн-труда, а также спрос российских компаний на рабочую силу на цифровых платформах. Обоснованы направления обеспечения большей адаптивности российского рынка труда путем использования различных механизмов государственной политики. Выводы. Установлено появление новых форм труда на основе трансформации моделей взаимодействия между участниками. Сделан вывод о том, что ускоренная цифровизация в период пандемии создала возможности для онлайн-трудоустройства населения, что способствовало частичному снятию напряженности на российском рынке труда.

ADAPTATION MECHANISMS OF THE RUSSIAN LABOR MARKET IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY

E.V. Korolyuk¹, N.V. Pilipchuk²✉, S.V. Plyasova³, N.A. Shevtsov⁴

¹ Kuban State University, Tikhoretsk branch (Tikhoretsk, Russia)

² Tver State University (Tver, Russia)

³ Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

⁴ Southwest State University (Kursk, Russia)

Article info

Received
September 14, 2023

Accepted
October 16, 2023

Type paper

Analytical paper

Abstract. The relevance of the study is due to the continuous changes in the labor market under the influence of external factors and the need to increase its adaptive abilities in conditions of uncertainty. The purpose of the study is to identify the features of the adaptation of the Russian labor market to the conditions of uncertainty caused by the pandemic, and the development of new forms of employment that ensure the structural transformation of the market and changes in labor relations. The objectives of the study are to analyze new forms of work arising on the basis of transformation of models of interaction between participants in a period of uncertainty; to determine the vector of development of labor relations that ensure the balance of the labor market. Methodology. The study was carried out using methods of theoretical analysis, systematization, economic analysis, graphical method, comparative analysis method, and morphological analysis method. Results. The analysis of the dynamics of the labor market development indicators during the pandemic allowed us to conclude that it was

Keywords

Labor market, labor market transformation, labor relations, uncertainty, pandemic, online employment, remote work, flexible employment, unemployment, labor market regulation

destabilized in the conditions of uncertainty, manifested in the form of a decrease in employment indicators, an increase in unemployment, an increase in tension in the market. By 2021, many indicators of the labor market development have returned to a doc-like level. The activity of the Russian population in the global online labor market is analyzed, as well as the demand of Russian companies for labor on digital platforms. The directions of ensuring greater adaptability of the Russian labor market through the use of various mechanisms of state policy are substantiated. *Conclusions.* The emergence of new forms of work based on the transformation of models of interaction between participants has been established. It is concluded that accelerated digitalization during the pandemic created opportunities for online employment of the population, which contributed to the partial removal of tension in the Russian labor market.

1. Введение. По мере развития хозяйственной системы возникают всё новые факторы неопределенности – финансовые кризисы и экономические шоки сменяются эпидемиями и военно-политическими конфликтами [1; 2]. Их воздействие многообразно, охватывает все стороны жизнедеятельности человека, и прежде всего – рынок труда [3]. Рынок труда – это своеобразный индикатор функционирования хозяйственной системы: при ее сбалансированном развитии поддерживается баланс между спросом и предложением, обеспечивается занятость, сведены к минимуму показатели безработицы; при малейшем отклонении возникает рост напряженности и риски снижения благосостояния населения в случае потери работы. В отличие от рынков труда большинства европейских стран, особенностью рынка труда в России является низкая зависимость занятости от изменений экономической конъюнктуры [4; 5]. Этим объясняется широкое применение практик снижения затрат на оплату труда и сокращения рабочего времени российскими работодателями в период кризисов [3; 4].

Пандемия способствовала возникновению новых инструментов приспособления рынка труда к изменяющимся условиям и росту неопределенности. Режим самоизоляции сделал актуальным новый дистанционный подход к организации труда, который даже со снятием ковидных ограничений продолжил активно применяться в деятельности российских предприятий, дополняя традиционные форматы труда. Кроме того, неопределенность и трудная прогнозируемость развития событий подтолкнули работодателей и государство к институциональной проработке механизмов регулирования краткосрочных трудовых отношений, главным преимуществом которых является снижение ответственности и финансовой нагрузки предприятий в случае возникновения кризисных явлений. Организации стали прибегать к использованию труда фрилансе-

ров, сокращая тем самым издержки на квалифицированный труд и избегая расходов на регулярное содержание штата сотрудников [6].

Исследовательский интерес представляют процессы адаптации российского рынка труда к условиям неопределенности, вызванной пандемией, а также развитие новых форм занятости, обеспечивающих структурную трансформацию рынка и изменение трудовых отношений.

Задачами проводимого исследования являются: изучение факторов, определяющих процесс адаптации рынка труда к условиям неопределенности; анализ новых форм труда, возникающих на основе трансформации моделей взаимодействия между участниками в период неопределенности; определение вектора развития трудовых отношений, обеспечивающих сбалансированность рынка труда.

2. Обзор литературы. Традиционно рынок труда подвергается воздействию экономических шоков, финансовых кризисов, сжимаясь под их воздействием и подстраиваясь с помощью ценовых и временных инструментов под новые требования [7]. В частности, такими инструментами являлись снижение оплаты труда работников, перевод на неполный рабочий день, неполную рабочую неделю, отправка сотрудников в вынужденные отпуска [8; 9].

В XX в. наиболее ярким фактором, трансформировавшим рынок труда, стало внедрение цифровых технологий, обеспечивающих, с одной стороны, оптимизацию процесса труда и ускорение операций, удобство в применяемых сервисах, а с другой стороны, возникновение новых рисков человеку как субъекту трудовой деятельности, нарастание угрозы вытеснения живого труда технологиями искусственного интеллекта [3; 4; 10–14].

Пандемия коронавируса 2020 г. запустила новые процессы и явления на рынке труда, с одной стороны, ускорив многие давно назревающие изменения, а с другой стороны, откры-

ла новый вектор трансформаций, поставив всех участников перед выбором: адаптация или умирание [1; 15; 16]. Например, в этот период многократно ускорились процессы цифровизации рынка труда [7; 8]; сделан шаг в сторону повышения гибкости трудовых отношений с расширением новых форм и моделей взаимодействия участников [17; 18]; произошло расширение выхода конкурентоспособных специалистов на глобальный рынок труда [19; 20].

3. Гипотезы и методы исследования. Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что появление новых факторов неопределенности создает предпосылки для структурной трансформации рынка труда и появления новых конкурентных форм труда как формы адаптации к изменяющимся условиям.

Методы исследования: теоретический анализ, метод систематизации, экономический анализ, графический метод, метод компаративного анализа; метод морфологического анализа, позволяющего обосновать целесообразность применения механизма адаптации рынка труда к изменяющимся условиям на основе подбора возможных решений для отдельных частей задачи и их последующего комбинирования.

4. Результаты исследования. На факторы неопределенности, вызванные пандемией, российский рынок труда отреагировал следующими количественными и качественными изменениями:

- сокращением численности населения трудоспособного возраста (–0,17 % в 2020 г.);
- снижением доли трудоспособного населения в общей численности населения страны (–0,18 % в 2020 г.);
- снижением численности рабочей силы (–0,63 % в 2020 г.);
- сокращением численности занятого населения в возрасте 15–72 лет (–1,82 % в 2020 г.);
- увеличением численности безработного населения (+24,7 % в 2020 г.);
- ростом безработицы (до 5,8 % в 2020 г.);
- ростом напряженности на рынке труда (+28,6 % в 2020 г.)¹;
- перетоком рабочей силы между секторами экономики – из сферы торговли, общественного питания, ремонта автотранспортных средств, гостиничного бизнеса, сельского и лесного хозяйств, строительства [5; 21]² в сферу государственного управления, образования и здравоохранения, а также в ИТ-сектор [17].

Указанные изменения, с одной стороны, наделяют рынок труда чертами разбалансированности, проявляющимися в усугублении проблемы безработицы и роста напряженности на рынке труда, а с другой стороны, демонстрируют его гибкость, состоящую в реагировании структуры рынка на изменения, в перераспределении занятых между секторами, а также в относительно быстром возвращении показателей рынка труда к допандемическому уровню.

В 2021 г. вместе со снятием ковидных ограничений российский рынок труда продемонстрировал следующую динамику:

- рост доли трудоспособного населения в общей численности населения страны (+2,1 % в 2021 г.);
- увеличение численности рабочей силы (+0,57 % в 2021 г.);
- снижение численности безработного населения в возрасте 15–72 лет (–16 % в 2021 г.);
- позитивная динамика роста занятости в 2021 г. (+1,9 %);
- снижение коэффициента напряженности рынка труда (1,8 – в 2021 г.)³.

Большинство позитивных изменений на рынке труда являлось следствием реализованных мер государственной политики в сфере занятости. Введенное Министерством труда РФ требование об оплате работодателем нерабочих дней в период введенных санитарных ограничений подтолкнуло организации к выполнению предписаний⁴. Были также введены временные меры поддержки занятости, обеспечивающие поддержание доходов населения, семей с детьми; программы поддержки бизнеса, направленные на снижение текущих издержек для высвобождения средств на выплату заработной платы (отсрочки по налогам и взносам, аренде имущества, выплате кредитов, мораторий на проверки, льготное кредитование МСП и т. д.)⁵.

Одним из важных последствий влияния пандемии на развитие экономики и одновременно механизмом адаптации к изменяющимся условиям стало появление новых форм труда.

Во-первых, непосредственно в период самоизоляции во избежание затяжных простоев организации были вынуждены обеспечить удаленную работу для работников через имеющиеся каналы дистанционной связи либо наладить новые.

Поначалу перевод на дистанционный режим работы носил вынужденный и временный

характер. Возникали различные нарушения со стороны работодателей по организации труда и выплате заработной платы, а также противоречия между реальными формами занятости и режимами рабочего времени. Сокращение клиентской базы способствовало снижению оплаты труда сотрудников, в том числе за счет внесения корректив в трудовые договоры с указанием обязательных условий для премирования⁶.

Во-вторых, невозможность прогнозирования будущих событий в условиях пандемии заставила работодателей пересмотреть формы трудовых отношений с сотрудниками и максимально обезопасить себя с точки зрения оптимизации расходов на персонал.

На практике организации стали заключать дополнительные соглашения к трудовым договорам работников, где отражали новые условия труда, устанавливающие режим удаленной работы и местонахождение удаленного рабочего места⁷. Кроме того, многими организациями были пересмотрены сроки трудовых договоров в сторону уменьшения.

Пандемия ускорила и процессы совершенствования законодательства в сфере трудовых отношений: массовость применения дистанционных форм труда потребовала срочных решений по реализации законодательных механизмов временной удаленной занятости.

В-третьих, происходящие изменения повлияли и на реализацию возможностей работников в различных формах фриланса и самозанятости.

Освоение работниками технологий удаленного доступа, а также наличие конкурентоспособных навыков привело к тому, что в 2020 г. рост численности фрилансеров в России составил 76 %, при этом количество заказчиков фриланс-услуг увеличилось на 38 %⁸. Отсутствие прямой зависимости от работодателя, возможность осуществления трудовой деятельности без непосредственной привязки к месту работы, свободный график работы, а также расширенные возможности увеличения заработка стали безусловными преимуществами фриланса, а процессы ускоренной цифровизации создали все необходимые условия для его укрепления в качестве самостоятельной формы трудовых отношений в России. Сферами, где такая форма стала наиболее применимой, являются *Data Science*, финансовая аналитики, бизнес-услуги.

С учетом интенсивного развития глобального рынка онлайн-труда (в 2020 г. общемировой рост составил 513 %) и появления гибких форм рабочих отношений увеличился спрос российских компаний на рабочую силу на глобальных цифровых платформах [20; 22; 23] (рис. 1).

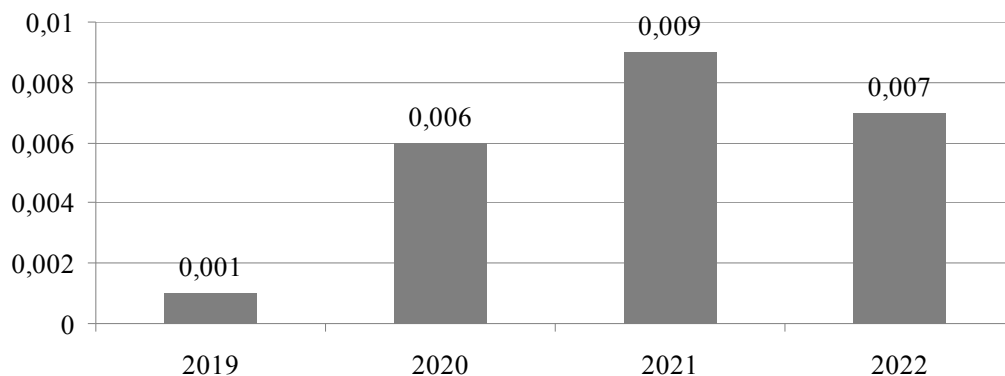

Рис. 1. Динамика спроса на рабочую силу на цифровых платформах глобального рынка онлайн-труда в России, 2019–2022 гг. (сост. по: ILO. *The Online Labour Index 2020*. URL: <http://onlinelabourobservatory.org/oli-demand/>)

Fig. 1. Dynamics of labor demand on digital platforms of the global online labor market in Russia, 2019–2022 (comp. by: ILO. *The Online Labour Index 2020*. URL: <http://onlinelabourobservatory.org/oli-demand/>)

Россия не входит в число стран-лидеров, традиционно предъявляющих спрос на онлайн-работы (таких как США, Великобритания и Индия). Однако в период пандемии в стране

произошел значительный рост спроса на рабочую силу на цифровых платформах глобального рынка онлайн-труда: рост показателя в 6 раз по итогам 2020 г., среднее значение показателя

OLI в период 2019–2022 гг. составляет 0,006 (для сравнения, в США – 0,426). Таким образом, Россия постепенно включается в конкурентную борьбу работодателей за квалифицированных специалистов.

Надо отметить и существенный прогресс в части предложения российских работников, осуществляющих деятельность на основных платформах онлайн-работы (рис. 2).

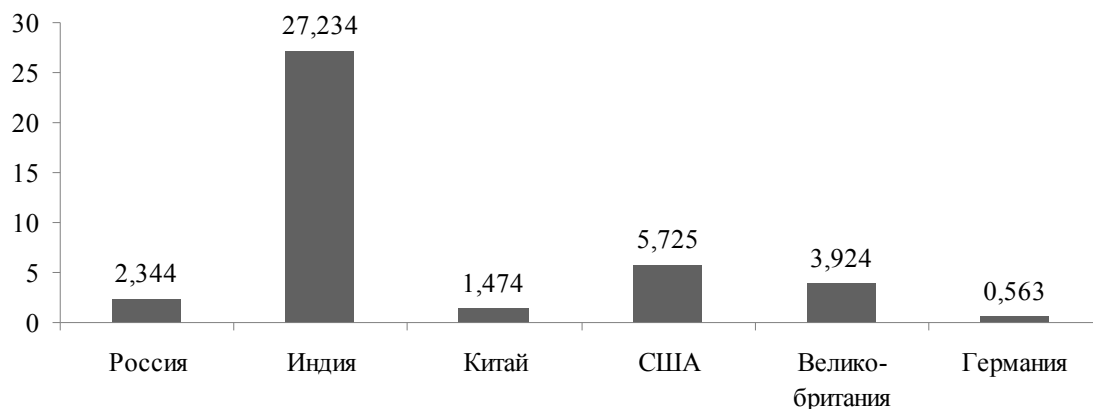

Рис. 2. Динамика предложения рабочей силы на цифровых платформах глобального рынка онлайн-труда, 2020 г. (сост. по: ILO. The Online Labour Index 2020. URL: <http://onlinelabourobservatory.org/oli-demand/>)

Fig. 2. Dynamics of labor supply on digital platforms of the global online labor market, 2020 (comp. by: ILO. The Online Labour Index 2020. URL: <http://onlinelabourobservatory.org/oli-demand/>)

Россия не входит и в число стран-лидеров по количеству онлайн-фрилансеров (в отличие от Индии, США, Великобритании). Тем не менее в 2020 г. Россия обогнала по значению данного показателя Германию и Китай. Онлайн-специалисты из России заинтересованы в участии на глобальном рынке онлайн-труда и доказывают свою конкурентоспособность, обеспечивая при этом более высокий уровень дохода, чем при трудоустройстве в России [6].

Несмотря на сравнительно более высокий индекс образования в России (в 2019 г. он был

равен 0,82; для сравнения: в Германии – 0,94, в США – 0,90, в Индии – 0,56), в России доля самозанятых в 2019 г. оставалась весьма низкой на фоне других стран. В России она составляет 6,6 %, в Германии – 10,2 %, в Индии – 77,9 %⁹.

Анализ показателя численности самозанятых / плательщиков налога на профессиональный доход в России позволяет судить о стремительном развитии данной формы занятости в период пандемии (рис. 3).

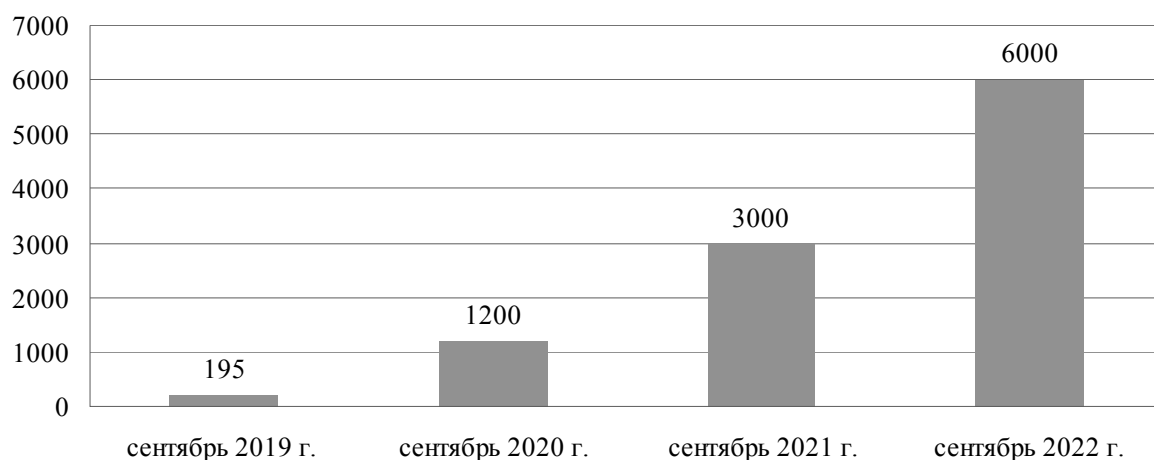

Рис. 3. Динамика численности самозанятых в России, 2019–2022 гг., тыс. чел. (сост. по: Самозанятость в России. Защита прав самозанятых. URL: <https://sznpd.ru/statistika/>)

Fig. 3. Dynamics of the number of self-employed in Russia, 2019–2022 (comp. by: <https://sznpd.ru/statistika/>)

Вероятно, причина роста численности самозанятых в период неопределенности, вызванной пандемией, состоит в росте безработицы, снижении уровня оплаты труда и росте угрозы потери дохода, что вынуждает население искать иные источники дохода самостоятельно, в том числе на цифровых платформах глобального рынка онлайн-труда. При этом уровень образования российских специалистов позволяет им успешно это делать, демонстрируя их конкурентоспособность в международном формате.

Таким образом, снятие напряженности на российском рынке труда в период пандемии частично было компенсировано возможностями онлайн-трудоустройства населения.

Непрерывное расширение современных факторов неопределенности требует обеспечения большей адаптивности российского рынка труда. Для этого могут использоваться различные механизмы государственной политики.

Во-первых, это инструменты бюджетно-налоговой и финансовой политики, применяемые с целью стимулирования занятости и снижения безработицы. С одной стороны, они должны быть направлены на поддержку благосостояния населения в периоды социально-экономической напряженности и защиту в случае увольнения или угрозы сокращения. С другой стороны, они должны стимулировать повышение предпринимательской активности населения с целью последующего создания новых рабочих мест.

Решению этой же задачи могут служить механизмы региональных грантов, стимулирующих запуск стартапов среди местного населения. Преодоление последствий пандемии, вероятно, позволит нормализовать миграционный приток квалифицированной рабочей силы за счет регулирования ставок налогов для иностранных специалистов.

Во-вторых, анализ показал, что условия неопределенности способствуют цифровизации общественной и экономической жизни, последняя значительно упрощает процессы коммуникации, организации производства и сбыта. В связи с этим актуальным механизмом повышения адаптивности рынка труда будет выступать дальнейшее развитие цифровой инфраструктуры для обеспечения доступа населения к платформам онлайн-занятости, повышение цифровой грамотности населения.

Требуется тщательная проработка институциональной базы функционирования рынка

онлайн-занятости, механизмов его регулирования, а также создание институтов, обеспечивающих защиту прав и интересов работников, осуществляющих традиционную деятельность на рынке труда.

В-третьих, повышение адаптивности рынка труда возможно при условии пересмотра детерминантов образовательной политики государства. Это предполагает обеспечение непрерывного повышения уровня образованности населения, роста квалификации и профессиональной компетентности путем создания и развития в регионах центров обучения и переподготовки сотрудников на базе образовательных организаций.

В-четвертых, для сбалансированного развития рынка труда и поддержания контроля со стороны государства эффективной мерой может стать внедрение модели оценки заявленных вакансий или потребности в рабочей силе, что позволит нивелировать расхождение между уровнем официально зарегистрированной и скрытой безработицы и предпринимать реактивные меры.

5. Заключение. Проведенный анализ позволил сделать вывод о дестабилизации рынка труда в условиях пандемии. Вместе с тем уже к 2021 г. многие показатели развития рынка труда вернулись к доковидному уровню.

Проанализированы новые формы труда, возникшие в период неопределенности, включая: закрепление дистанционного режима работы; использование краткосрочных трудовых договоров и дополнительных соглашений к трудовым договорам работников; интенсивное развитие фриланса и самозанятости.

Сделан вывод о том, что снятие напряженности на российском рынке труда в период неопределенности, вызванной пандемией, частично было компенсировано возможностями онлайн-трудоустройства населения.

Обоснованы направления обеспечения большей адаптивности российского рынка труда путем использования различных механизмов государственной политики.

Примечания

¹ Сост. по: Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики РФ: офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 13.09.2023); Трудовые ресурсы // Федеральная служба государственной статистики РФ: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 13.09.2023); Занятость и безра-

ботица // Федеральная служба государственной статистики РФ: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 13.09.2023); Росстат сообщил о новом историческом минимуме уровня безработицы // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/918586> (дата обращения: 13.09.2023); Коэффициент напряженности на рынке труда // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59028> (дата обращения: 13.09.2023).

² См. также: Законно ли снижение зарплаты из-за коронавируса? // Юристконсультант. URL: <https://urist-consult.com/snizhenie-zarplaty-iz-zakoronavirusa.html> (дата обращения: 12.09.2023).

³ Сост. по: Трудовые ресурсы, занятость и безработица; Коэффициент напряженности на рынке труда.

⁴ Законно ли снижение зарплаты из-за коронавируса?

⁵ Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные

изменения в экономике (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол № 36, раздел VII) № П13-60855 от 2 октября 2020 г.). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74678576/> (дата обращения: 13.09.2023).

⁶ Законно ли снижение зарплаты из-за коронавируса?

⁷ Ключевская Н. Работа без «зарплатного карантина»: выплаты в условиях коронавируса // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/news/1332790/> (дата обращения: 04.09.2023).

⁸ Решетова О. Образ жизни «белого воротничка»: кто в России уходит на удаленку // Газета.ру. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2021/06/18/13653008.shtml> (дата обращения: 04.09.2023).

⁹ United Nations. Human development report – Education Index. 2020. URL: <http://hdr.undp.org/en/indicators/103706> (дата обращения: 12.09.2023); Index Mundi. Self-employed, total (% of total employment) – Country Ranking. 2019. URL: <https://www.indexmundi.com/facts/indicators/SL.EMP.SELF.ZS/rankings> (дата обращения: 12.09.2023)

Литература

1. Региональные хозяйственные системы и риски современности : коллектив. моногр. / под общ. ред. Б. О. Хашир. – М. : Русайнс, 2023. – 256 с.

2. Современные подходы к обеспечению экономической безопасности государства и регионов в эру неопределенности : коллектив. моногр. / под общ. ред. Е. К. Карпуниной. – М. : Русайнс, 2022. – 306 с.

3. *Strelnikova T., Klimentova E., Piven I., Starodubtceva A., Ivinskaya I.* The Impact of the COVID-19 Recession on the Russian Labor Market // Digital Technologies and Institutions for Sustainable Development / eds. A. V. Bogoviz, E. G. Popkova. – Cham : Springer, 2022. – P. 3–9. – (Advances in Science, Technology & Innovation). – DOI: 10.1007/978-3-031-04289-8_1.

4. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшниковой, С. Ю. Рощина. – М. : Центр стратегических разработок, 2017. – 145 с.

5. *Ахапкин Н. Ю.* Российский рынок труда в условиях пандемии COVID-19: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2020. – № 6. – С. 52–65. – DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10068.

6. *Галиева Г. Ф., Сазанова Е. В., Дик Е. Н., Аминева Р. Р.* Исследование современных тенденций участия населения стран БРИКС и ОЭСР на глобальном рынке онлайн-труда // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2023. – Т. 13, № 3. – С. 10–23. – DOI: 10.21869/2223-1552-2023-13-3-10-23.

7. *Карпунина Е. К., Мусеев С. С., Карпунин К. Д.* Трансформация рынка труда в период пандемии: новые риски экономической безопасности // Друкерровский вестник. – 2022. – № 1 (45). – С. 156–165. – DOI: 10.17213/2312-6469-2022-1-156-165.

8. *Nazarova I. G., Galieva G. F., Sazanova E. V., Chernenko E. M., Karpunina E. K.* Labor Market and Employment Problems: Analysis of Long-Term Dynamics and Prospects of Development in Russian Regions // Imitation Market Modeling in Digital Economy: Game Theoretic Approaches : Conference proceedings / ed. E. G. Popkova. – Cham : Springer, 2022. – P. 711–722. – (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 368). – DOI: 10.1007/978-3-030-93244-2_77.

9. *Калинин А. Р., Абалакин А. А., Миргород Е. Е., Бейлина А. Ф.* Трансформация региональных рынков труда в период пандемического кризиса // Вестник Самарского государственного экономического университета. – 2022. – № 6 (212). – С. 46–58. – DOI: 10.46554/1993-0453-2022-6-212-46-58.

10. *Ахапкин Н. Ю.* Структурные изменения на российском рынке труда (региональный аспект) // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 6. – С. 26–41. – DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10068.

11. Науменко А. И., Шаповалова А. В. Влияние коронакризиса и цифровизации экономики на рынок труда // Сибирская финансовая школа. – 2020. – № 3. – С. 8–22.
12. Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? : Working paper. – Oxford Martin Programme on Technology and Employment, September 17, 2013. – 77 p. – URL: <https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/future-of-employment.pdf> (дата обращения: 04.08.2023).
13. Karpunina E. K., Okunkova E. A., Molchan A. S., Belova E. O., Kuznetsova O. A. Management of personnel professional development as a condition of digital transformation of the organization // International Journal of Learning and Change. – 2023. – Vol. 15, no. 4. – P. 365–387. – DOI: 10.1504/IJLC.2023.132135.
14. Карпунина Е. К., Плюсина О. В. Трансформация экономических отношений в процессе цифрового развития хозяйственных систем: предпосылки, перспективы, ограничения // Друкеровский вестник. – 2023. – № 2 (52). – С. 20–32. – DOI: 10.17213/2312-6469-2023-2-20-32.
15. Дробот Е. В., Макаров И. Н., Назаренко В. С., Манасян С. М. Влияние пандемии COVID-19 на реальный сектор экономики // Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10, № 8. – С. 2135–2150. – DOI: 10.18334/ep.10.8.110790.
16. Fraymovich D. Y., Konovalova M. E., Roshchektaeva U. Y., Karpunina E. K., Avagyan G. L. Designing Mechanisms for Ensuring the Economic Security of Regions: Countering the Challenges of Instability // Towards an Increased Security: Green Innovations, Intellectual Property Protection and Information Security : Conference proceedings / eds. E. G. Popkova, A. A. Polukhin, J. V. Ragulina. – Cham : Springer, 2022. – P. 569–581. – (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 372). – DOI: 10.1007/978-3-030-93155-1_63.
17. Polujanova N. V., Yashin S. N., Sazanova E. V., Ponomarev S. V., Konovalova M. E., Galieva G. F. Assessment of changes in the online labour market in the context of the COVID-19 pandemic: comparison of the dynamics of rural and urban participation // International Journal of Work Innovation. – 2023. – Vol. 3, no. 4. – P. 367–381. – DOI: 10.1504/IJWI.2022.10052096.
18. Arutyunova A. E., Khanseviarov R. I., Okunkova E. A., Alieva P. R., Makareva E. A. Youth, Work and Skills: A Map of the Transformation of the Workforce and Employment // Big Data in the GovTech System / eds. V. N. Ostrovskaya, A. V. Bogoviz. – Cham : Springer, 2022. – P. 149–160. – (Studies in Big Data; vol. 110). – DOI: 10.1007/978-3-031-04903-3_18.
19. Okunkova E. A., Kosorukova I. V., Lazareva T. G., Korolyuk E. V., Bogomolova A. V. Global gig economy: prospects and key growth threats for developing countries // International Journal of Work Innovation. – 2023. – Vol. 3, no. 4. – P. 403–417. – DOI: 10.1504/IJWI.2023.128862.
20. Чекмарев О. П., Лукичев П. М., Конев П. А. Факторы изменений рынка труда России под влиянием пандемии COVID-19 и стратегии адаптации работодателей // Экономика труда. – 2021. – Т. 8, № 4. – С. 329–340. – DOI: 10.18334/et.8.4.111966.
21. Терновский Д. С., Шагайда Н. И. Сельское хозяйство в период пандемии // Экономическое развитие России. – 2021. – № 1. – С. 24–28.
22. Alpar P., Osterbrink L. Consequences of the COVID-19 Pandemic for IT Work // Information Systems Management. – 2020. – Vol. 37, iss. 4. – P. 339–342. – DOI: 10.1080/10580530.2020.1820638.
23. Dunn M., Stephany F., Sawyer S., Munoz I., Raheja R., Vaccaro G., Lehdonvirta V. When Motivation Becomes Desperation: Online Freelancing during the COVID-19 Pandemic : Working paper. – June 23, 2020. – 32 p. – DOI: 10.31235/osf.io/67ptf.

References

1. Khashir B.O. (ed.). *Regional'nye khozyaistvennyye sistemy i riski sovremennosti* [Regional economic systems and modern risks], Collective monograph. Moscow, Rusains publ., 2023. 256 p. (in Russian).
2. Karpunina E.K. (ed.). *Sovremennyye podkhody k obespecheniyu ekonomicheskoi bezopasnosti gosudarstva i regionov v eru neopredelennosti* [Modern approaches to ensuring the economic security of the state and regions in the era of uncertainty], Collective monograph. Moscow, Rusains publ., 2022. 306 p. (in Russian).

3. Strelnikova T., Klimentova E., Piven I., Starodubtceva A., Ivinskaya I. The Impact of the COVID-19 Recession on the Russian Labor Market, in: Bogoviz A.V., Popkova E.G. (eds.). *Digital Technologies and Institutions for Sustainable Development*, Advances in Science, Technology & Innovation, Cham, Springer publ., 2022, pp. 3-9. DOI: 10.1007/978-3-031-04289-8_1.
4. Gimpel'son V.E., Kapelyushnikov R.I., Roshchin S.Yu. (eds.). *Rossiiskii rynek truda: tendentsii, instituty, strukturnye izmeneniya* [The Russian labor market: trends, institutions, structural changes]. Moscow, Center for Strategic Research publ., 2017. 145 p. (in Russian).
5. Akhapiin N.Yu. Russian labor market in the context of the COVID-19 pandemic: dynamics and structural changes. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*, 2020, no. 6, pp. 52-65. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10069. (in Russian).
6. Galieva G.F., Sazanova E.V., Dik E.N., Amineva R.R. Study of Current Trends of Participation of Population of the BRICS and OECD Countries in the Global Online Labor Market. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, 2023, Vol. 13, no. 3, pp. 10-23. DOI: 10.21869/2223-1552-2023-13-3-10-23. (in Russian).
7. Karpunina E.K., Moiseev S.S., Karpunin K.D. Transformation of the labor market during the pandemic: new economic security risks. *Drukerovskij vestnik*, 2022, no. 1 (45), pp. 156-165. DOI: 10.17213/2312-6469-2022-1-156-165. (in Russian).
8. Nazarova I.G., Galieva G.F., Sazanova E.V., Chernenko E.M., Karpunina E.K. Labor Market and Employment Problems: Analysis of Long-Term Dynamics and Prospects of Development in Russian Regions, in: Popkova E.G. (ed.). *Imitation Market Modeling in Digital Economy: Game Theoretic Approaches*, Conference proceedings, Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 368, Cham, Springer publ., 2022, pp. 711-722. DOI: 10.1007/978-3-030-93244-2_77.
9. Kalinin A.R., Abalakin A.A., Mirgorod E.E., Beilina A.F. Transformation of regional labor markets during the pandemic crisis. *Vestnik of Samara State University of Economics*, 2022, no. 6 (212), pp. 46-58. DOI: 10.46554/1993-0453-2022-6-212-46-58. (in Russian).
10. Akhapiin N.Yu. Structural changes in the Russian labor market (regional aspect). *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk*, 2019, no. 6, pp. 26-41. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10068. (in Russian).
11. Naumenko A., Shapovalova A. Influence of coronacrisis and the digitalization of the economy on the labor market. *Sibirskaya finansovaya shkola*, 2020, no. 3, pp. 8-22. (in Russian).
12. Frey C.B., Osborne M.A. *The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerization?*, Working paper. Oxford Martin Programme on Technology and Employment, September 17, 2013. 77 p. Available at: <https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/future-of-employment.pdf> (accessed: August 4, 2023).
13. Karpunina E.K., Okunkova E.A., Molchan A.S., Belova E.O., Kuznetsova O.A. Management of personnel professional development as a condition of digital transformation of the organization. *International Journal of Learning and Change*, 2023, Vol. 15, no. 4, pp. 365-387. DOI: 10.1504/IJLC.2023.132135.
14. Karpunina E.K., Plyusnina O.V. Transformation of economic relations in the process of digital development of economic systems: prerequisites, prospects, limitations. *Drukerovskij vestnik*, 2023, no. 2 (52), pp. 20-32. DOI: 10.17213/2312-6469-2023-2-20-32. (in Russian).
15. Drobot E.V., Makarov I.N., Nazarenko V.S., Manasyan S.M. Impact of the COVID-19 pandemic on the real economy. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, Vol. 10, no. 8, pp. 2135-2150. DOI: 10.18334/epp.10.8.110790. (in Russian).
16. Fraymovich D.Y., Konovalova M.E., Roshchektaeva U.Y., Karpunina E.K., Avagyan G.L. Designing Mechanisms for Ensuring the Economic Security of Regions: Countering the Challenges of Instability, in: Popkova E.G., Polukhin A.A., Ragulina J.V. (eds.). *Towards an Increased Security: Green Innovations, Intellectual Property Protection and Information Security*, Conference proceedings, Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 372, Cham, Springer publ., 2022, pp. 569-581. DOI: 10.1007/978-3-030-93155-1_63.
17. Polujanova N.V., Yashin S.N., Sazanova E.V., Ponomarev S.V., Konovalova M.E., Galieva G.F. Assessment of changes in the online labour market in the context of the COVID-19 pandemic: comparison of the dynamics of rural and urban participation. *International Journal of Work Innovation*, 2023, Vol. 3, no. 4, pp. 367-381. DOI: 10.1504/IJWI.2022.10052096.

18. Arutyunova A.E., Khanseviarov R.I., Okunkova E.A., Alieva P.R., Makareva E.A. Youth, Work and Skills: A Map of the Transformation of the Workforce and Employment, in: Ostrovskaya V.N., Bogoviz A.V. (eds.). *Big Data in the GovTech System*, Studies in Big Data; vol. 110, Cham, Springer publ., 2022, pp. 149-160. DOI: 10.1007/978-3-031-04903-3_18.

19. Okunkova E.A., Kosorukova I.V., Lazareva T.G., Korolyuk E.V., Bogomolova A.V. Global gig economy: prospects and key growth threats for developing countries. *International Journal of Work Innovation*, 2023, Vol. 3, no. 4, pp. 403-417. DOI: 10.1504/IJWI.2023.128862.

20. Chekmarev O.P., Lukichev P.M., Konev P.A. Factors of changes in the Russian labour market under the influence of the COVID-19 pandemic and employer adaptation strategies. *Russian Journal of Labour Economics*, 2021, Vol. 8, no. 4, pp. 329-340. DOI: 10.18334/et.8.4.111966. (in Russian).

21. Ternovskiy D.S., Shagayda N.I. Agricultural Sector During the Pandemic. *Russian Economic Developments*, 2021, no. 1, pp. 24-28. (in Russian).

22. Alpar P., Osterbrink L. Consequences of the COVID-19 Pandemic for IT Work. *Information Systems Management*, 2020, Vol. 37, iss. 4, pp. 339-342. DOI: 10.1080/10580530.2020.1820638.

23. Dunn M., Stephany F., Sawyer S., Munoz I., Raheja R., Vaccaro G., Lehdonvirta V. *When Motivation Becomes Desperation: Online Freelancing During the COVID-19 Pandemic*, Working paper. June 23, 2020. 32 p. DOI: 10.31235/osf.io/67ptf.

Сведения об авторах

¹ **Королюк Елена Владиславовна** – д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и менеджмента

Адрес для корреспонденции: 352930, Россия, Тихорецк, ул. Октябрьская, 24б

E-mail: lenkor@bk.ru

ORCID: 0000-0002-2466-3728

SPIN-код РИНЦ: 6791-5479

About the authors

¹ **Elena V. Korolyuk** – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economics and Management

Postal address: 24b, Oktyabr'skaya ul., Tikhoretsk, 352930, Russia

E-mail: lenkor@bk.ru

ORCID: 0000-0002-2466-3728

RSCI SPIN-code: 6791-5479

² **Пилипчук Надежда Валерьевна** – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры государственного управления
Адрес для корреспонденции: 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, 33

E-mail: nadezda.pilipchuk@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8908-6899

SPIN-код РИНЦ: 4545-1963

² **Nadezhda V. Pilipchuk** – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Public Administration

Postal address: 33, Zhelyabova ul., Tver, 170100, Russia

E-mail: nadezda.pilipchuk@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8908-6899

RSCI SPIN-code: 4545-1963

³ **Плясова Светлана Владимировна** – канд. экон. наук, доцент, доцент Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления

Адрес для корреспонденции: 125167, Россия, Москва, пр. Ленинградский, 49/2

E-mail: Svplyasova@fa.ru

ORCID: 0000-0002-4681-7011

SPIN-код РИНЦ: 5487-2743, AuthorID: 726824

³ **Svetlana V. Plyasova** – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Corporate Finance and Corporate Governance

Postal address: 49/2, Leningradskii pr., Moscow, 125167, Russia

E-mail: Svplyasova@fa.ru

ORCID: 0000-0002-4681-7011

RSCI SPIN-code: 5487-2743, AuthorID: 726824

⁴ **Шевцов Никита Анатольевич** – канд. экон. наук, доцент кафедры экономики, управления и аудита
Адрес для корреспонденции: 305040, Россия, Курск, ул. 50 лет Октября, 94

E-mail: eng15@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1829-2577

SPIN-код РИНЦ: 2845-4986, AuthorID: 959226

⁴ **Nikita A. Shevtsov** – PhD in Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics, Management and Audit

Postal address: 94, 50 let Oktyabrya ul., Kursk, 305040, Russia

E-mail: eng15@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1829-2577

RSCI SPIN-code: 2845-4986, AuthorID: 959226

Вклад авторов

Королук Е.В. – разработка методологии исследования, определение научной гипотезы, целей и задач исследования, подготовка выводов и заключения.

Пилипчук Н.В. – формирование теоретического базиса исследования, подготовка заключения исследования, составление списка литературы.

Плясова С.В. – проведение экономического анализа, графическое представление результатов исследования, формирование рекомендаций.

Шевцов Н.А. – сбор статистической информации, визуальное представление данных, анализ результатов исследования.

Для цитирования

Королук Е. В., Пилипчук Н. В., Плясова С. В., Шевцов Н. А. Адаптационные механизмы российского рынка труда в условиях неопределенности // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 16–26. – DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).16-26.

Authors' contributions

Korolyuk E.V. – development of research methodology, definition of scientific hypothesis, goals and objectives of research, preparation of conclusions.

Pilipchuk N.V. – formation of the theoretical basis of the study, preparation of the conclusion of the study, compiling of the list of references.

Plyasova S.V. – conducting economic analysis, graphical representation of research results, formation of recommendations.

Shevtsov N.A. – collection of statistical information, visual representation of data, analysis of research results.

For citations

Korolyuk E.V., Pilipchuk N.V., Plyasova S.V., Shevtsov N.A. Adaptation mechanisms of the Russian labor market in conditions of uncertainty. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2024, Vol. 22, no. 1, pp. 16-26. DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).16-26. (in Russian).

УДК 330.341.1+330.43
JEL: O32, O33, C32, C53
DOI 10.24147/1812-3988.2024.22(1).27-34

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ДОКТРИНА, МЕТОДОЛОГИЯ, ПРАКСЕОЛОГИЯ. Часть II: МЕТОДИКА ИСЧИСЛЕНИЯ ТЕССИТУРЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

С.В. Кочетков[✉], О.В. Кочеткова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
3 августа 2023 г.

Дата принятия в печать
16 октября 2023 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Инновационное развитие, инновационное состояние, вклад, тесситура, прогнозирование, интериоризация, российская экономика

Аннотация. Раскрываются проблемы юстировки инновационного развития экономики. Рассчитанная мера воздействия факторов инновационного развития экономики отражает направления интенсификации инновационных возможностей России и вскрывает экономическую структуру ее инновационного развития. Идентифицирована тесситура инновационного развития российской экономики, которая обосновывает комбинаторность влияния исследуемых факторов на изменение темпов прироста инновационных товаров, работ, услуг и обуславливает его прогноз. Выявлены и описаны закономерности и будущие риски инновационного развития экономики России, которые конституируют вектор ее интериоризации. Разработан комплекс мер по настройке инновационного развития Российской Федерации, которые выступают базисом обеспечения перехода экономики от поиска возможностей для роста к ее структурным и системным преобразованиям, придавая новое качество.

ECONOMIC ASSESSMENT OF INNOVATIVE DEVELOPMENT: DOCTRINE, METHODOLOGY, PRAXEOLGY. Part II: METHODOLOGY FOR CALCULATING THE TESSITURA OF INNOVATIVE ECONOMIC DEVELOPMENT

S.V. Kochetkov[✉], O.V. Kochetkova

Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Article info

Received
August 3, 2023

Accepted
October 16, 2023

Type paper

Research paper

Keywords

Innovative development, innovative state, contribution, tessitura, forecasting, interiorization, Russian economy

Abstract. The article discusses the challenges of adjusting to the innovative development of the economy. The authors calculated a measure of the influence of factors in innovative economic development, which reveals the directions for intensifying innovative opportunities in Russia. The economic structure of innovative development is also discussed. The article identifies the current state of innovative development in the Russian economy. It also highlights the combinatorial effect of the factors studied on the growth rate of innovative products, services, and works. This information is used to predict future trends and risks in innovative development. Based on this analysis, the authors identified the main patterns and risks of innovative growth in the Russian economy. These findings form the basis for understanding the internalization process of innovation. The article proposes a set of measures for adjusting the innovative development in the Russian Federation. These measures will serve as a basis for ensuring the transition of the economy from searching for growth opportunities to structural and systemic changes, leading to a new quality of development.

1. Введение¹. Сегодняшняя повестка дня диктует необходимость перевода экономики России на инновационные рельсы, изменения ее структуры таким образом. В этом случае одну колею составляют научные исследования, а другую представляют процессы внедрения их результатов в производство. Задачи приведения их в соответствие и обеспечения бесперебойного хода российской экономики по ним и должны решиться в самое ближайшее время. Как будут выстроены эти рельсы, их взаимозависимость, т. е. организация и управление этими процессами на уровне государства, так и будет осуществлен переход к экономике инноваций и ее дальнейшему развитию – научно-технологическому прорыву. В нынешних условиях в нашей стране практически полностью выведен из строя, деформирован механизм внедрения результатов научных исследований в производство. Он не исследуется, на него вообще не обращают никакого внимания, за редкими исключениями.

В то же время можно с уверенностью сказать, что работа в этом направлении сдвинулась с «мертвой» точки. В помощь отраслевым ведомствам разработаны и одобрены на заседании президиума Комиссии по научно-технологическому развитию России методические рекомендации по оценке кадровой потребности и потребности в новых научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках². Речь идет о формировании перспективных направлений научной деятельности в нашей стране. На наш взгляд, главным показателем установления потребности в инновационном развитии экономики является темп прироста инновационных товаров, работ, услуг. В свою очередь, оценка возможностей экономики для удовлетворения указанных потребностей должна основываться на определении вклада научных исследований и вклада внедрения их результатов в производство в темп прироста инновационных товаров, работ, услуг, а также его величины. Дать ответ на вопрос: как выстроить эту работу, предварительно проведя оценку сложившейся в науке и промышленности ситуации? – и призван данный научный труд.

На этой основе цель исследования – осуществить настройку инновационного развития экономики России.

Для ее достижения, базируясь на анализе процессов формирования и регулирования ин-

новационного состояния экономики, следует сформулировать предложения и практические рекомендации (предложить комплекс мер) по интериоризации инновационного развития нашей страны.

Инновационное развитие характеризуется перестройкой всего технического базиса, начиная с использования новых видов материалов, энергии и заканчивая системой машин, формами организации и управления, местом и ролью человека в процессе производства.

В своей работе М. Brown [1] справедливо отмечал, что инновационное развитие экономики является необходимой предпосылкой расширенного воспроизводства. В нынешних условиях особо подчеркивается, что выстраивание панорамы развития экономики должно основываться именно на производстве, реальном секторе экономики, всестороннем развитии промышленности [2] как основополагающим факторе ее интериоризации, трансформации в новое качество [3; 4]. В трудах отечественных и зарубежных ученых [5–10] доказано, что инновации являются определяющим источником роста экономики. Экономический рост в Российской Федерации, ее мощь как никогда в настоящее время зависят от состояния и перспектив развития науки, техники и технологий. Особо отметим, что – не технологий передачи информации (например, получением услуг в электронном виде), а технологий производства продукции.

Особое значение здесь приобретает установление тесситур инновационного развития экономики. В этом случае выявляется нужное (оптимальное, идеальное) сочетание факторов влияния, обеспечивающих максимальное значение результирующего показателя. В рамках исследования – это соотношение C_R и C_{IRRP} для достижения максимального темпа прироста $IGWS$. Речь идет о том, что необходимо осуществить перевод из начального (базового) инновационного состояния экономики в планируемое, т. е., увеличивая или уменьшая C_R и C_{IRRP} (формируя необходимую структуру инновационного состояния), добиться нужного (устойчивого) темпа прироста $IGWS$.

2. Функциональные признаки тесситур инновационного развития. Анализ влияния составных частей инновационного состояния экономики – процесса научных исследований и процесса внедрения их результатов в производство, и особенно их взаимодействия –

на темп прироста инновационных товаров, работ, услуг имеет принципиальное значение для экономической оценки инновационного развития нашей страны. Он раскрывает вклад R и вклад IRR в темп прироста $IGWS$. Для этого применим разработанный нами вариант производственной функции. В соответствии с ним темпы прироста $IGWS$ разложим на совокуп-

ный вклад факторов: общей факторной производительности, C_R и C_{IRR} , – влияющих на него. Проведенный нами факторный анализ методом цепных подстановок³ (с учетом предварительных расчетов) вскрыл вклад C_R и вклад C_{IRR} в темп прироста $IGWS$ в нашей стране (табл. 2)⁴, а также показал меру такого воздействия, т. е. его размер (табл. 3).

Таблица 2. Интенсификация инновационных возможностей экономики Российской Федерации, %

Table 2. Intensification of the innovative possibilities of the Russian Federation's economy, %

Показатель	Анализируемый период							
	2010–2011	2011–2012	2012–2013	2013–2014	2014–2015	2015–2016	2016–2017	2017–2018
Вклад C_R	–0,18	1,92	0,62	2,01	0,12	0,00	0,94	–3,35
Вклад C_{IRR}	53,30	12,41	15,90	1,46	–7,37	3,29	3,64	–4,75
Реальные темпы прироста $IGWS$	53,12	14,33	16,53	3,46	–7,25	3,30	4,59	–8,10

На основе данных табл. 2 мы можем констатировать, что реальные темпы прироста $IGWS$ в России обеспечиваются, в основном, за счет внедрения результатов научных исследований в производство. Научные исследования оказывают на них минимальное воздействие. В то же время важно отметить, что, несмотря на увеличение используемых ресурсов, темпы прироста $IGWS$ в нашей стране кардинальным образом снизились. Это говорит о практически полном исчерпании производ-

ственных возможностей. Отрицательные величины их показателя свидетельствуют о перегрузке производственного потенциала в его нынешнем состоянии, что подтверждается выявленным ранее диссонансом между наукой и промышленностью в нашей стране.

Вместе с тем размер вклада R и размер вклада IRR в темпы прироста $IGWS$ в Российской Федерации наглядно демонстрируют потенциал их использования, т. е. меру указанного воздействия (табл. 3).

Таблица 3. Экономическая структура инновационного развития России, %

Table 3. Economical structure of innovative development of Russia, %

Показатель	Анализируемый период							
	2010–2011	2011–2012	2012–2013	2013–2014	2014–2015	2015–2016	2016–2017	2017–2018
Размер вклада C_R	0,34	13,40	3,76	57,94	1,59	0,14	20,58	41,34
Размер вклада C_{IRR}	99,66	86,60	96,24	42,06	98,41	99,86	79,42	58,66
Реальные темпы прироста $IGWS$	100	100	100	100	100	100	100	100

Примечание. Расчет по данным табл. 2.

Данные табл. 3 подтверждают выявленную тенденцию практически полного истощения производственного потенциала нашей страны. При имеющихся производственных возможностях обеспечить достижение необходимых темпов роста инновационных товаров, работ, услуг невозможно. Именно поэтому и потребовались, как видим, новые разработки, но это никаких результатов не дало.

В сложившихся условиях, на наш взгляд, требуется коренная модернизация производственных мощностей и в целом промышленности России на основе взаимодействия с наукой. Сегодня промышленность должна превратиться в тот объект, где научные изыскания и достижения станут главными факторами ее расширения, роста и всестороннего развития.

3. Критерий качества инновационного развития российской экономики. На основе проведенных расчетов раскроем тесситуру

инновационного развития российской экономики (рис. 4).

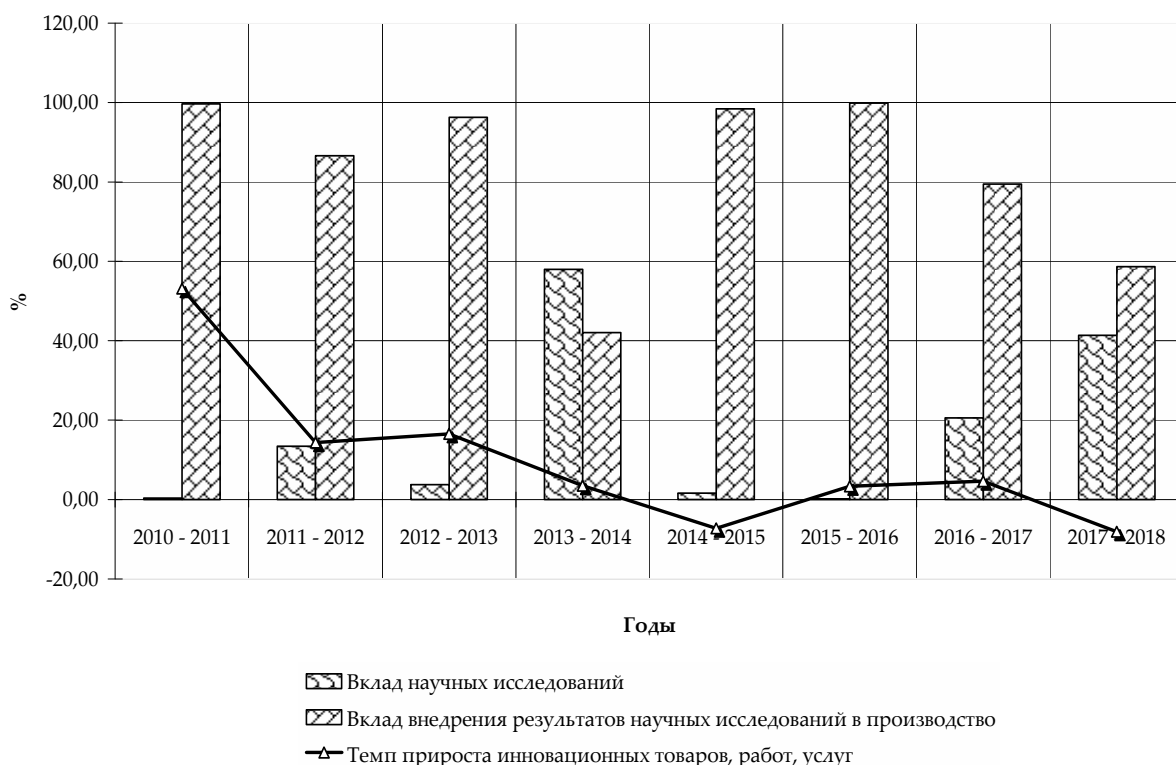

Рис. 4. Тесситура инновационного развития экономики Российской Федерации

Fig. 4. Tessitura of innovative development of the Russian Federation's economy

Полученные данные соответствуют представлениям об усиливающемся разрыве между наукой и внедрением ее результатов в производстве, отсутствии организации процесса их применения в промышленности. Тем самым тесситура инновационного развития экономики показывает, в каком направлении следует изменить воздействие того или иного фактора, а также подтверждает довольно неутешительную картину взаимодействия науки с промышленностью в нашей стране, а точнее говоря – его практическое отсутствие.

Вместе с тем подчеркнем, что осуществляемые в России вложения в процессы внедрения результатов научных исследований в производство за анализируемый период принесут определенную отдачу в перспективе в силу специфики и особенностей инновационного развития. Первые успехи мы можем наблюдать уже в ближайшие два-три года (рис. 5).

Как видим, для усиления позиций по достижению нужных темпов роста инновационных товаров, работ, услуг необходима всесто-

ронная интенсификация процессов взаимодействия науки и промышленности как главная движущая сила инновационного развития России. Оставление сложившейся ситуации без должного внимания может привести к катастрофическим последствиям.

Проведя анализ разработанной экономико-математической модели, выделим основные закономерности инновационного развития нашей страны, а именно:

1. Вычленение нами таких ключевых факторов инновационного развития экономики, как научные исследования и внедрение их результатов в производство, позволило зафиксировать, что в России с увеличением затрат на них (табл. 1) использование инновационного потенциала (отдача от их применения) остается на одном и том же уровне, практически без изменений (рис. 2). В этой связи получаемые объемы инновационных товаров, работ, услуг являются лишь следствием сформированного в предыдущие годы научного потенциала и ранее созданных производственных возможностей.

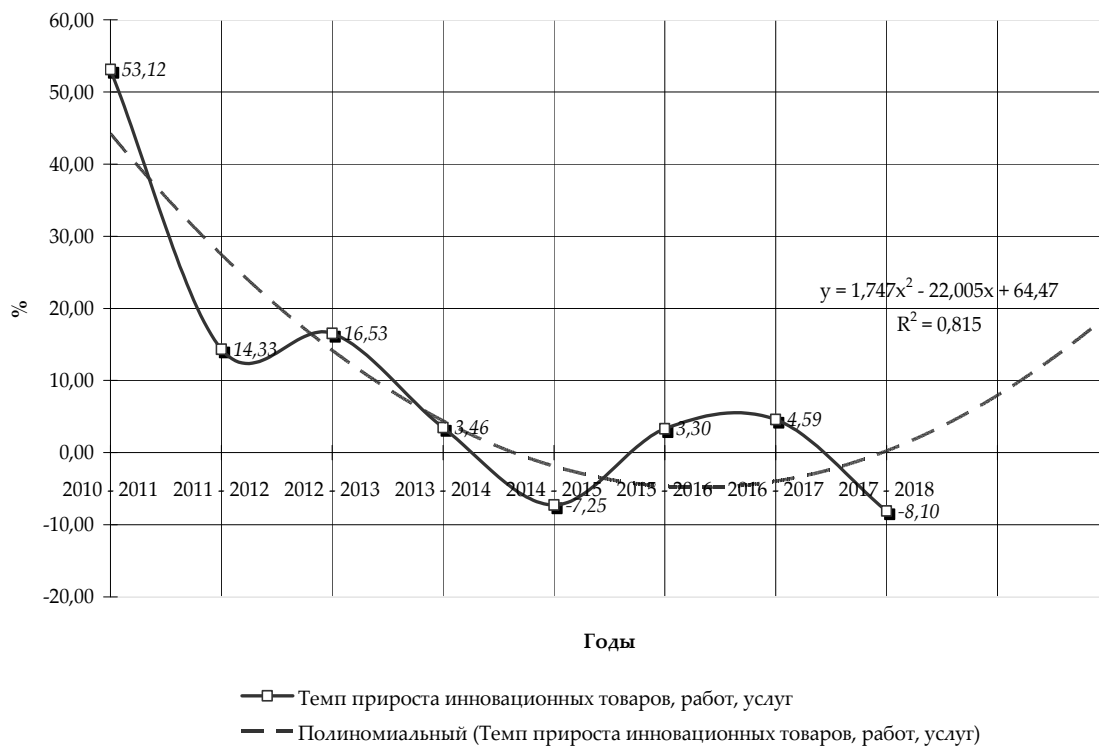

Рис. 5. Прогнозирование инновационного развития российской экономики
Fig. 5. Forecasting of innovative development of the Russian economy

2. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что при увеличении затрат на научные исследования (табл. 1) их роль в обеспечении роста инновационных товаров, работ, услуг постепенно усиливается, о чем наглядно свидетельствует пропорциональность инновационного развития нашей экономики, в частности такой показатель, как предельная норма замещения ресурсов (рис. 3). Это говорит о том, что фактор науки в инновационном развитии России стал использоваться интенсивнее.

3. Вместе с тем увеличение затрат на внедрение результатов научных исследований в производство (табл. 1) при интенсификации инновационных возможностей экономики привело к перегреву производственных мощностей и, как следствие, снижению V_{IGWS} (табл. 2). Всё это служит наглядным доказательством того, что накопленный ранее промышленный потенциал в его нынешнем инновационном состоянии постепенно и систематически угасает. В этих условиях требуется немедленная его реконструкция и, самое главное, обновление.

4. Основной тезис заключается в том, что нами диагностировано, что при увеличении C_R и C_{IRRP} (табл. 1), несмотря на кардинальную трансформацию экономической структуры

инновационного развития нашей страны, роли указанных факторов практически уравнились (табл. 3), тесситура инновационного развития российской экономики указывает на отрицательные значения показателей темпов прироста инновационных товаров, работ, услуг (рис. 4). Это иллюстрирует, что предпринимаемые инициативы, усилия и меры для решения проблемы обеспечения реальных темпов роста $IGWS$ в нашей стране, к глубокому сожалению, не привели к их увеличению, а наоборот, ситуация ухудшилась коренным образом.

Подводя предварительный итог, хотелось бы отметить, что определенные успехи возможны (рис. 5). Есть уверенность, что они не будут носить кратковременный и фрагментарный характер, а критически повлияют не только на сложившуюся ситуацию, но и на выбор перспективных направлений инновационного развития Российской Федерации.

4. Заключение. Что же представляют собой полученные данные для российской экономики? Постараемся выделить следующие принципиальные моменты.

Анализируя содержательный (взаимодействие факторов) и процессуальный (тенденции и закономерности) аспекты инновационного

развития, мы приходим к выводу не просто о необходимости, но и, самое главное, о целесообразности формирования и регулирования инновационного состояния нашей экономики.

В этом случае оценка эффективности рассмотренных факторов показывает соответствие научного потенциала выбранным направлениям научных исследований. Другими словами, мы получаем ответ на вопрос о своевременности разработки тех или иных направленных научных изысканий.

В свою очередь, взаимодействие указанных факторов, устойчивость связей между ними определяются такой важнейшей задачей, как регулирование инновационного состояния экономики. Взаимодействие факторов выступает как одно из важнейших средств решения этой поставленной задачи. В этой связи их вклад, и особенно его размер, наглядно демонстрируют вектор исчерпания производственного потенциала, т. е. раскрывают возможности применения производственных мощностей для внедрения научных достижений.

Перспективу сказанному открывает разработанная экономико-математическая модель инновационного развития Российской Федерации, применение аппарата которой раскрывает величину инновационного резерва и обосновывает выбор наиболее перспективных направлений реализации инновационных возможностей, а также, что хотелось бы отметить особенно, конституирует оценку эффективности использования инновационного потенциала российской экономики.

Сказанное убедительно доказывает, что успешное воздействие (формирование и регулирование) на инновационное состояние экономики придаст свежий импульс и может запустить новые механизмы инновационного развития России.

5. Выводы. Подводя итог сказанному, сделаем следующие выводы.

В текущей ситуации встает вопрос о необходимости сокращения имеющегося разрыва между научными исследованиями и внедрением их результатов в производство и, в силу этого, недопущения сценария, когда инновационный потенциал экономики иссякнет полностью. Мы наблюдаем кризис институционализации науки и ее взаимодействия с промышленностью.

В этой связи особое значение приобретает построение действенной, на наш взгляд, систе-

мы централизованного управления наукой и производством в Российской Федерации. Вместе с этим для устойчивого взаимодействия с промышленностью необходимо разработать комплексную программу государственного участия в технико-технологическом прогрессе нашей экономики. Функционирование подобной системы должно опираться на цепочку из трех звеньев: 1) организация и проведение научных исследований; 2) освоение и производство результатов научных исследований; 3) использование в экономике освоенных достижений науки, т. е. массовое производство и практическая реализация инновационных товаров, работ, услуг. Для этого необходимо предусмотреть создание структуры специальных органов, занимающихся управлением этими процессами, и постоянное ее совершенствование. В основе их деятельности должны лежать формулирование конкретных целей, выработка параметров инновационного развития экономики и показателей их достижения и, самое главное, ответственность за выполнение разрабатываемых программ такого развития.

Впоследствии это можно рассматривать главной предпосылкой составления единого плана науки и производства как инструмента эффективного воздействия на инновационное состояние экономики. Кроме прочего, такой план выступит в качестве механизма реализации указанных выше мероприятий. В конечном итоге речь идет о создании нового института развития, который обеспечит формирование научно-технического задела на будущее. С таких позиций научно-технологический прорыв в нашей стране приобретает новый стратегический аспект.

Настройка инновационного развития – интериоризация российской экономики – позволит решить стоящие сегодня перед нашей страной системные задачи и обеспечит выход экономики на новые рубежи, т. е. придаст ей новое качество.

Примечания

¹ Научная статья подготовлена по итогам публичного выступления с докладом на V Российском экономическом конгрессе (РЭК-2023). Тематическая конференция «Наука и инновации». Сессия «Новые подходы в теории инноваций – 2» (Российская Федерация, г. Екатеринбург, 11–15 сентября 2023 г.).

² Мегапроекты технологического суверенитета будут обеспечены необходимыми кадрами и технологиями // Минобрнауки России: офиц. сайт. 2023.

3 окт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/73814/>.

³ Величина показателя общей факторной производительности в анализируемой модели инновационного развития России остается без изменений (инновационный резерв сохраняется на одном и том же уровне), следовательно, данный фактор не оказывал влияния на темп прироста *IGWS* в нашей стране, и в предстоящих расчетах им можно пренебречь.

⁴ Здесь и далее нумерация таблиц и рисунков в публикации продолжает нумерацию первой части статьи, см.: Кочетков С. В., Кочеткова О. В. Экономическая оценка инновационного развития: доктрина, методология, праксеология. Часть I: О новом методе оценки инновационного развития экономики // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2023. Т. 21, № 4. С. 26–35. EDN: GANIDL.

Литература

1. Brown M. *On the Theory and Measurement of Technological Change*. – Cambridge : Cambridge University Press, 1966. – xii, 214 p.
2. Cherif R., Hasanov F. *The Return of the Policy That Shall Not be Named: Principles of Industrial Policy* : Working Paper No. 19/74. – Washington, USA : International Monetary Fund, March 26, 2019. – 79 p.
3. Ganotakis P., Love J. H. *The Innovation Value Chain in New Technology – Based Firms: Evidence from the UK* // *The Journal of Product Innovation Management*. – 2012. – Vol. 29, Iss. 5. – P. 839–860. – DOI: 10.1111/j.1540-5885.2012.00938.x.
4. Onufrey K., Bergek A. *Transformation in a mature industry: The role of business and innovation strategies* // *Technovation*. – 2020. – Vol. 105. – Art. 102190. – DOI: 10.1016/j.technovation.2020.102190.
5. Кочетков С. В., Семенова Е. Г., Будагов А. С., Кочеткова О. В. Институциональный механизм экономики инноваций // *Экономическое возрождение России*. – 2016. – № 2 (48). – С. 128–134.
6. Borrás S., Laatsit M. *Towards system oriented innovation policy evaluation? Evidence from EU28 member states* // *Research Policy*. – 2019. – Vol. 48, Iss. 1. – P. 312–321. – DOI: 10.1016/j.respol.2018.08.020.
7. Chen Y., Li W., Yi P. *Evaluation of city innovation capability using the TOPSIS-based order relation method: The case of Liaoning province, China* // *Technology in Society*. – 2020. – Vol. 63. – Art. 101330. – DOI: 10.1016/j.techsoc.2020.101330.
8. Falck O., Koenen J., Lohse T. *Evaluating a place-based innovation policy: Evidence from the innovative Regional Growth Cores Program in East Germany* // *Regional Science and Urban Economics*. – 2019. – Vol. 79. – Art. 103480. – DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2019.103480.
9. Wu M., Zhao M., Wu Z. *Evaluation of development level and economic contribution ratio of science and technology innovation in Eastern China* // *Technology in Society*. – 2019. – Vol. 59. – Art. 101194. – DOI: 10.1016/j.techsoc.2019.101194.
10. Yu A., Shi Y., You J., Zhu J. *Innovation performance evaluation for high-tech companies using a dynamic network data envelopment analysis approach* // *European Journal of Operational Research*. – 2021. – Vol. 292, Iss. 1. – P. 199–212. – DOI: 10.1016/j.ejor.2020.10.011.

References

1. Brown M. *On the Theory and Measurement of Technological Change*. Cambridge, Cambridge University Press, 1966. xii + 214 p.
2. Cherif R., Hasanov F. *The Return of the Policy That Shall Not be Named: Principles of Industrial Policy*, Working Paper No. 19/74. Washington, USA, International Monetary Fund publ., March 26, 2019. 79 p.
3. Ganotakis P., Love J.H. *The Innovation Value Chain in New Technology – Based Firms: Evidence from the UK*. *The Journal of Product Innovation Management*, 2012, Vol. 29, iss. 5, pp. 839-860. DOI: 10.1111/j.1540-5885.2012.00938.x.
4. Onufrey K., Bergek A. *Transformation in a mature industry: The role of business and innovation strategies*. *Technovation*, 2020, Vol. 105, art. 102190. DOI: 10.1016/j.technovation.2020.102190.
5. Kochetkov S.V., Semenova E.G., Budagov A.S., Kochetkova O.V. *Institutional mechanism of innovation economics*. *Economic revival of Russia*, 2016, no. 2 (48), pp. 128-134. (in Russian).

6. Borrás S., Laatsit M. Towards system oriented innovation policy evaluation? Evidence from EU28 member states. *Research Policy*, 2019, Vol. 48, iss. 1, pp. 312-321. DOI: 10.1016/j.respol.2018.08.020.
7. Chen Y., Li W., Yi P. Evaluation of city innovation capability using the TOPSIS-based order relation method: The case of Liaoning province, China. *Technology in Society*, 2020, Vol. 63, art. 101330. DOI: 10.1016/j.techsoc.2020.101330.
8. Falck O., Koenen J., Lohse T. Evaluating a place-based innovation policy: Evidence from the innovative Regional Growth Cores Program in East Germany. *Regional Science and Urban Economics*, 2019, Vol. 79, art. 103480. DOI: 10.1016/j.regsciurbeco.2019.103480.
9. Wu M., Zhao M., Wu Z. Evaluation of development level and economic contribution ratio of science and technology innovation in Eastern China. *Technology in Society*, 2019, Vol. 59, art. 101194. DOI: 10.1016/j.techsoc.2019.101194.
10. Yu A., Shi Y., You J., Zhu J. Innovation performance evaluation for high-tech companies using a dynamic network data envelopment analysis approach. *European Journal of Operational Research*, 2021, Vol. 292, iss. 1, pp. 199-212. DOI: 10.1016/j.ejor.2020.10.011.

Сведения об авторах

Кочетков Сергей Вячеславович – д-р экон. наук, член Санкт-Петербургской региональной общественной организации Общероссийской общественной организации «Вольное экономическое общество России», советник государственной гражданской службы Российской Федерации I класса, профессор департамента менеджмента и инноваций факультета «Высшая школа управления» (до 2022 г.)

Адрес для корреспонденции: 125167, Россия, Москва, Ленинградский пр., 49/2

E-mail: acad.kochetkov@yandex.ru

РИНЦ AuthorID: 354618

Кочеткова Олеся Вячеславовна – канд. экон. наук, лауреат государственных и ведомственных наград Российской Федерации, доцент департамента менеджмента и инноваций факультета «Высшая школа управления» (до 2022 г.)

Адрес для корреспонденции: 125167, Россия, Москва, Ленинградский пр., 49/2

E-mail: kochetkova.olesya@bk.ru

РИНЦ AuthorID: 507491

Вклад авторов равнозначен

Для цитирования

Кочетков С. В., Кочеткова О. В. Экономическая оценка инновационного развития: доктрина, методология, праксеология. Часть II: Методика исчисления тесситур инновационного развития экономики // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 27–34. – DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).27-34.

About the authors

Sergei V. Kochetkov – Doctor of Economic Sciences, Member at the Saint-Petersburg's regional public organization of the All-Russian public organization on the Free Economic Society of Russia, Counsellor at the State Civilian Service of the Russian Federation of the First Class, Professor at the Department of Management and Innovation of the Faculty on Higher School of Management (until 2022)

Postal address: 49/2, Leningradskii pr., Moscow, 125167, Russia

E-mail: acad.kochetkov@yandex.ru

RSCI AuthorID: 354618

Olesia V. Kochetkova – PhD in Economic Sciences, Laureate of the State and Departmental Awards of the Russian Federation, Associate Professor at the Department of Management and Innovation of the Faculty on Higher School of Management (until 2022)

Postal address: 49/2, Leningradskii pr., Moscow, 125167, Russia

E-mail: kochetkova.olesya@bk.ru

RSCI AuthorID: 507491

The contribution of the authors is equal

For citations

Kochetkov S.V., Kochetkova O.V. Economic assessment of innovative development: doctrine, methodology, praxeology. Part II: Methodology for calculating the tessitura of innovative economic development. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2024, Vol. 22, no. 1, pp. 27-34. DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).27-34. (in Russian).

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ НАЕМНОГО ТРУДА: ПРИКЛАДНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ

С.И. Сотникова

Новосибирский государственный университет экономики и управления (Новосибирск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
12 апреля 2023 г.

Дата принятия в печать
23 сентября 2023 г.

Тип статьи

Аналитическая статья

Ключевые слова

Наемный труд, конверсия наемного труда, деконверсия наемного труда, структура наемного труда, капитализация труда, капитализация рабочих мест, капитализация рабочей силы, федеральные округа Российской Федерации

Аннотация. Сфера наемного труда призвана играть важную роль в достижении устойчивого развития российской экономики. В статье анализируются эмпирические данные, характеризующие формирование нового макроэкономического типа наемного труда. Целью работы является раскрытие основ качественных макроэкономических изменений с позиций мультипликативного влияния конверсии и деконверсии наемного труда. Гипотеза исследования состоит в том, что сложность, пространственное разнообразие институциональных преобразований наемного труда в федеральных округах России определяют тенденции и приоритеты развертывания конверсии и деконверсии наемного труда, различия стратегий его капитализации. В этой связи на основе анализа эмпирических данных исследованы общие тенденции и приоритеты макроэкономических изменений наемного труда, обеспечивающие современную его трансформацию. Эмпирической базой послужили статистические данные и аналитические обзоры Федеральной службы государственной статистики и Международной организации труда за 2008–2018 гг., а также результаты компьютерного анкетирования наемных работников. Опираясь на синергетический подход, исследованы основы концепта трансформации наемного труда, существенные характеристики конверсии и деконверсии в федеральных округах России. Научная новизна заключается в выявлении прикладных императивов конверсии и деконверсии наемного труда в России. Это позволило идентифицировать и сегментировать федеральные округа Российской Федерации по мультипликативному эффекту конверсии и деконверсии сферы труда. Полученные результаты призваны содействовать решению проблем формирования инновационного макроэкономического типа наемного труда в федеральных округах и стране в целом.

INSTITUTIONAL TRANSFORMATIONS OF WAGE LABOR: APPLIED IMPERATIVES

S.I. Sotnikova

Novosibirsk State University of Economy and Management (Novosibirsk, Russia)

Article info

Received
April 12, 2023

Accepted
September 23, 2023

Type paper

Analytical paper

Keywords

Wage labor, wage labor conversion, wage labor deconversion, wage labor structure, labor capitalization, job capitalization, labor force capitalization, federal districts of the Russian Federation

Abstract. The sphere of wage labor plays a significant role in achieving the sustainable development of the Russian economy. This article analyzes empirical data on the formation of a new macroeconomic model of wage labor. The main aim of this work is to identify the basic principles of qualitative macroeconomic change from the perspective of the additive and subtractive effects of conversion and deconversion of wage labor. The hypothesis of this study is that the complex and diverse institutional transformations of wage labor within the federal districts of Russia determine the patterns and priorities for the deployment of conversion and deconversion of wage labor and the differences in their capitalization strategies. Based on this analysis, the author explores the general trends and priorities of macroeconomic change in wage labor to ensure its modern transformation. The empirical basis of this study is statistical data and analytical reviews from the Federal State Statistics Service and the International Labor Organization for the period 2008–2018, as well as the results from a computer survey of employed workers. Based on a synergetic approach, this study investigates the fundamentals of the transformation of wage labor and the essential characteristics of both conversion and deconversion in the Federal Districts of Russia. The scientific novelty of this research lies in the identification of applied imperatives for conversion and deconversion in wage labor in Russia, which has allowed us to segment the Federal Districts according to their multiplicative effects on the conversion and deconversion of the work sphere. The findings obtained aim to assist in solving the problems associated with the formation of an innovative, macroeconomic model of wage labor within the Federal Districts and the country at large.

1. Введение в проблему исследования.

Наемный труд в российской экономике переживает существенные трансформации, обусловленные кардинальными изменениями в экономической, социокультурной, политической и правовой сферах общества, сокращением жизненного цикла применяемых технологий, усилением конкуренции и рыночных требований к работодателям и наемным работникам. Открывающиеся в связи с этим перспективы способствуют нарастанию конфликта между индивидуальными стратегиями занятости трудоспособного населения и потребностями государства в устойчивом развитии трудовой сферы. Отсюда возникает объективная необходимость познания общего характера, приоритетов и тенденций институциональной трансформации наемного труда в современной России, обусловленной необходимостью капитализации рабочих мест и капитализации рабочей силы.

Цель данной статьи заключается в выявлении общего характера макроэкономических институциональных изменений наемного труда в современных условиях. *Задачи исследования* предполагают выявление сущностных характеристик институциональных преобразований наемного труда, осмысление их тенденций и приоритетов, рисков и перспектив в России.

Гипотеза исследования состоит в том, что различия в стратегиях институциональной трансформации наемного труда в федеральных округах Российской Федерации обусловлены формой разрешения противоречий между потребностями населения в достойном труде и потребностью государства в устойчивом развитии сферы труда, капитализацией рабочих мест и капитализацией рабочей силы, ростом количества достойных стабильных рабочих мест и возможностями человека к труду.

Научная новизна статьи заключается в обосновании и выявлении прикладных императивов трансформации, позволяющих сегментировать федеральные округа Российской Федерации в зависимости от мультипликативного эффекта ее функциональных активов – конверсии и деконверсии наемного труда.

Применительно к проблематике статьи результативно использован комплекс базовых методов теоретического исследования (аналитическое абстрагирование, интерпретация, классификация и типологизация), аналитические обзоры Федеральной службы государст-

венной статистики и Международной организации труда за 2008–2018 гг.

Объектом наблюдения выступает трансформирующаяся сфера труда России.

Предметом исследования являются устойчивые и регулярные социально-экономические взаимосвязи, обнаруживающиеся в макроэкономических институциональных изменениях наемного труда.

2. Концептологические основания исследования. Теоретико-методологические основы наемного труда в трансформирующейся экономике России находятся в непрерывном развитии в работах В.В. Аранжина, Е.В. Неходы, Е.Р. Валуйской, Р.А. Долженко, Э.А. и Н.В. Гасановых, Т.Г. Красоты, В.С. Половинко, Е.Г. Калабиной, Г.Г. Силласте, А.Л. Слободского, М. Бартоли, А.Ю. Пряхина, В.А. Смышляева, И.И. Яреско, Т.В. Телятниковой, Н.В. Шевченко, А.Д. Шопенко, Л.И. Щербаковой [1–17] и др. В работах этих ученых в контексте смены фаз технологического цикла и перехода к новым бизнес-моделям организационного развития анализируются вызовы и риски наемного труда: условия и факторы структурных изменений в институте наемного труда, его характере и содержании, ролях субъектов трудовых отношений, конфигурации рабочих мест и др.

Анализ научно-методических положений, объясняющих генезис и институционализацию наемного труда, позволяет констатировать, что в условиях глубоких противоречий между интересами рыночных субъектов традиционные подходы не позволяют обеспечить решение глобальных проблем современности, устойчивое развитие общества, экономики, бизнеса и человека в долгосрочной перспективе [1]. Традиционные институциональные подходы к наемному труду, ориентированные на стабильность его организационно-нормативной структуры, «должны уступить место новым идеям движения к общим ценностям, в равной степени выгодным государству и бизнесу, обществу в целом» [8, с. 58]. Структурная перестройка наемного труда требует обстоятельной научно-исследовательской рефлексии с позиций новых парадигм экономического знания.

3. Постановка проблемы. Трансформация наемного труда $D_{\text{нв}}$ предстает как результат взаимодействия противоположных, взаимоисключающих его функциональных активов – конверсии K_k и деконверсии K_d , кото-

рые вместе с тем находятся во внутреннем единстве и взаимопроникновении:

$$D_{ww} = f(K_k; K_d).$$

Показателем оценки конверсии наемного труда K_k выступает уровень участия рабочей силы в труде:

$$K_k = \sum_{i=1}^n \frac{P_{c_i}}{H_i},$$

где P_{c_i} – численность рабочей силы (занятых и безработных) определенной i -й возрастной группы; H_i – общая численность населения соответствующей i -й возрастной группы; $i = (1; n)$ – возрастные группы.

Показателем оценки деконверсии наемного труда K_d предстает уровень нагрузки на одно рабочее место:

$$K_d = \frac{3}{P_m},$$

где 3 – численность занятого населения; P_m – количество рабочих мест.

Гарантированность труда, стабильность занятости, поддержание рациональной структуры рабочей силы создают условия для конверсии наемного труда и, следовательно, капитализации рабочих мест, а гибкость занятости по продолжительности и режиму рабочего дня, регулярности трудовой деятельности, месту выполнения работы, статусу деятельно-

сти и т. п. – для деконверсии, ориентированной на капитализацию рабочей силы.

В этой связи возрастает необходимость исследования институциональной трансформации наемного труда с точки зрения его капитализации, проявляющейся в приращении дохода от занятости рабочей силы и производительности труда, а следовательно, приоритетов и тенденций конверсии и деконверсии в плане удовлетворения потребности в рабочих местах и потребности в расширении способностей человека к труду.

4. Результаты исследования. Структурная перестройка наемного труда в России за 2008–2018 гг. характеризуется организационно-нормативной устойчивостью (0,674–0,689) на фоне возрастающей деконверсии (3,5–4,39). При этом деконверсия наемного труда влияет на организационно-нормативную структуру наемного труда в большей степени, чем конверсия. Иначе говоря, трансформация наемного труда в России неизбежно сопровождается капитализацией рабочей силы, причем в большей степени, чем капитализацией рабочих мест. Это позволяет не только обеспечить рабочими местами почти 70 % всех нуждающихся в рабочих местах и желающих работать, но и создать шансы для повышения дохода от неустойчивой, полуустойчивой и устойчивой занятости рабочей силы у ряда работодателей (рис. 1)¹.

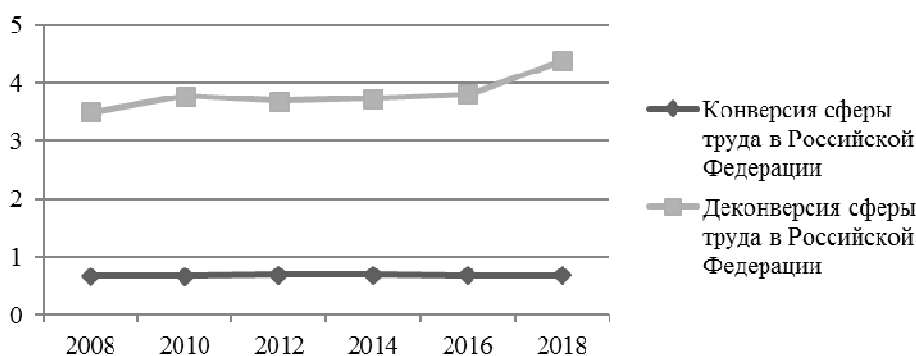

Рис. 1. Динамика конверсии и деконверсии наемного труда в Российской Федерации за период 2008–2018 гг., коэффициент

Fig. 1. Dynamics of conversion and deconversion of wage labor in the Russian Federation for the period 2008-2018, coefficient

В среднем по России один работник имеет официальную занятость у 3–5 работодателей за счет использования различных моделей рабочего времени (гибкость во времени), привлечения к достижению организационных це-

лей квалифицированной рабочей силы другой организации (лизинг), передачи «на сторону» (вовне организации) целого бизнес-процесса (аутсорсинг), вывода персонала за штат и его контрактное оформление в другой организа-

ции на относительно длительный период (аутстаффинг), а также за счет создания условий для выполнения работником смежных профессий, освоения работы как более, так и менее сложной.

5. Обсуждение. Сложность, пространственное разнообразие институциональных преобразований в России определяют тенденции

и приоритеты развертывания конверсии и де-конверсии наемного труда по федеральным округам Российской Федерации: Центральному (ЦФО), Северо-Западному (СЗФО), Южному (ЮФО), Северо-Кавказскому (СКФО), Приволжскому (ПФО), Уральскому (УФО), Сибирскому (СФО), Дальневосточному (ДФО), – см. рис. 2 и 3.

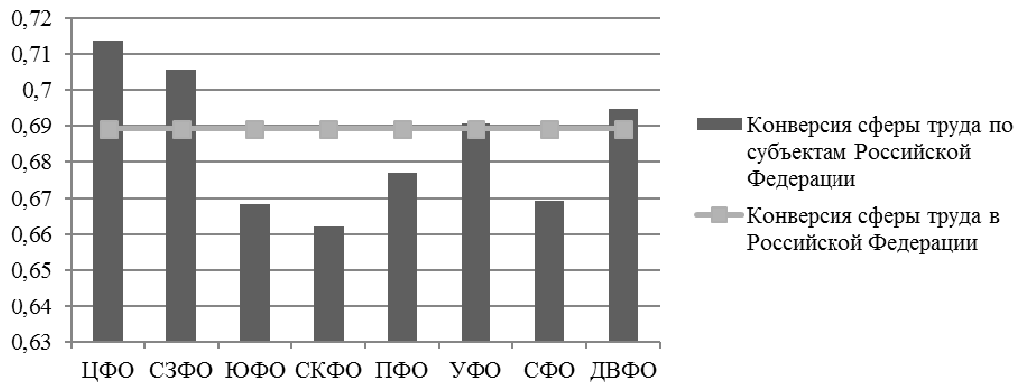

Рис. 2. Динамика конверсии труда Российской Федерации в целом и по федеральным округам в 2018 г., коэффициент

Fig. 2. Dynamics of labor conversion in the Russian Federation as a whole and by federal districts in 2018, coefficient

Из рис. 2 видно, что показатели конверсии в Центральном (0,714), Северо-Западном (0,706) и Дальневосточном (0,695) федеральных округах выше среднероссийского уровня (0,689). Это свидетельствует о том, что трансформация наемного труда в указанных федеральных округах в большей степени, чем в остальных, ориентирована на формирование относительно устойчивой организационно-нормативной структуры наемного труда. Благодаря устойчивости этой структуры достигается определенное превосходство над округами-конкурентами за счет увеличения количества стабильных рабочих мест, а следовательно, увеличения дохода от занятости на этих рабочих местах (69,5–71,4 %). Отсюда, при экономической ситуации превышения уровня конверсии в округе над среднероссийским, регулятором трансформации наемного труда выступает формальная занятость нуждающихся в ней и желающих работать: все рабочие места обязательно должны быть обеспечены рабочей силой независимо от требований со стороны рабочего места к ее качеству.

Создание достаточного количества стабильных рабочих мест предстает как фундамент устойчивого и растущего благосостояния ра-

бочей силы, ее социальной интеграции и сплоченности, конкурентоспособности бизнеса в этих округах. Не трудно видеть, что эта экономическая ситуация сопровождается ограничением экономической свободы как для наемных работников, так и работодателей.

Ограничение свободы выбора в сфере наемного труда губительно как для самого работника, так и для работодателя. Так, работодатель удовлетворяет свой потребительский спрос в рабочей силе отчасти по принципу «хочешь – бери, не хочешь – не бери: другого работника всё равно нет». Отсюда возможны низкое качество привлекаемой рабочей силы, деградированная трудовая мотивация и безответственность работников перед работодателем, невысокая отдача с одного рабочего места. А труд для наемных работников выступает как деятельность под давлением внешних обстоятельств, т. е. по необходимости.

Следует заметить, что среднероссийский показатель конверсии труда в 2018 г. был выше уровня конверсии в Северо-Кавказском (0,662), Южном (0,668), Сибирском (0,669) и Приволжском (0,677) федеральных округах. Устойчивость структуры наемного труда в этих округах позволяет достичь определенного превос-

ходства над конкурентами за счет создания достаточного количества стабильных достойных рабочих мест. Качество достойных рабочих мест опосредуется не нуждами и потребностями наемных работников, а осуществляется в той мере, в какой это необходимо для развития самого капитала: средства производства «воодушевлены» стремлением довести противодействие сопротивляющейся им эластичной человеческой природы до минимума.

При этой экономической ситуации работодатель имеет здоровый интерес к обновлению производственного процесса, внедрению технических новшеств, развитию социальной инфраструктуры, направленной на улучшение и облегчение трудовой деятельности работников, а следовательно, создаются стимулы к высокопроизводительному труду, предпосылки

для повышения благосостояния наемных работников, расширенного воспроизводства рабочей силы. Рост количества достойных рабочих мест, сопровождаемый повышением требований к качеству рабочей силы со стороны этих рабочих мест, способствует высвобождению рабочей силы на основе прогресса техники, технологии, организации производства, труда и управления, а также вытеснению лиц с пониженной производительностью труда и работоспособностью, низким профессионально-образовательным уровнем, слабо сформированными социально-профессиональными установками и т. д. Как следствие, увеличение не столько количества стабильных, сколько достойных рабочих мест способствует росту дохода от повышения эффективности наемного труда.

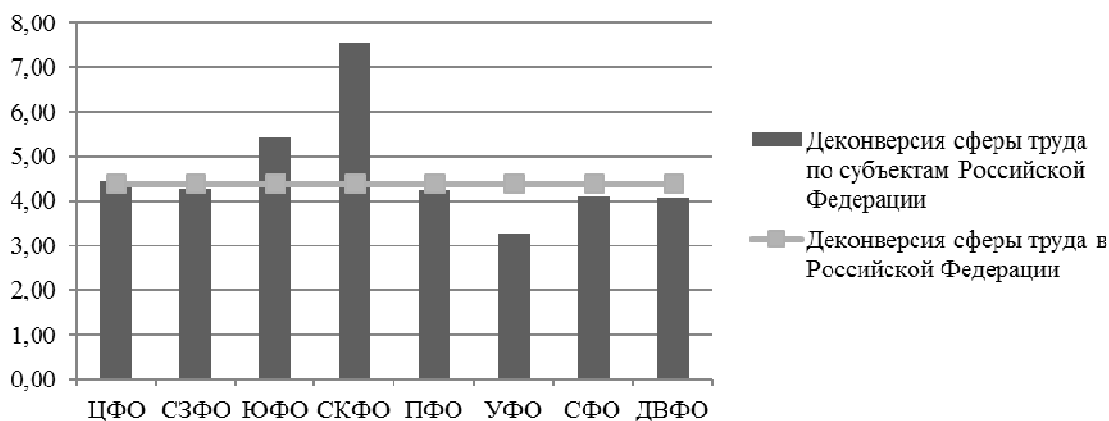

Рис. 3. Динамика деконверсии труда Российской Федерации в целом и по федеральным округам в 2018 г., коэффициент

Fig. 3. Dynamics of labor deconversion in the Russian Federation as a whole and by federal districts in 2018, coefficient

Из рис. 3 видно, что среднероссийский показатель деконверсии труда в 2018 г. составил 4,39, что ниже уровня деконверсии в Центральном (4,46), Северо-Западном (4,28), Южном (5,41), Северо-Кавказском (7,57) федеральных округах. Это свидетельствует о преимущественной ориентации этих округов на создание условий для расширения масштабов неустойчивой, полустойчивой и устойчивой занятости у ряда работодателей. Стираются границы между стандартной и нестандартной занятостью, предоставляя новые возможности для работодателей в привлечении мобильных, инициативных, гибких, быстро адаптируемых наемных работников, а для наемных работников – в расширении свободы выбора не только

места, но и условий для плодотворной занятости и достойной работы.

Создаются широкие возможности для реализации каждым работником своих способностей на основе свободного труда, росте личных доходов. Это побуждает работников конкурировать за более выгодную сферу приложения труда, совершенствовать профессионально-квалификационные компетенции по мере разветвления научно-технического прогресса, повышать индивидуальную трудовую мобильность и эффективность труда, снижать лояльность по отношению к работодателю. В свою очередь, работодатели нанимают рабочую силу на конкретные проекты, не гарантируя в обозримом будущем долговременную занятость, с

тем чтобы она способствовала повышению их конкурентоспособности на рынке, а не просто чтобы была занята делом. В этой связи работодателей интересует рабочая сила, которая широко доступна, имеет многопрофильную подготовку с ориентацией на моновалентную квалификацию, обладает адаптационными возможностями к перемене профессии и выполнению меняющихся трудовых функций. Таким образом, развивается своеобразная форма экономического принуждения к высокопроизводительному труду, повышается престиж высококвалифицированного работника. В этих округах один работник в среднем имеет официальную занятость у 4–8 работодателей.

Показатель деконверсии труда в 2018 г. в Уральском (3,29), Дальневосточном (4,08) и Сибирском (4,11) федеральных округах не превышает среднероссийский (4,39). В этих федеральных округах работодатели более благосклонны к рабочей силе, которая обеспечивает наибольшую выгоду для бизнеса и в наибольшей степени соответствует высокому профессионально-квалификационному уровню. Конкурентоспособность для современного бизнеса в этих округах в наибольшей сте-

пени зависит от потенциальной и фактической производительности труда. Происходит отбор наиболее способных работников с точки зрения структуры их способностей к профессиональному труду, навыков, восприятия, взглядов, целей жизни, ценностей, поведенческих наклонностей, механизмов приспособления к окружающей среде. В свою очередь, работники стремятся найти сферу профессиональной деятельности для наиболее полной реализации своих способностей, достижения своих установок и ценностных ориентаций, занятия интересующими их проблемами, не связывая свое будущее с каким-то одним работодателем.

Обобщая сказанное выше, макроэкономический тип институциональных трансформаций как результат мультипликативного эффекта от конверсии и деконверсии наемного труда позволяет выделить, по крайней мере, четыре сегмента федеральных округов Российской Федерации: *A* – сегмент интенсивной трансформации наемного труда; *B* – сегмент интенсивной деконверсии наемного труда; *C* – сегмент интенсивной конверсии наемного труда; *D* – сегмент экстенсивной трансформации наемного труда (табл.).

Сегменты федеральных округов Российской Федерации в зависимости от траектории развития организационно-нормативной структуры наемного труда
Segments of federal districts of the Russian Federation depending on the trajectory of development of the organizational and regulatory structure of hired labor

Конверсия наемного труда	Деконверсия наемного труда	
	Низкая	Высокая
Высокая	C: ЦФО; СЗФО	A: УФО; ДВФО
Низкая	D: ЮФО; СКФО	B: ПФО; СФО

Подобная сегментация федеральных округов позволяет конкретизировать основные проблемы, характерные для институциональной трансформации наемного труда в разных округах, выявить уязвимые и конкурентные возможности использования принципиально однотипных мер по достижению плодотворной занятости и достойного труда, разработать меры, предусматривающие их специфику.

6. Заключение. Интерес к исследованию макроэкономического типа, масштабов, интенсивности и причин институциональной трансформации наемного труда не случаен, поскольку в нем наиболее ярко выражаются многие важные процессы достижения конкурентоспо-

собности национального рынка труда. Исследование макроэкономического типа трансформации наемного труда, обусловленного мультипликативным эффектом от его конверсии и деконверсии, становится самостоятельной научной проблемой при разработке теоретических и прикладных основ экономической политики государства, региона, организации. Оно позволяет получить релевантную информацию для принятия управленческих решений относительно поиска и формирования уникальных возможностей для обеспечения социальной справедливости и устойчивости для настоящих и будущих поколений, мобильности рабочей силы, стирания границы между стандартной и

нестандартной занятостью, расширения свободы выбора наемными работниками не только места, но и условий для достойной работы. Открывающиеся в связи с этим перспективы диктуют необходимость дальнейшего познания макроэкономического типа, оперирующего методами обнаружения и оценки выгод и издержек от конверсии и деконверсии наемного труда, обеспечивающих рыночному

субъекту устойчивое достижение социально-экономических преимуществ в плодотворной занятости и достойном труде.

Примечание

¹ Все рисунки и таблица сост. по: Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries.

Литература

1. Аранжун В. В., Нехода Е. В. Формирование политики эффективной занятости в условиях трансформации рынка труда // Социально-трудовые исследования. – 2022. – № 1 (46). – С. 36–54. – DOI: 10.34022/2658-3712-2022-46-1-36-54.
2. Валуйскова Е. Р. Денежная культура современной семьи: социокультурный анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Майкоп, 2013. – 22 с.
3. Долженко Р. А. Новые формы трудовых отношений: уточнение понятий // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2014. – № 1 (111). – С. 168–173.
4. Долженко Р. А. К чему ведут основные тенденции в трансформации системы трудовых отношений страны: прекаризации или гуманизации труда? // Теоретическая и прикладная экономика. – 2017. – № 1. – С. 113–125. – DOI: 10.7256/2409-8647.2017.1.20085.
5. Гасанов Э. А., Гасанова Н. В., Красота Т. Г. Теоретические аспекты инновационной конверсии и критические технологии, оказывающие мультипликативное влияние на развитие экономики // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2022. – № 2 (109). – С. 28–34. – DOI: 10.38161/2618-9526-2022-2-028-034.
6. Долженко Р. А., Половинко В. С. Новые ориентиры развития трудовых отношений в инновационной экономике. – Омск : Ом. гос. ун-т, 2017. – 363 с.
7. Калабина Е. Г. Новая индустриализация, технологические изменения и сфера труда промышленных компаний // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2017. – № 1 (57). – С. 72–81.
8. Нехода Е., Каз Е. Взаимодействие государства и бизнеса: движение к общим ценностям // Общество и экономика. – 2019. – Вып. 5. – С. 58–77. – DOI: 10.31857/S020736760004944-7.
9. Силласте Г. Г. Социальные транзиты и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 2. – С. 3–16. – DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1.
10. Слободской А. Л., Бартоли М. Социальный маркетинг наемного труда в современных условиях // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2021. – № 3. – С. 90–94. – DOI: 10.51692/1994-3776_2021_3_90.
11. Пань Ли, Нехода Е. В. Новые организационные формы труда: вызовы для трудовых отношений между работниками и работодателями // Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : IV Римашевские чтения. – М. : ФНИСЦ РАН, 2021. – С. 131–133. – DOI: 10.19181/konf.978-5-89697-357-7.2021.32.
12. Пряхин А. Ю. Проблемы наемных работников в условиях трансформации сферы труда и досуга // Труд и досуг : сб. тез. VIII Междунар. конф. – СПб. : Астерион, 2019. – С. 88–89.
13. Смышляев В. А., Яреско И. И. Институциональные изменения экономики современной России: теория, реалии, результаты // Современная экономика: проблемы и решения. – 2017. – № 1 (85). – С. 122–128.
14. Телятников Т. В., Шевченко Н. В. Трансформация наемного труда в условиях развития цифровой экономики // Организационно-управленческие аспекты экономического развития предприятий и регионов : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Омск : Ом. гос. техн. ун-т, 2019. – С. 121–127.
15. Шопенко А. Д. Социальные аспекты институционализации отношений наемного труда // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 157–162.

16. Шопенко А. Д. Проблемы взаимоотношений государства и бизнеса в период становления и развития рыночной экономики // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2014. – Т. 5, № 4 (16). – С. 192–196.

17. Щербакова Л. И. Социоструктурная динамика наемного труда в России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2012. – № 2. – С. 234–239.

References

1. Aranzhin V.V., Nekhoda E.V. Formation of effective employment policy in the conditions of labor market transformation. *Social and labor research*, 2022, no. 1 (46), pp. 36-54. DOI: 10.34022/2658-3712-2022-46-1-36-54. (in Russian).

2. Valuiskova E.R. *Denezhnaya kul'tura sovremennoi sem'i: sotsiokul'turnyi analiz* [The monetary culture of the modern family: a sociocultural analysis], Author's abstract. Maykop, 2013. 22 p. (in Russian).

3. Dolzhenko R.A. New forms of labor relations: clarification of terms. *Bulletin of Altai State Agricultural University*, 2014, no. 1 (111), pp. 168-173. (in Russian).

4. Dolzhenko R.A. What the Main Trends in Transformation of Labor Relations System of the Country Lead to: the Precarization or Humanization of Labor?. *Theoretical and applied economics*, 2017, no. 1, pp. 113-125. DOI: 10.7256/2409-8647.2017.1.20085. (in Russian).

5. Gasanov E.A., Gasanova N.V., Krasota T.G. Theoretical aspects of innovative conversion and critical technologies producing a multiplicative impact on the development of the economy. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2022, no. 2 (109), pp. 28-34. DOI: 10.38161/2618-9526-2022-2-028-034. (in Russian).

6. Dolzhenko R.A., Polovinko V.S. *Novye orientiry razvitiya trudovykh otnoshenii v innovatsionnoi ekonomike* [New guidelines for the development of labor relations in an innovative economy], Omsk, Omsk State University publ., 2017. 363 p. (in Russian).

7. Kalabina E.G. New industrialization, technological changes and sphere of labor of the industrial companies. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2017, no. 1 (57), pp. 72-81. (in Russian).

8. Nekhoda E., Kaz E. The interaction of government and business: moving towards the creation of shared values. *Obshchestvo i ekonomika*, 2019, iss. 5, pp. 58-77. DOI: 10.31857/S020736760004944-7. (in Russian).

9. Sillaste G.G. Social transitions and the formation of a new gender order. *Woman in Russian Society*, 2019, no. 2, pp. 3-16. DOI: 10.21064/WinRS.2019.2.1. (in Russian).

10. Slobodskoy A.L., Bartoli M. Social marketing of hired labor in modern conditions. *Telescope: journal of sociological and marketing research*, 2021, no. 3, pp. 90-94. DOI: 10.51692/1994-3776_2021_3_90. (in Russian).

11. Pan Li, Nekhoda E.V. New organizational forms of labor: challenges to labor relations between employees and employers, in: *Saving Russian Population: Health, Employment, Standards and Quality of Life*, Proceedings of the International scientific and practical conference, IV Rimashevskaya Readings (Moscow, 30 March 2021), Moscow, Federal Center of Theoretical and Practical Sociology of the Russian Academy of Sciences publ., 2021, pp. 131-133. DOI: 10.19181/konf.978-5-89697-357-7.2021.32. (in Russian).

12. Pryakhin A.Yu. Problems of employees in the conditions of transformation of the sphere of labour and leisure, in: *Labour and leisure*, Thesies of VIII International conference, St. Petersburg, Asterion publ., 2019, pp. 88-89. (in Russian).

13. Smyshlyaev V.A., Yaresko I.I. Institutional changes in the economy of modern Russia: theory, realities and results. *Modern Economics: Problems and Solutions*, 2017, no. 1 (85), pp. 122-128. (in Russian).

14. Telyatnikova T.V., Shevchenko N.V. Transformatsiya naemnogo truda v usloviyakh razvitiya tsifrovoy ekonomiki [Transformation of wage labor in the context of the development of the digital economy], in: *Organizatsionno-upravlencheskie aspekty ekonomicheskogo razvitiya predpriyatii i regionov*, Proceedings of the all-Russian scientific and practical conference, Omsk, Omsk State Technical University publ., 2019, pp. 121-127. (in Russian).

15. Shopenko A.D. Social aspects of institutionalization of wage labour's attitudes. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2010, no. 1, pp. 157-162. (in Russian).

16. Shopenko A.D. Problems of business-government relations in the period of formation and development of a market economy. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhiGS*, 2014, Vol. 5, no. 4 (16), pp. 192-196. (in Russian).

17. Shcherbakova L.I. Sotsiostrukturnaya dinamika naemnogo truda v Rossii [Sociostructural dynamics of wage labor in Russia]. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 2012, no. 2, pp. 234-239. (in Russian).

Сведения об авторе

Сотникова Светлана Ивановна – д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом

Адрес для корреспонденции: 630099, Россия, Новосибирск, ул. Каменская, 56

E-mail: s.i.sotnikova@nsuem.ru

ORCID: 0000-0003-1723-9387

Web of Science ResearcherID: G-2829-2013

РИНЦ AuthorID: 628272

About the author

Svetlana I. Sotnikova – Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor at the Department of Labor Economy and Personnel Management

Postal address: 56, Kamenskaya ul., Novosibirsk, 630099, Russia

E-mail: s.i.sotnikova@nsuem.ru

ORCID: 0000-0003-1723-9387

Web of Science ResearcherID: G-2829-2013

RSCI AuthorID: 628272

Для цитирования

Сотникова С. И. Институциональные трансформации наемного труда: прикладные императивы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 35–43. – DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).35-43.

For citations

Sotnikova S.I. Institutional transformations of wage labor: applied imperatives. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2024, Vol. 22, no. 1, pp. 35-43. DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).35-43. (in Russian).

УДК 331.1

JEL: J13, J21, J24

DOI 10.24147/1812-3988.2024.22(1).44-49

БИЗНЕС-ЛАГЕРЬ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ДЕТСКИХ ЗАГОРОДНЫХ ЛАГЕРЕЙ

И.В. Диннер

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления

2 ноября 2023 г.

Дата принятия в печать

15 декабря 2023 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Развитие компетенций, управление персоналом, детский оздоровительный лагерь, непрерывное профессиональное развитие, теория поколений

Аннотация. Рассматривается трансформация сферы детского отдыха в условиях рыночной экономики и новых экономических реалиях. Рассматриваются отличия функционирования и развития системы детского отдыха в условиях плановой и рыночной экономики. Описаны ключевые функции руководителей загородных детских лагерей, которые требуют изменений и развития с учетом новых реалий. Проводится анализ новых требований, предъявляемых к уровню профессиональных и управленческих компетенций руководителей детских оздоровительных лагерей. Рассмотрены вопросы, связанные с традиционными формами обучения руководителей загородных лагерей и предложены более эффективные подходы к развитию профессиональных компетенций управленческого состава загородных детских лагерей. Описываются тенденции сокращения количества объектов детского загородного отдыха и зависимость этих процессов от уровня компетенций руководителя детского оздоровительного лагеря. Подробно описывается модель бизнес-лагеря и ее эффективность с точки зрения формирования и развития профессиональных и управленческих компетенций руководителя детского оздоровительного лагеря. Предложена адаптированная под специфику данной сферы модель компетенций руководителя, основанная на исследованиях российских и зарубежных ученых. Выделен ряд ключевых компетенций, которые требуют развития у нынешних руководителей загородных детских лагерей. Приводятся результаты апробации данной модели развития профессиональных компетенций, которые свидетельствуют об улучшении качества оказываемой услуги и положительной динамике совершенствования системы управления детским загородным лагерем.

BUSINESS CAMP AS AN EFFECTIVE MODEL FOR THE DEVELOPMENT OF MANAGERIAL SKILLS OF THE LEADERS OF CHILDREN'S CAMPS

I.V. Dinner

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Article info

Received

November 2, 2023

Accepted

December 15, 2023

Type paper

Research paper

Keywords

Competence development, personnel management, children's health camp, continuous professional development, generational theory

Abstract. The article examines changes that have taken place in the field of children's recreational activities in a market-based economy and the new economic realities that they have brought about. The author compares the way in which the children's recreational system functions and develops in a planned economy with that in a market economy. The article emphasizes the important roles played by the leaders of suburban children's camps, and the changes that are needed to adapt to new realities. The article analyses the new requirements for professional and managerial skills of leaders of children's health camps, as well as discusses issues related to traditional methods of training for country camp managers and suggests more effective ways to develop the professional skills of the management team at children's country camps. The article also describes trends in the decline in the number of children's recreational facilities and how these processes are influenced by the level of expertise of the head of a children's recreational camp. In detail, the article examines the business camp model and its efficacy in terms of developing and enhancing the professional and managerial skills of the head of a health-focused children's camp. Building on research conducted by Russian and international scholars, the author proposes a model of leadership competencies tailored to the specific needs of this field. The article identifies the essential skills that require development for the current leaders of children's camps in suburban areas. The author presents the findings of a study on this model for professional skill development, which demonstrate an improvement in the quality of services provided and a positive trend in the improvement of the management system at a children's camp.

1. Введение. Произошедший в нашей стране переход к системе рыночной экономики существенно изменил парадигму отношений во многих сферах. Сфера детского отдыха и оздоровления не стала исключением. В системе плановой экономики детские оздоровительные лагеря (далее – ДОЛ) развивались в контексте социальных объектов, которые в большинстве случаев находились на балансе у крупных промышленных предприятий. Ключевые функции руководителей ДОЛ заключались в обеспечении отдыха и оздоровления детей и связанных с этим организационных процессах. Руководитель ДОЛ в условиях плановой экономики не занимался набором и привлечением детей в лагерь, поиском дополнительного финансирования, работой с партнерами и др. Новые экономические реалии существенно трансформировали этот подход к работе. Система управления ДОЛ в рыночных условиях требует наличия определенных компетенций, которыми обладает сравнительно небольшое количество современных руководителей. Эксперты отмечают тот факт, что отсутствие ряда необходимых управленческих компетенций у руководителей ДОЛ влияет на ежегодное снижение количества детских оздоровительных учреждений в рамках всей страны. Так, с 2012 г. наблюдается тенденция снижения количества детских оздоровительных учреждений в сравнении с 2001 г. В 2020 г. эта тенденция сохранялась преимущественно из-за пандемии новой коронавирусной инфекции. Число организаций для детей и подростков в динамике с 2011 по 2020 г. снижается, в сравнении с 2011 г. оно сократилось на 7,6 % (–14 292 объекта), в сравнении с 2019 г. – на 3,4 % (–6 019 объектов) [1]. Учитывая данную тенденцию и потребность в трансформации профессиональных компетенций руководителей ДОЛ, возникает необходимость в новых формах обучения и развития, которые будут способствовать повышению эффективности управления ДОЛ [2; 3].

Целью данной работы является сравнительный анализ существующих практик развития управленческих компетенций современного руководителя ДОЛ и предлагаемой в данной работе модели бизнес-лагеря в контексте рыночной экономики.

2. Обзор литературы. В рамках сложившейся системы подготовки управленческих кадров для учреждений дополнительного об-

разования, в том числе ДОЛ, сформированы классические подходы [4; 5]. Практика показывает, что на сегодняшний день руководители ДОЛ имеют базовое педагогическое или психологическое образование, в случае редких исключений – экономическое образование (управление персоналом, менеджмент организации и др.). Большинство руководителей проходит различные курсы повышения квалификации (менеджмент, экономика, управление персоналом и др.), онлайн-вебинары, интерактивные семинары и др. Участвуют в профильных и отраслевых конференциях, форумах, мастер-классах.

На сегодняшний день на рынке есть различные предложения по обучению и повышению квалификации руководителей ДОЛ. Например, Фонд развития детских лагерей предлагает авторский курс обучения для повышения квалификации и получения необходимой подготовки для административной работы в сфере детского отдыха, направление подготовки «Управление учреждением отдыха детей и их оздоровления», профиль: «Менеджмент в сфере детского отдыха». Курс рассчитан на 144 академических часа и состоит из следующих тематических блоков: организационный; менеджмент детского лагеря; маркетинг и коммуникация в сфере детского отдыха; кадровый менеджмент; нормативная база сферы детского отдыха; блок спецкурсов¹. Несмотря на то, что данный курс содержит в себе большую часть необходимой для руководителя ДОЛ информации, выбранный формат обучения (онлайн-формат с самостоятельным изучением ранее записанных лекций) не позволяет в полной мере развивать необходимые компетенции.

Несколько отличной от описанной выше программы является Международный курс директоров лагерей *ICDC*², разработанный в качестве курса профессионального развития для менеджеров, директоров и владельцев лагерей. Цели курса: представить основы управления лагерем в главных направлениях; расширить круг единомышленников и развивать сообщество профессионалов в лагерной сфере; обеспечить самостоятельное обучение участников в процессе профессионального развития. Курс состоит из двух блоков: теоретического и практического. И здесь важно отметить, что курс включает в себя блоки развития компетенций, которые являются необходимыми, но не достаточными для современного руководителя ДОЛ.

Предлагаемая программа не учитывает профессиональный стандарт «Руководитель организации отдыха детей и их оздоровления»³.

Учитывая сказанное выше, стоит отметить, что функционирование ДОЛ в современных условиях предполагает ориентацию на принципы рыночного взаимодействия с клиентами и партнерами. Данные реалии определяют наличие определенных управленческих компетенций у руководителей ДОЛ. **Гипотеза** выстраивается на научном предположении, что комплексный процесс формирования управленческих компетенций предполагает системную работу, которая включает в себя гармоничное сочетание теоретических аспектов развития ДОЛ в условиях рыночной экономики, а также блок практических знаний от экспертов сферы детского отдыха (кейс-методы, тренинги, фасилитационные сессии и др.). Программа развития компетенций руководителей современных ДОЛ должна основываться на профессиональном стандарте «Руководитель организации отдыха детей и их оздоровления». Всё это легло в основу концепции обучения и развития руководителей ДОЛ и реализовано в модели бизнес-лагеря.

3. Результаты исследования. В основу бизнес-лагеря положена модель компетенций современного руководителя ДОЛ. Данная модель компетенций основывается на теоретических выкладках российских и зарубежных ученых [6–12]. Ставшая уже классической работа «Компетенции на работе» Л.М. и С.М. Спенсер [13] легла в основу модели компетенций современного руководителя загородного лагеря. В данной работе приводится обобщенная модель компетенций руководителей разных уровней. Она включает следующие компетенции:

- воздействие и оказание влияния;
- ориентация на достижение;
- командная работа и сотрудничество;
- аналитическое мышление;
- инициатива;
- развитие других;
- уверенность в себе;
- настойчивость;
- поиск информации;
- командное лидерство;
- концептуальное мышление;
- специализированные знания и экспертиза.

Эта модель была адаптирована с учетом отраслевой специфики сферы детского отдыха

и оздоровления, а также некоторых особенностей рынка. В ходе проведенных фокус-групп с руководителями ДОЛ были определены ключевые, по мнению респондентов, компетенции, которые необходимы для эффективной работы:

- управление изменениями;
- управление клиентоориентированностью;
- ответственность за результат;
- управление исполнением и эффективностью (организация рабочего процесса);
- обеспечение командной работы;
- развитие потенциала сотрудников;
- системное мышление;
- стратегическое мышление;
- эффективные коммуникации.

Именно эти компетенции легли в основу модели бизнес-лагеря. Бизнес-лагерь реализуется в выездном формате продолжительностью 5–6 дней. Количество участников варьируется от 50 до 70 чел. Работа осуществляется в группах по 15–20 чел. Программа бизнес-лагеря направлена на развитие необходимых компетенций и разделена на блоки: анализ рынка и стратегическое планирование деятельности; разработка ценностного предложения и упаковка продукта; управление изменениями; практики регулярного менеджмента; лидерство и управление командным взаимодействием; юридическое сопровождение деятельности; маркетинг и позиционирование предлагаемого продукта; переговоры и работа с возражениями; личная эффективность руководителя.

В рамках описанных блоков работа проводится со всеми участниками бизнес-лагеря одновременно. Мини-лекции чередуются с элементами тренинга и проектной работы. Каждая группа получает своего наставника и работает над созданием своего продукта (проекта) в контексте тех знаний, которые они получают на программе бизнес-лагеря. После второго дня работы проводится презентация идей разработанного продукта с приглашенными экспертами (предпринимателями). Группы готовят презентации по предложенному шаблону. Главная задача – посмотреть на продукт с позиции бизнеса. Приглашенные эксперты оценивают идеи с точки зрения содержания, инновационности, запросов рынка, продвижения и др. Следующие дни направлены на доработку продукта с позиций маркетинга, продаж, переговоров, юридической составляющей. Итогом работы является проработанный продукт,

который участники увозят в свои регионы и внедряют на местном уровне.

Апробация модели бизнес-лагеря имеет практические результаты. Реализация бизнес-лагеря проводилась в рамках весенних проектных сессий в г. Перми (детский загородный оздоровительно-образовательный лагерь круглогодичного действия «Ребячий лагерь "Новое поколение"») в 2022–2023 гг. и осеннего интенсивного курса в г. Сочи (в рамках XXI Всероссийской встречи организаторов отдыха, оздоровления детей и молодежи «Диалоги вместе») в 2022 г. Суммарно в бизнес-лагере приняли участие 137 руководителей ДОЛ из разных регионов России (Пермь, Санкт-Петербург, Казань, Москва, Оренбург, Нижний Новгород, Омск, Новосибирск, Тюмень, Киров, Уфа и др.). Широкая география участников позволяет сделать вывод о практической значимости данной программы и подтверждает прикладной характер выбранных форм обучения. Так, 96 % опрошенных отмечают эффективность участия в программе с точки зрения актуальности полученных знаний в области управления ДОЛ; 87 % утверждают, что получили в рамках программы именно те знания, которых не хватало в практической плоскости управления ДОЛ.

Обратная связь участников бизнес-лагеря, полученная в ходе реализации программы и после ее завершения, позволяет судить о том, что выбранный формат способствует развитию компетенций, необходимых современному руководителю ДОЛ. Данная модель развития компетенций современного руководителя ДОЛ может иметь широкое распространение в масштабах отдельных регионов и всей страны в целом. Ее практическая новизна наглядно демонстрирует нам эффекты применяемых образовательных технологий в рамках реализации программы и отвечает запросам руководителей на развитие необходимых управленческих компетенций.

4. Заключение. Опираясь на проведенный анализ разных практик развития управленческих компетенций руководителей ДОЛ, а также на результаты апробации, можно утверждать, что предложенная модель бизнес-лагеря является современной и отвечает необходимым запросам рынка. Используемые инструменты развития в рамках модели бизнес-лагеря способствуют более результативному формиро-

ванию управленческих компетенций современного руководителя.

Повышение управленческих компетенций руководителей ДОЛ непосредственно влияет на улучшение качества оказываемой услуги и организацию воспитательного процесса. Формирование мышления рыночной модели функционирования ДОЛ способствует непрерывному совершенствованию продукта и той услуги, которую оказывают ДОЛ конечному потребителю (профессиональный подход к работе с персоналом; поиск и внедрение профильных программ смен; трансформация методов управления педагогическим коллективом и др.).

Развитие управленческих компетенций руководителя ДОЛ с учетом особенностей рыночной экономики способствует проактивной позиции с точки зрения привлечения дополнительных финансовых ресурсов в ДОЛ. Руководители ДОЛ более активно проявляют себя в рыночных условиях, принимая во внимание запросы клиентов и возможности конструктивного взаимодействия с партнерами.

Учитывая особенности функционирования ДОЛ в условиях рыночной экономики и изменений в сущности подхода к управлению объектами сферы детского отдыха, следует отметить релевантность модели бизнес-лагеря как инструмента развития необходимых современному руководителю ДОЛ компетенций.

Наряду с описанными выше преимуществами, данная модель развития управленческих компетенций отвечает ценностям и запросам на обучение и развитие руководителей ДОЛ из числа поколений Y и Z. Измерение степени удовлетворенности от используемых в модели бизнес-лагеря методов обучения и развития руководителей ДОЛ из числа поколений Y и Z может послужить предметом дальнейших исследований.

Примечания

¹ Обучение руководителей детских лагерей // Фонд развития детских лагерей. URL: <https://www.frdl.ru/rukovoditelej-detskih-lagerej>.

² International Camp Directors Course (ICDC) // ICF – International Camping Fellowship. URL: <https://www.campingfellowship.org/icf-programs-5.html>.

³ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 2 февраля 2023 г. № 60н «Об утверждении профессионального стандарта "Руководитель организации и отдыха детей и их оздоровления"» // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Самарская Н. А., Ильин С. М., Румянцева А. В. Современное состояние сферы детского отдыха и оздоровления: проблемы и перспективы развития // Экономика, предпринимательство и право. – 2022. – Т. 12, № 9. – С. 2561–2578. – DOI: 10.18334/epp.12.9.116232.
2. Ивонина А. И., Чуланова О. Л., Давлетишина Ю. М. Современные направления теоретических и методических разработок в области управления: роль soft-skills и hard skills в профессиональном и карьерном развитии сотрудников // Наукovedenie. – 2017. – Т. 9, № 1. – URL: <https://naukovedenie.ru/PDF/90EVN117.pdf>.
3. Касимова О. В. Развитие управленческой эффективности руководителей через построение модели компетенций // Modern Science. – 2020. – № 11-2. – С. 106–111.
4. Шляхтина Н. В., Бобылева Н. И. Разработка модели независимой оценки профессиональных компетенций руководителей общеобразовательных организаций // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. – 2022. – № 3 (52). – С. 103–113.
5. Жданко Т. А., Гершпигель С. В., Перегудова В. В. Диагностика профессиональных компетенций руководителей образовательных организаций общего образования // Современные проблемы науки и образования. – 2021. – № 4. – DOI: 10.17513/spno.30998.
6. Калашиникова О. В. Развитие современных руководителей на основе модели компетенций // Евразийское Научное Объединение. – 2021. – № 2-6 (72). – С. 389–391.
7. Баранов А. В., Котлярова О. В. Модель компетенций руководителя гостиничного бизнеса // Личность: ресурсы и потенциал. – 2022. – № 2 (14). – С. 27–32.
8. Ильченко С. В. Содержание модели компетенций руководителя образовательного учреждения // Традиции и новации в профессиональной подготовке и деятельности педагога : сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (Тверь, 26–28 марта 2015 г.). – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2015. – Вып. 14. – С. 46–51.
9. Кошевенко С. В. Модели управленческих компетенций руководителей общеобразовательных организаций // Актуальные проблемы теории и практики управления : сб. науч. ст. XI Междунар. науч. конф. (Смоленск, 23 нояб. 2022 г.). – Курск : Университетская книга, 2022. – С. 89–95.
10. Диннер И. В., Пугачева О. В. Методология Scrum как подход к организации труда : учеб.-метод. пособие. – Омск : Ом. гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2022. – 36 с.
11. Черницов А. Е., Малькова М. Н. Управленческие компетенции директора школы как необходимое условие развития образовательной организации // Образование и наука в современном мире. Инновации. – 2021. – № 6 (37). – С. 83–87.
12. Неустроев С. С., Зибров В. А., Федорчук Ю. М. Модель мониторинга сформированности цифровых компетенций руководителей образовательных организаций // Человек и образование. – 2018. – № 4 (57). – С. 15–19.
13. Спенсер-мл. Л. М., Спенсер С. М. Компетенции на работе : пер. с англ. – М. : НИППО, 2005. – 384 с.

References

1. Samarskaya N.A., Ilyin S.M., Rummyantseva A.V. Children's recreation and health care: problems and development trends. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2022, Vol. 12, no. 9, pp. 2561-2578. DOI: 10.18334/epp.12.9.116232. (in Russian).
2. Chulanova O.L., Ivonina A.I., Davletshina J.M. Modern directions of theoretical and methodological developments in the field of management: the role of soft-skills and hard skills in professional and career development of employees. *Naukovedenie*, 2017, Vol. 9, no. 1, available at: <https://naukovedenie.ru/PDF/90EVN117.pdf>. (in Russian).
3. Kasimova O.V. Razvitie upravlencheskoi effektivnosti rukovoditelei cherez postroenie modeli kompetentsii [Development of managerial effectiveness of managers through building a competence model]. *Modern Science*, 2020, no. 11-2, pp. 106-111. (in Russian).
4. Shlyakhtina N.V., Bobyleva N.I. Development of a model for independent assessment of professional competencies of heads of educational organizations. *Scientific support of a system of advanced training*, 2022, no. 3 (52), pp. 103-113. (in Russian).

5. Zhdanko T.A., Gershpigel S.V., Peregudova V.V. Diagnostics of professional competencies of heads of educational organizations of general education. *Modern problems of science and education*, 2021, no. 4. DOI: 10.17513/spno.30998. (in Russian).
6. Kalashnikova O.V. Razvitiye sovremennykh rukovoditelei na osnove modeli kompetentsii [Development of modern managers based on the competence model]. *Evrasiiskoe Nauchnoe Obyedinenie*, 2021, no. 2-6 (72), pp. 389-391. (in Russian).
7. Baranov A.V., Kotlyarova O.V. The competence model of the head of the hotel business. *Lichnost': resursy i potentsial*, 2022, no. 2 (14), pp. 27-32. (in Russian).
8. Il'chenko S.V. Soderzhanie modeli kompetentsii rukovoditelya obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [The content of the competence model of the head of an educational institution], in: *Traditsii i novatsii v professional'noi podgotovke i deyatel'nosti pedagoga* [Traditions and innovations in the professional training and activity of a teacher], Collection of scientific papers of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Tver, March 26-28, 2015), Iss. 14, Tver, Tver State University publ., 2015, pp. 46-51. (in Russian).
9. Koshevenko S.V. Models of managerial competencies of heads of educational organizations, in: *Aktual'nye problemy teorii i praktiki upravleniya* [Actual problems of management theory and practice], Collection of scientific articles of the XI International Scientific Conference (Smolensk, November 23, 2022), Kursk, Universitetskaya kniga publ., 2022, pp. 89-95. (in Russian).
10. Dinner I.V., Pugacheva O.V. *Metodologiya Scrum kak podkhod k organizatsii truda* [Scrum methodology as an approach to labor organization], Methods handbook. Omsk, Dostoevsky Omsk State University publ., 2022. 36 p. (in Russian).
11. Chernitsov A.E., Malkova M.N. Management competences of the school director as a necessary condition for the development of an educational organization. *Obrazovanie i nauka v sovremennom mire. Innovatsii*, 2021, no. 6 (37), pp. 83-87. (in Russian).
12. Neustroev S.S., Zibrov V.A., Fedorchuk Yu.M. Model of monitoring digital competences of educational organizations heads. *Man and education*, 2018, no. 4 (57), pp. 15-19. (in Russian).
13. Spencer L.M. Jr., Spencer S.M. *Competence at Work: Models for Superior Performance*. Wiley, 1993. 384 p.

Сведения об авторе

Диннер Игорь Владимирович – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами
Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: igor-dinner@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0269-4443
Web of Science ResearcherID: AAE-3247-2022
SPIN-код РИНЦ: 4692-3211, AuthorID: 971476

About the author

Igor V. Dinner – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Regional Economics and Human Resources Management
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: igor-dinner@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0269-4443
Web of Science ResearcherID: AAE-3247-2022
RSCI SPIN-code: 4692-3211, AuthorID: 971476

Для цитирования

Диннер И. В. Бизнес-лагерь как эффективная модель развития управленческих компетенций руководителей детских загородных лагерей // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 44–49. – DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).44-49.

For citations

Dinner I.V. Business camp as an effective model for the development of managerial skills of the leaders of children's camps. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2024, Vol. 22, no. 1, pp. 44-49. DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).44-49. (in Russian).

УДК 334.7
JEL: R11
DOI 10.24147/1812-3988.2024.22(1).50-60

РОЛЬ ЗАКУПОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УМЕНЬШЕНИИ УГЛЕРОДНОГО СЛЕДА В АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.А. Саитова, Э.Р. Джемилёв[✉], Т.П. Божикова

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
14 ноября 2023 г.

Дата принятия в печать
15 декабря 2023 г.

Тип статьи

Аналитическая статья

Ключевые слова

Арктическая зона России, устойчивое развитие, закупочная деятельность, нефтегазовая отрасль, декарбонизация

Аннотация. Одними из первоочередных задач современной энергетической отрасли являются не только максимизация эффективного использования природных энергетических ресурсов и сохранение их разнообразия, но и увеличение потенциала данного сектора в стабильном росте экономики государства, повышении качества жизни населения и поддержании благоприятной экологической ситуации в стране. Декарбонизация, которая подразумевает под собой снижение выбросов углекислого газа (CO₂) и метана, является ключевым вызовом, стоящим перед глобальной энергетической отраслью. Целью данного исследования является оценка выбросов парниковых газов, производящихся в результате деятельности крупнейших энергетических компаний, которые функционируют в Арктической зоне Российской Федерации, а именно ПАО «ЛУКОЙЛ» и ПАО «НОВАТЭК», через анализ их политики и мероприятий по снижению углеродного следа, сохранению биологического разнообразия и развитию северного региона России, выявление связи между ведением закупочной деятельности и поддержкой устойчивого развития предприятия, в том числе в экологической области. В ходе работы проведен сравнительный анализ деятельности компаний в Арктической зоне, описаны их текущие и перспективные проекты, структурированы данные по выбросам парниковых газов рассматриваемых предприятий по годам, рассмотрены их политика ведения закупок, необходимые требования к потенциальным поставщикам, внедренные образовательные программы и мероприятия для развития профессиональных навыков персонала, а также предложены дополнительные инструменты, которые смогут поспособствовать не только улучшению устойчивого развития компаний в Арктике, но и, как следствие, сохранению природного разнообразия в северной части Российской Федерации.

THE ROLE OF PROCUREMENT ACTIVITIES IN REDUCING THE HYDROCARBON FOOTPRINT IN THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

A.A. Saitova, E.R. Dzhemilev[✉], T.P. Bozhikova

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russia)

Article info

Received
November 14, 2023

Accepted
December 15, 2023

Type paper

Analytical paper

Keywords

Arctic zone of Russia, sustainable development, procurement, oil and gas industry, decarbonization

Abstract. One of the main tasks of the modern energy industry is not only to maximize the efficient use of natural energy resources and preserve their diversity, but also to increase the potential of this sector in the stable growth of the state's economy, improving the quality of life of the population and maintaining a favorable environmental situation in the country. Decarbonization, which implies a reduction in carbon dioxide (CO₂) and methane emissions, is a key challenge facing the global energy industry. The purpose of this study is to assess greenhouse gas emissions produced as a result of the activities of the largest energy companies operating in the Arctic zone of the Russian Federation, namely PJSC LUKOIL and PJSC NOVATEK through the analysis of their policies and measures to reduce the carbon footprint, preserve biological diversity and develop the northern region of Russia, identify links between the conduct of procurement activities and support for the sustainable development of the enterprise, including in the environmental field. In the course of the work, a comparative analysis of the activities of companies in the Arctic zone was carried out, their current and prospective projects were described, data on greenhouse gas emissions of the enterprises in question were structured by year, their procurement policy, the necessary requirements for potential suppliers, implemented educational programs and activities for the development of professional skills of personnel were considered, and additional tools were proposed that they will be able to contribute not only to improving the sustainable development of companies in the Arctic, but also, as a result, conservation of natural diversity in the northern part of the Russian Federation.

1. Введение. Арктика – один из ключевых объектов на территории России, который обладает широким спектром различных природных ресурсов, редких и цветных металлов, таких как никель, золото, вольфрам, медь, уран, платина, драгоценных камней (алмазов), а также колоссальными запасами углеводородов, составляющих неотъемлемую часть современной жизни человечества. Значимость Арктической зоны Российской Федерации (далее – АЗ РФ) ежегодно растет по мере истощения запасов в более легкодоступных регионах страны, однако на сегодняшний день эта территория является слабо освоенной как в региональной, так и в глобальной экономике [1; 2]. Российские энергетические компании активно ведут геологические исследования в данном регионе, так как важность ресурсов Арктики в сфере добычи нефти и природного газа прогрессивно растет: в данном сегменте расположено более 2/3 углеводородных ресурсов, и многие месторождения еще остаются неизвестными и не изученными.

На мировом уровне Арктика считается регионом с уязвимой экологией, в наибольшей степени подверженным антропогенному воздействию, поэтому вместе с прогрессирующей добычей углеводородных ресурсов становится популярной в мировой энергетике задача уменьшения углеродного следа от антропогенной деятельности человечества [3–5]. Для осуществления данного плана создаются новые технологии и способы по сокращению эмиссии парниковых газов: от повышения энергоэффективности на существующих объектах нефтегазовой отрасли до осуществления тотального энергоперехода на возобновляемые источники энергии. Важность данного направления возросла после принятия 174 странами Парижского соглашения по климату, цель которого состоит в недопущении повышения глобальной средней температуры. Содержание CO₂ в атмосфере значительно увеличилось после начала индустриальной революции, в связи с этим специалисты связывают эффект глобального изменения климата именно с увеличением концентрации CO₂, который создает парниковый эффект и, как следствие, приводит к повышению температуры.

Цель данной работы заключается в анализе количества выбросов парниковых газов в результате деятельности двух крупных отраслевых компаний по производству энерге-

тических ресурсов в АЗ РФ, выявлении ключевых программ по уменьшению углеродного следа и предложении возможных инструментов, способствующих улучшению экологической ситуации.

Основные задачи обусловлены целью исследования и включают: сравнение экологических деятельностей компаний ПАО «ЛУКОЙЛ» и ПАО «НОВАТЭК», направленных на снижение углеродного следа в АЗ РФ, рассмотрение возможных решений по уменьшению объемов выбросов парниковых газов.

2. Объекты и методы исследования. В процессе решения поставленных задач осуществлялся анализ отечественных и зарубежных исследований в области мероприятий по снижению объемов выбросов парниковых газов промышленными предприятиями, а также отчетов компаний ПАО «ЛУКОЙЛ» и ПАО «НОВАТЭК» об объемах выбросов парниковых газов предприятиями компаний и объемах добычи углеводородов. Данные компании были выбраны для анализа, так как их деятельность уже направлена на сокращение объемов выбросов и сохранение экологической обстановки региона. В ходе исследования были использованы методы анализа, синтеза и обобщения.

3. Результаты и обсуждение. В ходе развития мировая экономика пережила несколько энергетических переходов, трансформируясь от древесного угля к каменному, затем доминировала нефть, а сейчас стремительно развивается потребление природного газа [6]. Раньше при переходах на другие источники энергии внимание обращали, в первую очередь, на удобство и конкурентоспособность затрат, но сегодня при выборе энергоносителей на первое место ставятся вопросы, связанные с экологией.

Под экологическими вопросами понимают деятельность компании, ее продукцию и услуги, которые взаимодействуют с окружающей средой и оказывают на нее влияние в разной степени. Этапы определения экологических вопросов:

1) установка видов деятельности компании, которые влияют на окружающую среду, и формулировка вида их воздействия;

2) определение степени их влияния на окружающую среду;

3) установление значимости выделенных мероприятий для компании и окружающей среды.

В процессе осуществления этапов интерес представляют образование конкретных видов отходов (с учетом их класса опасности), условия их размещения в окружающей среде [7] и идентификация конкретных источников воздействия на окружающую среду: элементов деятельности, технологических процессов, оборудования и услуг [8]. В результате анализа получают свод аналитических сведений о деятельности компании по экологическим направлениям, в том числе связанным со снижением углеродного следа [9]. Данное мероприятие преследует цель сократить, а в лучшем случае устранить выбросы парниковых газов. В условиях намечаемого перехода к реализации программ декарбонизации важным является рассмотрение вопроса об углеродном следе от деятельности нефтегазовой промышленности на севере России. Нефтегазовые предприятия являются крупнейшим сегментом загрязнения окружающей среды в энергетике.

Важный элемент исследования углеродного следа нефтегазовой отрасли – анализ эмиссии по сферам охвата выбросов парниковых газов с целью обеспечения оценки выбросов парниковых газов и выявления возможности уменьшения выбросов на производственных объектах и за их пределами. Сфера охва-

та 1 представляет собой прямые выбросы, напрямую производящиеся предприятием в результате его деятельности. Сфера охвата 2 включает в себя косвенные энергетические выбросы, которые формируются в результате потребления энергии. В сферу охвата 3 входят прочие косвенные выбросы, которые связаны с деятельностью предприятия, но происходят из источников, которые контролируются другими организациями или принадлежат им. К их источникам относятся, например, транспортировка грузов, использование производимой продукции потребителями и др.

Рассмотрим деятельность двух крупных предприятий в области реализации программ по снижению выбросов парниковых газов.

ПАО «ЛУКОЙЛ» – одна из крупнейших нефтегазодобывающих компаний на севере России. Компания публично заявляет о соблюдении принципов устойчивого развития [10]. Помимо этого, компанией был проведен подсчет прямых и косвенных выбросов парниковых газов в период с 2016 г. по 2019 г. согласно международному стандарту GHG Protocol. Также первый раз подсчитан объем косвенных энергетических выбросов парниковых газов, а в 2019 г. – прочих косвенных выбросов (табл. 1).

Таблица 1. Выбросы парниковых газов ПАО «ЛУКОЙЛ», млн т CO₂-экв.

Table 1. Greenhouse gas emissions of PJSC LUKOIL, million tons of CO₂-eq.

Охват	2016	2017	2018	2019
Охват 1 (прямые выбросы)	40,17	40,47	39,62	39,82
Охват 1 (выбросы метана)	1,54	1,40	0,96	0,77
Охват 2 (косвенные энергетические выбросы)	10,44	10,45	8,95	8,64
Охват 3 (прочие косвенные выбросы)	–	–	–	385,72

Примечание. Сост. по: ЛУКОЙЛ завершил инвентаризацию источников выбросов парниковых газов и расчет выбросов по международным стандартам // ЛУКОЙЛ: офиц. сайт. 2020. URL: <https://lukoil.ru/PressCenter/Pressreleases/Pressrelease/lukoil-zavershil-inventarizatsiiu-istochnikov>.

Опираясь на данные табл. 1, можно утверждать, что в течение четырех лет (2016–2019), несмотря на проведенные компанией мероприятия по защите биоразнообразия и уменьшению выбросов, показатели объема загрязняющих веществ по охвату 1 не достигли выдающихся результатов: количество прямых выбросов не имеет стабильную тенденцию уменьшения и колеблется на уровне 40 млн т CO₂-экв. Тем не менее в 2019 г. они уменьшились примерно на 0,9 % по сравнению с 2016 г.

и составили 39,82 млн т CO₂-экв. Данный результат получен в большей степени благодаря осуществлению программ по рациональному использованию попутного нефтяного газа. Выбросы метана, входящие в охват, имеют более положительную и стабильную тенденцию уменьшения: за четыре года они сократились в два раза. А благодаря развитию собственной реализации и генерации программ энергосбережения были уменьшены и косвенные энергетические выбросы на 17 %.

Но несмотря на полученные результаты, количество прочих косвенных выбросов превышает остальные вместе взятые по первому и второму охватам почти в 8 раз.

Для детальной оценки выбросов в результате деятельности компании важно их сопоставить с уровнем добычи углеводородов,

поскольку отсутствие значительных результатов в области снижения эмиссии парниковых газов может быть связано с ростом добычи нефти, что в относительном эквиваленте станет более наглядным. Однако, как показано в табл. 2, уровень добычи также стабилен.

Таблица 2. Добыча углеводородов ПАО «ЛУКОЙЛ», млн т
Table 2. Hydrocarbon production by PJSC LUKOIL, million tons

Год	Добыча
2016	92
2017	87,2
2018	87,12
2019	87,49

Примечание. Сост. по: ЛУКОЙЛ. Добыча нефти – полная история по годам // ВСделке – финансы и трейдинг. URL: <https://vsdelke.ru/msfo/lukoil/dobycha-nefti.html>.

На протяжении рассматриваемого периода: с 2016 по 2019 г. – наблюдается спад добычи углеводородов, и только в 2019 г. – незначительное увеличение. На основании данных табл. 1 и 2 следует сделать вывод о низкой эффективности проведенных компанией политик в области экологических инициатив ввиду отсутствия значительных результатов по снижению эмиссии парниковых газов либо о некорректности представляемых в открытых источниках данных, что в целом противоречит рекомендациям по раскрытию нефинансовой отчетности.

Компания «ЛУКОЙЛ» поставила себе цель к 2030 г. снизить количество удельных выбросов парниковых газов по первому и второму охватам на 20 % от уровня 2017 г.

Основные направления деятельности компании по сокращению объема выбросов:

1) сведение к минимуму воздействия деятельности предприятия Группы «ЛУКОЙЛ» на биологическое разнообразие территорий, включая АЗ РФ;

2) увеличение эффективного использования энергетических ресурсов;

3) повышение эффективности утилизации попутного нефтяного газа: «ЛУКОЙЛ» достиг высокого уровня рационального использования газообразных углеводородов, но деятель-

ность в этом направлении на новых месторождениях не останавливается – проводятся проекты в рамках инициативы Всемирного банка «Нулевое рутинное сжигание попутного нефтяного газа на факелах к 2030 году»¹;

4) возобновляемая энергетика: в портфеле проектов компании находятся мероприятия по использованию и развитию возобновляемой энергетики;

5) поиск рациональных решений по снижению количества выбросов парниковых газов и реализации компенсационных проектов на севере России.

Вторым рассматриваемым предприятием является ПАО «НОВАТЭК», один из крупнейших производителей природного газа в России. Компания существует более двадцати лет в российской нефтегазовой отрасли, и на сегодняшний момент помогает осуществлять глобальный энергетический переход благодаря наращиванию поставок сжиженного природного газа (далее – СПГ), сохраняя одно из наиболее низких значений по уровню углеродного следа в мире.

Что касается расчета выбросов парниковых газов, то компания «НОВАТЭК» тоже обратила внимание на распределение их по охватам. Для анализа взяты данные за период с 2018 по 2021 г. (табл. 3).

Таблица 3. Выбросы парниковых газов ПАО «НОВАТЭК», млн т CO₂-экв.
Table 3. Greenhouse gas emissions of PJSC NOVATEK, million tons of CO₂-eq.

Источник	2018	2019	2020	2021
<i>Прямые выбросы (охват 1)</i>				
<i>По виду парниковых газов</i>				
Диоксид углерода (CO ₂)	5,87	10,96	8,84	9,85
Метан (CH ₄)	0,18	0,15	0,22	0,20
<i>По сегментам</i>				
Добыча	4,74	7,49	5,52	6,24
Переработка	0,67	0,59	0,59	0,67
Производство СПГ	2,32	2,91	2,81	2,98
Энергосервис	–	0,12	0,14	0,16
Общее	6,05	11,11	9,06	10,05
<i>Косвенные выбросы парниковых газов (охват 2)</i>				
<i>По сегментам</i>				
Добыча	–	–	–	0,16
Переработка	–	–	–	0,08
Производство СПГ	–	–	–	0,00
Энергосервис	–	–	–	0,03
Общее	0,20	0,21	0,23	0,27
<i>Косвенные выбросы парниковых газов (охват 3)</i>				
Общее	–	–	173,25	177,82

Примечание. Сост. по: НОВАТЭК. Отчеты и рейтинги // НОВАТЭК: офиц. сайт. 2022. URL: <https://www.novatek.ru/ru/esg/ratings/>.

Анализируя приведенные компанией данные, следует отметить резкое увеличение прямых выбросов в 2019 г. по сравнению с 2018 г. – на 5,06 млн т CO₂-экв. Далее наблюдается небольшое колебание показателя в сторону уменьшения (2020 г.) с последующим увеличением (2021 г.). То есть у данных выбросов нет стабильного роста или сокращения, но заметен прогресс в снижении планки показателя: с 11,11 в 2019 г. до 10,05 млн т CO₂-экв. в 2021 г., – что свидетельствует о развивающейся экологической деятельности предприятия. В случае оценки охвата 2 с 2018

до 2021 г. количество выбросов увеличилось на 0,07 млн т CO₂-экв., и наблюдается преобладающее большинство косвенных выбросов по охвату 3 (2020–2021 гг.), как и у компании «ЛУКОЙЛ».

Проанализировав мероприятия предприятий, направленные на сокращение выбросов парниковых газов, следует обратить внимание на статистику результатов деятельности компаний «ЛУКОЙЛ» и «НОВАТЭК» (табл. 4) в рейтинге «Полярный индекс» – первом рейтинге, специализирующемся на деятельности компаний в Арктическом регионе России.

Таблица 4. Деятельность ПАО «ЛУКОЙЛ» и ПАО «НОВАТЭК» в рейтинге «Полярный индекс»
Table 4. Activities of PJSC LUKOIL and PJSC NOVATEK in the Polar Index rating

Параметр	Компания	Год		
		2019	2020	2021
Значение экологического параметра, %	ПАО «ЛУКОЙЛ»	88	89,3	82,3
Полярный индекс (с учетом экономического и социального параметра), %	ПАО «ЛУКОЙЛ»	76,7	82,9	78,2
	ПАО «НОВАТЭК»	69,8	84,6	77,7
Место в рейтинге	ПАО «ЛУКОЙЛ»	3	3	2
	ПАО «НОВАТЭК»	5	2	3

Примечание. Сост. по: Полярный индекс. Компании участники рейтинга // НОВАТЭК: офиц. сайт. 2022. URL: http://www.novatek.ru/common/upload/2022_Novatek_OUR_RUS.pdf.

Стоит отметить, что экологический параметр ПАО «ЛУКОЙЛ» в 2021 г. по сравнению с 2019 г. уменьшился и стал 82,3 %, даже несмотря на то, что компания ведет активную политику по снижению выбросов парниковых газов, рассмотренную выше. ПАО «НОВАТЭК», в свою очередь, улучшил свой экологический параметр по сравнению с 2019 г. на 6,2 %, но его показатель всё равно остается невыигрышным по сравнению с результатами компании «ЛУКОЙЛ». «ЛУКОЙЛ» занимает в 2021 г. второе место в рейтинге, а «НОВАТЭК» – третье, полярный индекс первой компании на 0,5 % больше индекса второй.

Как было указано ранее, охваты 1 и 2 регулируются компанией, в то время как охват 3, характеризующийся наиболее высокими показателями выбросов парниковых газов, может контролироваться в основном закупочной деятельностью компании и зависит от поставщиков. Для сохранения устойчивого развития компании следует уделять должное внимание выбору поставщиков и закупочной деятельности в целом, поскольку неправильный выбор контрагента может повлечь за собой превышение норм отходов, утрату привлекательности предприятия на рынке и доверия потребителей. Максимальная отдача закупочной деятельности также показывается за счет экономии денежных средств, но при сохранении высокого качества закупленных товаров, работ, услуг и соблюдении законодательных требований. Глобальный нефтегазовый рынок оказался под влиянием неблагоприятной конъюнктуры, вызванной политическим противостоянием между Россией и странами Запада [11]. Анализируя происходящее на мировом рынке, можно утверждать, что рост выбросов парниковых газов при доставке грузов был обеспечен вынужденным изменением каналов распределения из-за введенных в 2022 г. антироссийских санкций, так как для авиакомпаний Российской Федерации закрылись воздушные пространства многих зарубежных стран, а «российское небо» – для самолетов из объявленных недружественными государств. Взяв во внимание и стремительно развивающиеся в России внутренний рынок и производство, можно утверждать, что риск неправильно выбранного поставщика крайне возрастает.

Рассмотрим существующую политику подбора поставщиков компании «ЛУКОЙЛ», которая каждый год проводит закупки в зна-

чительном объеме товаров, работ и услуг, при этом привлекая в экономические отношения много хозяйствующих субъектов, и вместе с лидерами в производстве современного оборудования по эффективному энергопотреблению стимулирует практику «зеленых закупок» [12]. В «ЛУКОЙЛ» с 2021 г. для повышения экономичности и эффективности бизнес-процессов, используемых для закупочных процедур, товаров и услуг, были взяты методы категорийного управления, которое заключается в делении ассортимента на группы схожих продуктов. Компания считает, что данный подход к ведению закупок сделает выбор поставщика беспристрастным, конкурентным и эффективным. Для нее информационная доступность, прозрачность и честная конкуренция играют важную роль. План закупок обычно формируется на три года. Учтено и долгосрочное партнерство, и функция использования формульного ценообразования или иного метода, учитывающего ситуацию на рынке, при ведении сотрудничества на долгий срок для поставок стратегических товаров. После завершения проекта также может продолжаться долгосрочное сервисное сопровождение поставщиком, особенно в тех случаях, когда проект предполагает поставку уникального оборудования. Поставщик участвует в планировании первостепенных и больших проектов компании в рамках списка «Приоритетные и крупные проекты», благодаря этому он имеет возможность увеличить на рынке свой уровень компетентности. Контрагент имеет право работать только с той организацией Группы «ЛУКОЙЛ», которая находится в его регионе. Значение деятельности подрядчика по обеспечению условий охраны труда, окружающей среды и промышленной безопасности для организации Группы «ЛУКОЙЛ» устанавливается во время заключения договора. Компания сформировала реестр мероприятий по взаимодействию в вопросах охраны труда, окружающей среды и промышленной безопасности: осуществление конференций и дней безопасности; контроль состояния систем управления и знаний в сферах промышленной безопасности, окружающей среды и охраны труда, выполнение лидерских визитов безопасности; проверка участия контрагента в образовательных практиках, которые направлены на устранение последствий чрезвычайных ситуаций на опасных производственных объектах заказчика. Пред-

ставители подрядных организаций должны принимать участие в днях безопасности, могут исследовать прогрессивные современные способы ведения работ и демонстрировать собственные лучшие практики.

Что касается ПАО «НОВАТЭК», то для него ведение закупочной деятельности должно быть построено на принципах охраны прав человека, окружающей среды, следовании базы деловой этики и борьбы с коррупцией. К предмету закупки и возможно будущим поставщикам «НОВАТЭК» выдвигает такие требования, которые исключают обеспечение превосходства какого-либо предприятия и одновременно предоставляют сокращение риска некачественного исполнения ими обязанностей по договору.

Критерии ПАО «НОВАТЭК» для выбора победителя на конкурентной основе:

1) стоимость и качество работ и услуг, соответствие предоставляемых ресурсов техническим требованиям, их влияние на окружающую среду и безопасность;

2) срок выполнения работ;

3) подтвержденный документами опыт в проведении требуемых поставок для предприятий компании «НОВАТЭК» и других лидеров отрасли;

4) деловая репутация поставщика.

Система принятия решений по выбору контрагента в ПАО «НОВАТЭК» (в том числе с участием коллегиальных органов) регламен-

тирована и обеспечивает максимальную прозрачность и эффективность принимаемых решений, объективность и отсутствие дискриминации [13].

Рассмотрев текущие способы ведения закупочной деятельности компаний, можно отметить, что компании заинтересованы в грамотном ее ведении с акцентом на охрану окружающей среды, но «НОВАТЭК» проводит больше закупочных мероприятий в АЗ РФ и делает на ней наибольший акцент, – поэтому справедливо считать, что присутствие данной компании в Арктике более весомо.

Что касается инструментов для устойчивого развития предприятия, то можно предложить создать единый реестр проверенных поставщиков с перспективой пополнения, которые смогут качественно выполнять свои обязанности. Сам подход состоит в проведении дополнительной предварительной квалификации, составленной по необходимым критериям и приоритетным оценкам, установленным нефтегазовой компанией в соглашении с законодательством Российской Федерации и ее программами, связанными с рациональным и экологосбалансированным природопользованием на севере России. То есть потенциальные поставщики компании будут проходить систему сертификации, которая будет служить подтверждением их компетенций. Она может иметь структуру, представленную в табл. 5.

Таблица 5. Структура сертификации

Table 5. Certification structure

<i>Этап</i>	<i>Характеристика</i>
Инициация и прием заявок	Выделение потребности в поставщиках определенного материально-технического ресурса, рассмотрение компаний, готовых закрыть данную потребность
Техническая оценка	Оценка потенциальных поставщиков
Конкурентный отбор	Выявление поставщиков, соответствующих всем необходимым критериям
Сертификация	Заключение договора и оформление сертификата на долгосрочное сотрудничество

Предполагается, что в технической оценке прежде всего будут проверяться экологическая деятельность компании, условия поставки, их надежность и безопасность, длительность и качество материалов. Данное мероприятие крайне важно, поскольку оно позволит компании не заключать контракт с контрагентом, который не соответствует необходимым требованиям компании, а именно не имеет возможности поставлять требующееся сырье или

комплектующие должного качества и не имеет низкий углеродный след. Этот показатель напрямую связан с охватом 3, о котором говорилось ранее. Данный этап может проводиться у выбранных компаний каждые три года для избежания нарушения качества предоставляемых ресурсов. Полученный поставщиком сертификат и заключенный договор имеют временный характер, поэтому могут быть аннулированы при возникновении несоответствий

услуг, предоставляемых сертифицированными поставщиками, регламенту компании по необходимому качеству и безопасности.

Преимущество данного инструмента состоит в том, что компания, имея свою постоянную базу поставщиков, тратит меньше экономических и временных ресурсов на поиск других организаций и дальнейшее проведение их проверки, происходит сокращение закупочного цикла компании, оптимизация трудозатрат и повышение лояльности привлеченных поставщиков. Затраты сводятся к плановой оценке качества уже имеющихся контрагентов, периодичность которой определяется самой компанией, основываясь на ежегодных производственно-экономических показателях.

На сегодняшний день очень важна и система мониторинга благонадежности контрагентов для снижения налоговых, коммерческих и репутационных рисков на этапе заключения договоров на приобретение товаров и услуг, а также в ходе их исполнения, поэтому к контрагентам должны выдвигаться требования по соблюдению антикоррупционных норм и в области промышленной безопасности и охраны труда, а одним из условий долгосрочного сотрудничества должны являться высокие корпоративные требования к этическим нормам ведения бизнеса и соблюдение прав человека.

Также важной составляющей в обеспечении эффективного процесса закупочной деятельности является профессионализм персонала. Большинство обучающих курсов, проводимых современными компаниями для персонала, релевантны для технических специалистов, в то время как персонал, работающий в отделе обеспечения закупочных услуг, должен обладать всеми необходимыми компетенциями не только в сфере знаний теории, но и в личностном плане при проведении закупок. То есть, одной из целей предприятия должна быть подготовка высококвалифицированных специалистов, которые не только обладают всеми необходимыми компетенциями в области ее деятельности, но и обладают профессиональными навыками коммуникации, которые могут способствовать усилению взаимодействия с контрагентами и, как следствие, повышению престижа компании, доверию к ней на рынке и

привлекательности к длительному сотрудничеству. Решением может являться проведение семинаров с сотрудниками старшего поколения, направленных на развитие их профессиональных навыков и ведения переговоров с уклоном на долгосрочную перспективу.

Всё вышеперечисленное играет неотъемлемую роль в устойчивом развитии компаний на АЗ РФ. Освоение данной территории имеет прогрессивный характер, поэтому стоит уделять внимание не только природным факторам, но и социальным, чтобы сохранять устойчивое развитие предприятий, увеличивать их обороты и при этом не угнетать экологическое состояние осваиваемых территорий.

4. Заключение. На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что проблема декарбонизации затрагивает не только экологические аспекты, но и социокультурные, и относится к числу важнейших социально-экономических проблем не только энергетической отрасли, но и всей национальной экономики Российской Федерации. Ее успешное решение будет определять глобальную конкурентоспособность развития страны в современной системе международного разделения труда, поэтому нужно уделять внимание каждому охвату деятельности нефтегазовых предприятий.

Рассматривая существующую ситуацию с природными ресурсами в мире, именно на севере России нужно уделять внимание не только непосредственно добыче, но и социальным аспектам на предприятии, ведь при отсутствии грамотного управления закупками есть риск возрастания незапланированного сверхпотребления природных невозобновляемых ресурсов. Сохраняя баланс между производством и потреблением, осуществляя грамотное управление, предприятие имеет возможность результативно инвестировать, организовывать процесс производства, быть конкурентоспособным, оставаться привлекательным для потребителей и при этом контролировать экологическую ситуацию региона.

Примечание

¹ Ответственный производитель энергии. Отчет об устойчивом развитии Группы «ЛУКОЙЛ» // ЛУКОЙЛ: офиц. сайт. 2021. URL: <https://lukoil.ru/FileSystem/9/592424.pdf>.

Литература

1. Журавель В. П., Тимошенко Д. С. Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности // Арктика и Север. – 2022. – № 49. – С. 105–124. – DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105.
2. Morteani G. Die Bodenschätze der Arktis // Die Arktis. Ressourcen, Interessen und Probleme. Berichte & Studien. – 2010. – Vol. 91. – S. 9–20.
3. Chaffee E. E. Three models of strategy // Academy of management review. – 1985. – Vol. 10, no. 1. – P. 89–98. – DOI: 10.2307/258215.
4. Smedsrud L. H., Ingvaldsen R., Nilsen J. E., Skagseth Ø. Heat in the Barents Sea: transport, storage and surface fluxes // Ocean science. – 2010. – Vol. 6, no. 1. – P. 219–234. – DOI: 10.5194/os-6-219-2010.
5. Schlichtholz P. Relationships between Wintertime Sea Ice Cover in the Barents Sea and Ocean Temperature Anomalies in the Era of Satellite Observations // Journal of Climate. – 2021. – Vol. 34, no. 5. – P. 1565–1586. – DOI: 10.1175/JCLI-D-20-0022.1.
6. Габеев Э. М. Участие Ростехнадзора в процессах декарбонизации экономических систем // Устойчивое развитие: исследования, инновации, трансформация : материалы XVIII Междунар. конгр. с элементами науч. шк. для молодых ученых (Москва, 8–9 апр. 2022 г.) : в 2 т. / отв. ред.: А. В. Семенов, П. Н. Кравченко. – М. : Моск. ун-т им. С. Ю. Витте, 2022. – Т. 1. – С. 1102–1109.
7. Маркин С. В., Белоусова Е. Е., Лыков О. П., Недре А. Ю., Дедов А. Г. Экологическое обоснование и стратегия природоохранной деятельности в нефтегазовом комплексе // Труды Российского государственного университета нефти и газа им. И.М. Губкина. – 2010. – № 3 (260). – С. 116–124.
8. Корягин А. В., Боровский А. Б., Доценко С. П. Оценка воздействий на экологию технологических процессов ООО «Краснодартрансгаз» // Научный журнал КубГАУ. – 2010. – № 57 (03). – URL: <http://ej.kubagro.ru/2010/03/pdf/03.pdf>.
9. Сулейманов С. Р., Сочнева С. В., Трофимов Н. В., Галлямов Э. А. Глобальная декарбонизация: текущие тенденции и прогнозы // Вестник Казанского государственного аграрного университета. – 2021. – Т. 16, № 3 (63). – С. 32–37. – DOI: 10.12737/2073-0462-2021-32-37.
10. Толстых Т. О., Кондратьева О. А. Принципы и цели устойчивого развития в стратегиях развития промышленных предприятий // Регион: системы, экономика, управление. – 2021. – № 3 (54). – С. 120–127. – DOI: 10.22394/1997-4469-2021-54-3-120-127.
11. Щеголькова А. А. Пространственная организация освоения газовых ресурсов арктического шельфа Российской Федерации // Арктика и Север. – 2022. – № 49. – С. 86–104. – DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.86.
12. Рыбакова М. И. Законодательные основы развития «зеленых» закупок в России // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 4. – С. 66–72. – DOI: 10.24411/2414-3995-2018-10012.
13. Фадеев А. М., Череповицын А. Е., Ларичкин Ф. Д. Стратегическое управление нефтегазовым комплексом в Арктике : моногр. – Апатиты : Кол. науч. центр Рос. акад. наук, 2019. – 289 с.

References

1. Zhuravel V.P., Timoshenko D.S. The Russian Arctic, Sanctions Pressure and Geopolitical Instability. *Arctic and North*, 2022, No. 49, pp. 105-124. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105. (in Russian).
2. Morteani G. Die Bodenschätze der Arktis. *Die Arktis. Ressourcen, Interessen und Probleme. Berichte & Studien*, 2010, Vol. 91, pp. 9-20. (in German).
3. Chaffee E.E. Three models of strategy. *Academy of management review*, 1985, Vol. 10, no. 1, pp. 89-98. DOI: 10.2307/258215.
4. Smedsrud L.H., Ingvaldsen R., Nilsen J.E., Skagseth Ø. Heat in the Barents Sea: transport, storage and surface fluxes. *Ocean science*, 2010, Vol. 6, pp. 219-234.
5. Schlichtholz P. Relationships between Wintertime Sea Ice Cover in the Barents Sea and Ocean Temperature Anomalies in the Era of Satellite Observations. *Journal of Climate*, 2021, Vol. 34, no. 5, pp. 1565-1586. DOI: 10.1175/JCLI-D-20-0022.1.

6. Gabeev E.M. Participation of rostekhnadzor in the processes of decarbonization of economic systems, in: *Ustoichivoe razvitie: issledovaniya, innovatsii, transformatsiya*, Proceedings of the XVIII International Congress with elements of a scientific school for young scientists (Moscow, April 8-9, 2022), in 2 volumes, Moscow Witte University publ., 2022, Vol. 1, pp. 1102-1108. (in Russian).
7. Markin S.V., Belousova E.E., Lykov O.P., Nedre A.U., Dedov A.G. Environmental feasibility study and strategy of nature conservation in oil and gas complex. *Proceedings of Gubkin University*, 2010, no. 3 (260), pp. 116-124. (in Russian).
8. Koryagin A.V., Borovskiy A.B., Dotsenko S.P. Estimation of environmental impact of LLC "Krasnodartransgas" technological processes. *Scientific Journal of KubSAU*, 2010, No. 57 (03), available at: <http://ej.kubagro.ru/2010/03/pdf/03.pdf>. (in Russian).
9. Suleymanov S., Sochneva S., Trofimov N., Gallyamov E. Global decarbonization: current trends and forecasts. *Vestnik of Kazan State Agrarian University*, 2021, Vol. 16, no. 3, pp. 32-37. DOI: 10.12737/2073-0462-2021-32-37. (in Russian).
10. Tolstykh T.O., Kondratyeva O.A. ISID principles in the development strategies of industrial enterprises. *Region: systems, economics, management*, 2021, no. 3 (54), pp. 120-127. DOI: 10.22394/1997-4469-2021-54-3-120-127. (in Russian).
11. Shchegolkova A.A. Spatial Organization of Gas Resources Development on the Arctic Shelf of the Russian Federation. *Arctic and North*, 2022, No. 49, pp. 86-104. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.86. (in Russian).
12. Rybakova M.I. Legislative framework development «green» procurement in Russia. *Bulletin of economic security*, 2018, no. 4, pp. 66-72. DOI: 10.24411/2414-3995-2018-10012. (in Russian).
13. Fadeev A.M., Cherepovitsyn A.E., Larichkin F.D. *Strategicheskoe upravlenie neftegazovym kompleksom v Arktike* [Strategic management of the oil and gas complex in the Arctic], Monograph. Apatity, Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences publ., 2019. 289 p. (in Russian).

Сведения об авторах

Саитова Александра Александровна – канд. хим. наук, доцент высшей школы производственного менеджмента

Адрес для корреспонденции: 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

E-mail: saitova.aleks@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7178-8523

Scopus AuthorID: 57222745379

Web of Science ResearcherID: AAG-6398-2020

РИНЦ AuthorID: 1001350

About the authors

Alexandra A. Saitova – PhD in Chemical Sciences, Associate Professor at the Graduate School of Production Management

Postal address: 29, Politekhnikeskaya ul., St. Petersburg, 195251, Russia

E-mail: saitova.aleks@gmail.com

ORCID: 0000-0002-7178-8523

Scopus AuthorID: 57222745379

Web of Science ResearcherID: AAG-6398-2020

RSCI AuthorID: 1001350

Джемилёв Энвер Русланович – магистрант высшей школы производственного менеджмента

Адрес для корреспонденции: 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

E-mail: enver.dzhemilev@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7507-3552

Scopus AuthorID: 57217100680

Web of Science ResearcherID: AAX-2847-2020

РИНЦ AuthorID: 1119217

Enver R. Dzhemilev – master student at the Graduate School of Production Management

Postal address: 29, Politekhnikeskaya ul., St. Petersburg, 195251, Russia

E-mail: enver.dzhemilev@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7507-3552

Scopus AuthorID: 57217100680

Web of Science ResearcherID: AAX-2847-2020

RSCI AuthorID: 1119217

Божикова Татьяна Петровна – студент высшей школы производственного менеджмента

Адрес для корреспонденции: 195251, Россия, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29

E-mail: cadaga@mail.com

ORCID: 0009-0002-5015-1790

Tatyana P. Bozhikova – student at the Graduate School of Production Management

Postal address: 29, Politekhnikeskaya ul., St. Petersburg, 195251, Russia

E-mail: cadaga@mail.com

ORCID: 0009-0002-5015-1790

Вклад авторов

Сайтова А.А. – планирование деятельности, постановка цели и задач, руководство проведением исследования, проверка результатов исследования.

Джемилёв Э.Р. – разработка методик исследования, анализ данных, подготовка метаданных.

Божикова Т.П. – сбор информации, представление данных, анализ данных.

Для цитирования

Сайтова А. А., Джемилёв Э. Р., Божикова Т. П. Роль закупочной деятельности в уменьшении углеродного следа в Арктической зоне Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 50–60. – DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).50-60.

Authors' contributions

Saitova A.A. – preparation of a research plan, setting goals and objectives, managing the research, checking the research results.

Dzhemilev E.R. – development of research methods, data analysis, preparation of metadata.

Bozhikova T.P. – collection of information, data presentation, data analysis.

For citations

Saitova A.A., Dzhemilev E.R., Bozhikova T.P. The role of procurement activities in reducing the hydrocarbon footprint in the Arctic zone of the Russian Federation. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2024, Vol. 22, no. 1, pp. 50-60. DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).50-60. (in Russian).

АНАЛИЗ КОМПЛЕМЕНТАРНОСТИ ОРГАНИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ И ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Т.Ю. Стуken, Т.А. Лапина[✉], О.С. Коржова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
15 ноября 2023 г.

Дата принятия в печать
11 декабря 2023 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Цифровая трансформация,
организационное развитие,
затраты ресурсов, автоматиза-
ция процессов

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20336, <https://rscf.ru/project/22-28-20336/>.

Аннотация. Цифровая трансформация промышленных предприятий в настоящее время является мейнстримом среди методов развития организаций. Актуальность данного направления обусловлена развитием информационных технологий (распространение искусственного интеллекта, роботизация, автоматизация и т. п.) и существующей государственной политикой в этой сфере. Поэтому важно не просто внедрять современные методы работы, но и отслеживать, как они влияют на организационное развитие в целом. В настоящее время связь между использованием цифровизации и развитием организации подтверждена рядом исследований, вместе с тем в каждом исследовании цифровая трансформация и организационное развитие измеряются по-разному, что затрудняет распространимость выводов исследований в целом на весь мировой бизнес. На основе изучения кейсов экспертов (19 человек с опытом участия в процессах цифровизации за последние 2–3 года) был сделан вывод о том, что цифровая трансформация по-разному влияет на показатели организационного развития. Несмотря на позитивное влияние в целом, изменение показателей организационного развития в разных проектах цифровизации происходит с разной скоростью. Также были выделены три группы проектов цифровизации в зависимости от организационных последствий их цифровой трансформации.

ANALYSIS OF THE COMPLEMENTARITY OF ORGANIZATIONAL DEVELOPMENT AND DIGITAL TRANSFORMATION OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

T.Yu. Stuken, T.A. Lapina[✉], O.S. Korzhova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Article info

Received
November 15, 2023

Accepted
December 11, 2023

Type paper

Research paper

Keywords

Digital transformation, organiza-
tional development, resource
costs, process automation

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Science Foundation project number 22-28-20336, <https://rscf.ru/project/22-28-20336/>.

Abstract. The digital transformation of industrial enterprises has become mainstream approach to organizational development. This trend is driven by the advancements in information technologies, such as the spread of artificial intelligence, robotics, and automation. Additionally, there is a governmental policy in place that supports this area of development. Therefore, it is essential to not only implement new working methods, but to also monitor their effects on organizational performance. At present, there is an interconnection between the utilization of digitalization techniques and organizational development. The development of an organization has been confirmed through a number of studies. However, in each study, digital transformation and organizational development were measured in different ways, making it difficult to generalize the findings from the research as a whole for the entire global business landscape. Based on the analysis of expert cases (19 individuals with experience in digital transformation processes over the past two to three years), the article concludes that digital transformation has a variable impact on organizational development indicators. While here is a positive overall impact, the rate of change in these indicators within different digital transformation projects varies. The article also identifies three groups of digital transformation projects based on the organizational implications of their digital transformations.

1. Введение. Как известно, организационное развитие – это изменение и улучшение процессов и структур компании. Естественно, что заниматься организационным развитием можно разными методами, одним из которых является цифровая трансформация. Цифровая трансформация – это процесс внедрения организацией цифровых технологий, сопровождаемый оптимизацией системы управления основными технологическими процессами [1]. То есть, организационное развитие можно осуществлять за счет внедрения цифровых технологий. Но так как цифровые технологии достаточно разнообразны и включают в себя, например, контрольно-измерительные приборы, устанавливаемые на отдельных узлах и устройствах предприятия, подключенные к цифровой инфраструктуре; устройства для автоматического сбора и передачи данных, а также их визуализацию; установление компьютеров на рабочих местах сотрудников; цифровизацию отдельных бизнес-процессов; комплексную цифровизацию бизнес-процессов – объединение в одну информационную сеть всего парка рабочих мест или оборудования; инструменты для аналитики и автоматической интерпретации получаемой информации, включая технологии искусственного интеллекта [2], с одной стороны, а с другой – промышленные предприятия всегда используют определенную комбинацию цифровых технологий, то сложно оценить, как и насколько цифровые технологии влияют на организационное развитие. Например, есть методика Минцифры России по оценке цифровой зрелости ключевых отраслей экономики, которая включает в себя группы показателей цифровой зрелости, дифференцированных по отраслям¹. С другой стороны, оценивать организационное развитие также достаточно сложно. Например, на сайте «Производительность.рф» приведена информация о результатах внедрения карты бережливой цифровизации: в 2 раза увеличилась скорость принятия решений, на 30 % повысилась производительность труда по отдельным участкам, на 30 % – снизились запасы и т. п.² То есть, показатели организационного развития тоже могут быть очень разными и во многом зависеть от отрасли, в которой работает компания. В результате сопоставить цифровизацию предприятия и ее результаты с показателями / скоростью организационного развития весьма затруднительно.

Поэтому нужны методики, которые позволяют однозначно связать показатели внедрения цифровых технологий с показателями организационного развития.

2. Обзор литературы. К настоящему времени исследования связи между цифровизацией бизнеса и организационным развитием имеют определенную историю и результаты. Например, есть тематические закономерности и подходы к последствиям влияния цифровых технологий на организационное развитие [3]. А. Hanelt с соавторами на основе обобщения 279 статей по данной теме формулируют основные последствия влияния цифровизации на организационное развитие: внедрение гибких организационных структур, которые обеспечивают непрерывную адаптацию компаний, и формирование бизнес-экосистемы, которая управляет цифровизацией. Вместе с тем авторы отмечают, что в настоящее время теория данного вопроса не объясняет всех последствий влияния цифровизации на организационное развитие. J. Fähndrich рассматриваются вопросы влияния цифровизации исключительно на процессы управленческого контроля [4]. На основе анализа 116 статей автор выявил постоянное развитие функции управленческого контроля под воздействием цифровизации, включая расширение задач контроля, адаптацию существующих инструментов контроля и создание новых инструментов, создание новых моделей организации управленческого контроля. В статье T. Puliwaga с соавторами также тестируется и подтверждается гипотеза о наличии влияния цифровых компетенций на организационное развитие ВМФ Индонезии [5]. Несмотря на специфичность данного объекта, авторами исследования была обнаружена положительная связь.

В работах российских исследователей цифровизация рассматривается как неотъемлемый элемент организационного развития. Например, в работе Т.А. Гилевой [6] цифровая трансформация представлена как вариант организационного развития. В работах многих авторов (см., напр.: [7]) используется термин «цифровая зрелость», также отражающий организационное развитие. То есть, исследователи отождествляют организационное развитие и цифровую трансформацию (см., напр.: [8–10]). Еще одним направлением исследований в этой области является изучение цифровизации

методов управления, когда организационное развитие осуществляется через цифровизацию инструментов управления [11]. По мнению В.В. Масленникова, цифровизация инструментов управления позволит собственникам бизнеса и топ-менеджерам своевременно принимать решения, основываясь на актуальной информации. Следующим аспектом связи организационного развития и цифровой трансформации является рассмотрение цифровой трансформации как этапа развития организаций [12]. Данное направление отражает идеи промышленной революции 4.0, когда искусственный интеллект становится центром промышленных систем. Пятый аспект связи организационного развития и цифровой трансформации заключается в рассмотрении цифровизации как среды для организационных изменений [13–15]. Авторы разрабатывают теоретические основы организационных изменений в новых условиях цифровизации.

3. Методика исследования. Для исследования взаимосвязи между цифровизацией компании и ее организационным развитием был проведен экспертный опрос. В качестве экспертов (19 чел.) выступили руководители подразделений промышленных предприятий, имеющие опыт внедрения проектов по цифровизации за последние 2–3 года. При этом в проектах цифровизации они выполняли различные роли: руководитель по разработке проекта, руководитель по внедрению проекта, заказчик проекта, участник / исполнитель проекта. Десять экспертов выступали только в одной роли: от заказчика проекта до исполнителя проекта. Семь экспертов совмещали две роли, чаще всего это были роли руководителя по внедрению проекта цифровизации и участника данного проекта (5 экспертов). Еще два эксперта в проекте цифровизации совмещали три роли. Данные характеристики отражают экспертность людей, попавших в выборку.

Рассматриваемые 19 проектов касались следующих направлений цифровизации:

- управление ресурсами предприятия (6 проектов);
- управление закупками и взаимодействие с поставщиками (1 проект);
- планирование продаж и операций (3 проекта);
- бизнес-аналитика и финансовое планирование (3 проекта);

- автоматизация технического обслуживания и ремонта оборудования (5 проектов);
- управление нормативно-справочной информацией (4 проекта);
- автоматизация HR-процессов (7 проектов);
- использование CRM-решений (7 проектов);
- повышение эффективности бизнес-процессов (5 проектов);
- управление документами (9 проектов);
- управление событиями и инцидентами на производстве (2 проекта);
- охрана и безопасность труда (1 проект).

Таким образом, большинство проектов по цифровизации, в которых участвовали эксперты, были комплексными, т. е. затрагивали различные направления оптимизации бизнеса – только три проекта были узкоспециализированными, остальные относились в среднем к 5,2 направлениям оптимизации. Один из проектов был отнесен экспертом сразу к восьми направлениям цифровизации.

Большая часть проектов цифровизации (60 %), в которых участвовали эксперты, были продолжительностью до одного года. Максимальная стоимость проекта цифровизации равнялась 9 млн руб.

Присутствие процессов цифровизации на промышленном предприятии оценивалось по наличию проектов цифровизации за последние 2–3 года. Организационное развитие оценивалось по следующим показателям:

- изменение затрат труда персонала по результатам проекта цифровизации;
- изменение потребления материальных и финансовых ресурсов;
- изменение качества работы организации;
- изменение скорости выполнения работы;
- изменение объема выполняемой работы;
- изменение ритмичности и стабильности результатов;
- изменение удовлетворенности клиентов;
- изменение безопасности труда;
- обучение персонала для успешности проекта;
- изменение бизнес-процессов;
- изменение оргструктуры;
- интеграция новой системы с существующей;
- привлечение консультантов.

Методом анализа выступила дескриптивная статистика.

Основными гипотезами исследования стали: наличие влияния цифровизации на изменение потребления ресурсов (материальных, финансовых, человеческих), а также изменение результатов деятельности вследствие проектов цифровизации.

4. Результаты исследования. Для проверки первой гипотезы были проанализированы ответы экспертов на вопросы относительно *изменения затрат труда персонала* по результатам проекта цифровизации и *изменения потребления материальных и финансовых ресурсов*. Результаты представлены в табл. 1, 2.

Таблица 1. Изменение затрат труда промышленными предприятиями по результатам проектов цифровизации

Table 1. Changes in labor costs by industrial enterprises based on the results of digitalization projects

Направление цифровизации	Затраты труда, % предприятий		
	Снизилась	Не изменилась	Выросли
Управление ресурсами предприятия	50,0	33,33	16,67
Управление закупками и взаимодействие с поставщиками	100	0	0
Планирование продаж и операций	33,33	33,33	33,33
Бизнес-аналитика и финансовое планирование	33,33	33,33	33,33
Автоматизация технического обслуживания и ремонта оборудования	40,0	20,0	40,0
Управление нормативно-справочной информацией	75,0	0	25,0
Автоматизация HR-процессов	71,43	28,57	0,0
Использование CRM-решений	71,43	0	28,57
Повышение эффективности бизнес-процессов	60,0	20,0	20,0
Управление документами	44,44	44,44	11,11
Управление событиями и инцидентами на производстве	50,0	0	50,0
Охрана и безопасность труда	0	100	0

Из табл. 1 видно, что практически по всем направлениям проектов цифровизации затраты труда персонала чаще всего снизились или не изменились. Доля роста затрат во всех проектах меньше. При этом по ряду направлений, таких как управление закупками и взаимодействие с поставщиками, автоматизация HR-процессов, охрана и безопасность труда, рост

затрат труда персонала отсутствует. Данные табл. 1 позволяют сделать вывод, что цифровизация ведет в целом к уменьшению затрат труда персонала и с точки зрения организационного развития в конечном счете снижает нагрузку на HR-специалистов либо трансформирует их деятельность.

Таблица 2. Изменение потребления материальных и финансовых ресурсов промышленными предприятиями по результатам проектов цифровизации

Table 2. Changes in the consumption of material and financial resources by industrial enterprises based on the results of digitalization projects

Направление цифровизации	Потребление материальных и финансовых ресурсов, % предприятий		
	Снизилось	Не изменилось	Выросло
Управление ресурсами предприятия	83,33	0	16,67
Управление закупками и взаимодействие с поставщиками	100	0	0
Планирование продаж и операций	66,67	33,33	0
Бизнес-аналитика и финансовое планирование	66,67	33,33	0
Автоматизация технического обслуживания и ремонта оборудования	80,0	0	20,0
Управление нормативно-справочной информацией	75,0	0	25,0
Автоматизация HR-процессов	28,57	71,43	0
Использование CRM-решений	42,86	42,86	14,29
Повышение эффективности бизнес-процессов	40,0	40,0	20,0
Управление документами	66,67	33,33	0
Управление событиями и инцидентами на производстве	50,0	0	50,0
Охрана и безопасность труда	0	100	0

Данные табл. 2 показывают, что по всем направлениям проектов цифровизации наблюдается снижение потребления материальных и финансовых ресурсов (за исключением направления по охране и безопасности труда). Также стоит обратить внимание, что материальные и финансовые ресурсы не экономятся в проектах по автоматизации HR-процессов.

Если сравнивать данные табл. 1 и 2, то экономия материальных и финансовых ресурсов примерно в 1,4 раза превышает экономию трудовых ресурсов при внедрении проектов цифровизации.

Далее мы проанализировали **изменение качества работы** предприятия в результате внедрения проектов цифровизации. Только для двух проектов: один по внедрению CRM-решений, второй – по управлению документами – эксперты отметили, что качество не изменилось. Для всех остальных проектов эксперты отметили рост качества работы предприятия. Схожая ситуация наблюдается для такого показателя организационного развития, как

скорость выполнения работы. Лишь для одного проекта – по управлению документами – эксперт отметил снижение скорости выполнения работы, для всех остальных проектов скорость выполнения работы выросла. Следует отметить, что традиционно показатели качества работы и скорости работы рассматриваются как антагонисты: при росте одного из них наблюдается снижение другого. В данном случае эта зависимость не обнаруживается: проекты цифровизации ведут, как правило, к росту и первого показателя, и другого.

Большинство проектов (71 %) нейтрально влияют на **безопасность труда**. Только по проекту, связанному с управлением документами, эксперт отметил снижение безопасности труда. То есть можно зафиксировать, что в целом проекты цифровизации в настоящее время слабо связаны с вопросами безопасности труда.

В табл. 3 показаны варианты **изменения объема работы** после внедрения проектов по цифровизации.

Таблица 3. Изменение объема выполняемой работы промышленными предприятиями по результатам проектов цифровизации

Table 3. Changes in the volume of work performed by industrial enterprises based on the results of digitalization projects

Направление цифровизации	Изменение объема выполняемой работы, % предприятий		
	Снизился	Не изменился	Вырос
Управление ресурсами предприятия	33,33	33,33	33,33
Управление закупками и взаимодействие с поставщиками	100	0	0
Планирование продаж и операций	33,33	33,33	33,33
Бизнес-аналитика и финансовое планирование	33,33	33,33	33,33
Автоматизация технического обслуживания и ремонта оборудования	20,0	0	80,0
Управление нормативно-справочной информацией	50,0	0	50,0
Автоматизация HR-процессов	14,29	14,29	71,43
Использование CRM-решений	14,29	0	85,71
Повышение эффективности бизнес-процессов	20,0	40,0	40,0
Управление документами	33,33	22,22	44,44
Управление событиями и инцидентами на производстве	0	0	100
Охрана и безопасность труда	0	0	100

Мы предполагали, что внедрение проектов цифровизации должно приводить к росту объемов работы предприятия, но данные табл. 3 показывают неоднозначность ситуации. Так, для пяти направлений цифровизации (управление ресурсами предприятия, управление закупками, планирование продаж, бизнес-аналитика и управление нормативно-справочной информацией) нельзя зафиксиро-

вать верность нашей гипотезы. Для перечисленных направлений объема либо снизились, либо изменились в разных направлениях, ни одно из которых не является доминирующим.

Что касается роста **ритмичности производства**, то примерно для половины направлений цифровизации ритмичность не изменилась (табл. 4). Если внимательно изучить информацию табл. 4, то видно, что ритмичность растет

для тех направлений цифровизации, которые напрямую связаны с производством и включены в процессы основного производства, например управление событиями и инцидентами на производстве, автоматизация технического обслуживания и ремонта оборудования и др.

Еще одним показателем организационного развития является *удовлетворенность клиентов*. Результаты изменения удовлетворенности клиентов в результате цифровизации приведены в табл. 5.

Таблица 4. Изменение ритмичности производства промышленными предприятиями по результатам проектов цифровизации

Table 4. Changes in the rhythm of production at industrial enterprises based on the results of digitalization projects

Направление цифровизации	Изменение ритмичности производства, % предприятий		
	Снизилось	Не изменилось	Выросла
Управление ресурсами предприятия	0	33,33	66,67
Управление закупками и взаимодействие с поставщиками	0	0	100
Планирование продаж и операций	0	66,67	33,33
Бизнес-аналитика и финансовое планирование	0	66,67	33,33
Автоматизация технического обслуживания и ремонта оборудования	0	40,0	60,0
Управление нормативно-справочной информацией	0	25,0	75,0
Автоматизация HR-процессов	0	71,43	28,57
Использование CRM-решений	14,29	42,86	42,86
Повышение эффективности бизнес-процессов	0	20,0	80,0
Управление документами	0	55,56	44,44
Управление событиями и инцидентами на производстве	0	0	100
Охрана и безопасность труда	0	100	0

Таблица 5. Изменение удовлетворенности клиентов промышленных предприятий по результатам проектов цифровизации

Table 5. Changes in customer satisfaction of industrial enterprises based on the results of digitalization projects

Направление цифровизации	Изменение ритмичности производства, % предприятий		
	Снизилось	Не изменилось	Выросла
Управление ресурсами предприятия	0	33,33	66,67
Управление закупками и взаимодействие с поставщиками	0	0	100
Планирование продаж и операций	0	33,33	66,67
Бизнес-аналитика и финансовое планирование	0	33,33	66,67
Автоматизация технического обслуживания и ремонта оборудования	0	20,0	80,0
Управление нормативно-справочной информацией	0	25,0	75,0
Автоматизация HR-процессов	0	71,43	28,57
Использование CRM-решений	14,29	14,29	71,43
Повышение эффективности бизнес-процессов	0	20,0	80,0
Управление документами	0	33,33	66,67
Управление событиями и инцидентами на производстве	0	0	100
Охрана и безопасность труда	0	100	0

Данные табл. 5 показывают, что цифровизация положительно сказывается на росте удовлетворенности клиентов. В 9 из 12 направлений проектов удовлетворенность выросла. Только по одному проекту, связанному с использованием CRM-решений, наблюдалось снижение удовлетворенности клиентов.

Таким образом, наблюдается изменение показателей организационного развития в результате внедрения проектов цифровизации.

Вторым направлением организационного развития является развитие организации вследствие подготовки к реализации проектов. Так, для реализации 14 проектов предприятия обу-

чали персонал, в 13 проектах меняли существующие бизнес-процессы, также для 13 проектов интегрировали действующую систему и новую систему управления предприятием, для 6 проектов предприятия меняли организационную структуру. То есть, наблюдаются признаки организационного развития.

Также следует отметить готовность организаций к цифровой трансформации. Для проведения цифровых трансформаций, с одной стороны, необходимы финансовые и материальные ресурсы, а с другой – цифровые компетенции персонала. Если концентрироваться на цифровых компетенциях персонала, то эксперты отметили средний уровень их развитости, подчеркнув при этом, что требования предприятий к уровню развитости цифровых компетенций не максимальны, а примерно на 0,5–1 балл по пятибалльной шкале превышают уровень развитости цифровых компетенций персонала.

5. Заключение. Таким образом, исследование выявило наличие связи между цифровыми трансформациями и организационным развитием. Обнаружено, что все проекты циф-

ровизации, выбранные в качестве кейсов, повлияли на показатели организационного развития. Но различные направления проектов влияют по-разному. Однозначно позитивно проекты цифровой трансформации влияют на качество работы предприятия и скорость работы. Остальные показатели организационного развития зависят от специфики (содержания) проекта цифровой трансформации. Помимо прямого влияния проектов цифровизации на организационное развитие было выявлено косвенное влияние через развитие ресурсов (в частности трудовых), необходимых для реализации проектов.

Примечания

¹ См.: Методика расчета целевого показателя «Достижение "цифровой зрелости"» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления (утв. Приказом Минцифры России от 18 ноября 2020 г. № 600 (ред. от 14 января 2021 г.)).

² См.: URL: <https://производительность.рф/about-fcc/services/karta-berezhlivoj-cifrovizacii/>.

Литература

1. Мирзагаева Ш., Асланов Г. Процесс цифровизации общества: к чему он приводит и что ожидать в будущем? // *Metafizika*. – Т. 5, № 4. – С. 10–21. – (На англ. яз.).
2. Лапина Т. А., Стукен Т. Ю., Коржова О. С. Цифровизация и производительность труда: типологический анализ промышленных предприятий // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*. – 2023. – Т. 21, № 1. – С. 54–59. – DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(1).54-59.
3. Hanelt A., Bohnsack R., Marz D., Marante C. A systematic review of the literature on digital transformation: insights and implications for strategy and organizational change // *Journal of Management Studies*. – 2020. – Vol. 58, iss. 5. – С. 1159–1197. – DOI: 10.1111/joms.12639.
4. Fähndrich J. A literature review on the impact of digitalisation on management control // *Journal of Managing Control*. – 2023. – Vol. 34. – P. 9–65. – DOI: 10.1007/s00187-022-00349-4.
5. Puliwarno T., Djati S. P., Tanti E. P. The Effect of Digital Leadership, organizational culture, digital competence and organization's commitment on Organizational Performance: Information Technology System in Indonesian Navy // *International Journal of Scientific Research and Management*. – 2023. – Vol. 11, no. 4. – P. 4833–4846. – DOI: 10.18535/ijstrm/v11i04.em06.
6. Гилева Т. А. Цифровая зрелость предприятия: методы оценки и управления // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика*. – 2019. – № 1 (27). – С. 38–52.
7. Попов Е. В., Симонова В. Л., Черепанов В. В. Уровни цифровой зрелости промышленного предприятия // *Journal of New Economy*. – 2021. – Т. 22, № 2. – С. 88–109. – DOI: 10.29141/2658-5081-2021-22-2-5.
8. Бабкин А. В., Шкарупета Е. В., Гилева Т. А., Положенцева Ю. С., Чэнь Л. Методика оценки разрывов цифровой зрелости промышленных // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 443–458. – DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.3.443-458.
9. Погорельцев А. С., Салимьянова И. Г. Особенности оценки цифровой зрелости // *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*. – 2022. – № 5-2 (137). – С. 118–125.
10. Черепанов В. В., Попов Е. В. Концепция цифровой трансформации промышленного предприятия // *Экономика и управление*. – 2022. – Т. 28, № 10. – С. 1021–1036. – DOI: 10.35854/1998-1627-2022-10-1021-1036.

11. Масленников В. В., Ляндау Ю. В., Калинина И. А. Формирование системы цифрового управления организацией // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. – 2019. – № 6 (108). – С. 116–123. – DOI: 10.21686/2413-2829-2019-6-116-123.

12. Улезько А. В., Жукова М. А. Цифровизация как этап эволюции социально-экономических систем // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. – 2019. – Т. 12. – № 1 (60). – С. 169–179. – DOI: 10.17238/issn2071-2243.2019.1.169.

13. Толстых Т. О., Гамидуллаева Л. А., Шкарупета Е. В. Ключевые факторы развития промышленных предприятий в условиях цифрового производства и индустрии 4.0 // Экономика промышленности. – 2018. – Т. 11, № 1. – С. 11–19. – DOI: 10.17073/2072-1633-2018-1-11-19.

14. Толстых Т. О., Агаева А. М. Экосистемная модель развития предприятий в условиях цифровизации // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2020. – № 1 (33). – С. 37–49. – DOI: 10.21685/2227-8486-2020-1-3.

15. Грицунова С. В., Седых Ю. А. Развитие бизнес-администрирования предприятия в условиях цифровизации экономики // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2021. – № 2 (74). – С. 83–88.

References

1. Mirzagayeva Sh., Aslanov H. The digitalization process: what has it led to, and what can we expect in the future?. *Metafizika*, 2022, Vol. 5, iss. 4, pp. 10-21.

2. Lapina T.A., Stuken T.Yu., Korzhova O.S. Digitalization and labor productivity: typological analysis of industrial enterprises. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, Vol. 21, no. 1, pp. 54-59. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(1).54-59. (in Russian).

3. Hanelt A., Bohnsack R., Marz D., Marante C. A systematic review of the literature on digital transformation: insights and implications for strategy and organizational change. *Journal of Management Studies*, 2020, Vol. 58, iss. 5, pp. 1159-1197. DOI: 10.1111/joms.12639.

4. Fähndrich J. A literature review on the impact of digitalisation on management control. *Journal of Managing Control*, 2023, Vol. 34, pp. 9-65. DOI: 10.1007/s00187-022-00349-4.

5. Puliwarna T., Djati S.P., Tanti E.P. The Effect of Digital Leadership, organizational culture, digital competence and organization's commitment on Organizational Performance: Information Technology System in Indonesian Navy. *International Journal of Scientific Research and Management*, 2023, Vol. 11, no. 4, pp. 4833-4846. DOI: 10.18535/ijstrm/v11i04.em06.

6. Gileva T.A. Digital maturity of the enterprise: methods of assessment and management. *Bulletin USPTU. Science, education, economy. Series economy*, 2019, no. 1 (27), pp. 38-52. (in Russian).

7. Popov E.V., Simonova V.L., Cherepanov V.V. Digital maturity levels of an industrial enterprise. *Journal of New Economy*, 2021, Vol. 22, no. 2, pp. 88-109. DOI: 10.29141/2658-5081-2021-22-2-5. (in Russian).

8. Babkin A.V., Shkarupeta E.V., Gileva T.A., Polozhenceva Yu.S., Chen L. Methodology for assessing digital maturity gaps in industrial enterprises. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 2022, Vol. 13, no. 3, pp. 443-458. DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.3.443-458. (in Russian).

9. Pogoreltsev A.S., Salimjanova I.G. Features of assessing the digital maturity of organizations. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta*, 2022, no. 5-2 (137), pp. 118-125. (in Russian).

10. Cherepanov V.V., Popov E.V. Concept of the digital transformation of an industrial enterprise. *Economics and Management*, 2022, Vol. 28, no. 10, pp. 1021-1036. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-10-1021-1036. (in Russian).

11. Maslennikov V.V., Lyandau Y.V., Kalinina I.A. Developing the System of Digital Management of Organization. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2019, no. 6 (108), pp. 116-123. DOI: 10.21686/2413-2829-2019-6-116-123. (in Russian).

12. Ulez'ko A.V., Zhukova M.A. Digitalization as a stage of evolution of socio-economic systems. *Vestnik of Voronezh State Agrarian University*, 2019, Vol. 12, no. 1 (60), pp. 169-179. DOI: 10.17238/issn2071-2243.2019.1.169. (in Russian).

13. Tolstykh T.O., Gamidullayeva L.A., Shkarupeta E.V. Key factors of development of the industrial enterprises in the conditions of the industry 4.0. *Russian Journal of Industrial Economics*, 2018, Vol. 11, no. 1, pp. 11-19. DOI: 10.17073/2072-1633-2018-1-11-19. (in Russian).

14. Tolstykh T.O., Agaeva A.M. Ecosystem model of enterprise development in the context of digitalization. *Models, systems, networks in economics, technology, nature and society*, 2020, no. 1 (33), pp. 37-49. DOI: 10.21685/2227-8486-2020-1-3. (in Russian).

15. Gritsunova S.V., Sedykh Yu.A. Development of enterprise business administration in conditions for digitalization of economy. *Vestnik of Rostov State University of Economics (RINH)*, 2021, no. 2 (74), pp. 83-88. (in Russian).

Сведения об авторах

Стукен Татьяна Юрьевна – д-р экон. наук, декан экономического факультета
Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: Stuken@omsu.ru
ORCID: 0000-0001-6005-9678
Web of Science ResearcherID: H-6777-2016
SPIN-код РИНЦ: 9653-8983

Лапина Татьяна Александровна – канд. экон. наук, доцент кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами
Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: lapinaomgu@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1854-8034
РИНЦ AuthorID: 364848

Коржова Ольга Сергеевна – старший преподаватель кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами
Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: olishb@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5189-2753
РИНЦ AuthorID: 758207

Вклад авторов

Стукен Т.Ю. – руководство проведением исследования, разработка методики исследования, анализ данных, проверка результатов исследования.

Лапина Т.А. – подготовка метаданных, разработка методики исследования, анализ данных, проверка результатов исследования, визуализация и представление данных.

Коржова О.С. – разработка методики исследования, сбор информации, анализ данных, перевод информации на иностранный язык, подготовка метаданных.

Для цитирования

Стукен Т. Ю., Лапина Т. А., Коржова О. С. Анализ комплементарности организационного развития и цифровой трансформации промышленного предприятия // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 61–69. – DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).61-69.

About the authors

Tatiana Yu. Stuken – Doctor of Economic Sciences, Dean of the Faculty of Economics
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: Stuken@omsu.ru
ORCID: 0000-0001-6005-9678
Web of Science ResearcherID: H-6777-2016
RSCI SPIN-code: 9653-8983

Tatiana A. Lapina – PhD in Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Regional Economics and Human Resource Management
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: lapinaomgu@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1854-8034
RSCI AuthorID: 364848

Olga S. Korzhova – senior lecturer at the Department of Regional Economics and Human Resource Management
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: olishb@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-5189-2753
RSCI AuthorID: 758207

Authors' contributions

Stuken T.Yu. – management of the research, development of research methodology, data analysis, verification of research results.

Lapina T.A. – preparation of metadata, development of research methodology, data analysis, verification of research results, visualization and presentation of data.

Korzhova O.S. – development of research methodology, information collection, data analysis, translation of information, preparation of metadata.

For citations

Stuken T.Yu., Lapina T.A., Korzhova O.S. Analysis of the complementarity of organizational development and digital transformation of an industrial enterprise. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2024, Vol. 22, no. 1, pp. 61-69. DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).61-69. (in Russian).

УДК 339.138
JEL: M31
DOI 10.24147/1812-3988.2024.22(1).70-80

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАЗНОУРОВНЕВЫХ МАРКЕТИНГОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ НЕСЕТЕВЫМИ ПРОДАВЦАМИ ОТДЕЛОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Г.Е. Чернобаева[✉], Р.Г. Быкова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
30 октября 2023 г.

Дата принятия в печать
15 декабря 2023 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Маркетинговые коммуникации,
профессиональные агенты,
интеграция, рынок отделочных
материалов

Аннотация. Снижение эффективности привычных маркетинговых коммуникаций и необходимость оптимизировать маркетинговые бюджеты требуют от современных не-сетевых игроков рынка отделочных материалов более взвешенного подхода к формированию интегрированного набора коммуникационных инструментов. В рамках данного исследования были определены четыре типа канала передачи маркетинговой информации. Для типизации использовался уровневый подход, основанный на определении вида и количества коммуникационных посредников между несетевым продавцом и покупателем отделочных материалов. Для каждого типа определен перечень возможностей и угроз использования коммуникативного канала, позволяющий операционализировать процесс разработки маркетинговых коммуникаций. Для оптимизации процедуры разработки комплекса маркетинговых коммуникаций были сформированы ранжированные по степени влияния на объемы продаж списки актуальных инструментов маркетинговых коммуникаций. Для проведения исследования использовались методы включенного наблюдения, опроса и анализа документов маркетинговой внутренней отчетности. Объекты наблюдения – несетевые продавцы отделочных материалов Сибирского федерального округа. Респонденты – специалисты, принимающие решения по интеграции маркетинговых коммуникаций.

THE USE OF MULTI-LEVEL MARKETING COMMUNICATIONS BY NON-NETWORK SELLERS OF FINISHING MATERIALS

G.E. Chernobaeva[✉], R.G. Bykova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Article info

Received
October 30, 2023

Accepted
December 15, 2023

Type paper

Research paper

Keywords

Marketing communications, pro-
fessional agents, integration,
finishing materials market

Abstract. The decrease in the effectiveness of conventional marketing communications and the need to optimize marketing budgets require modern non-network players in the finishing materials market to take a more balanced approach to the formation of an integrated set of communication tools. Within the framework of this study, four types of marketing information transmission channels were identified. A tiered approach was used for typing, based on determining the type and number of communication intermediaries between a non-network seller and a buyer of finishing materials. A list of opportunities and threats of using a communication channel is defined for each type, which allows operationalizing the process of developing marketing communications. In order to optimize the procedure of developing a marketing communications package, lists of relevant marketing communications tools were formed, ranked by the degree of influence on sales volumes. To conduct the research, methods of included observation, survey and analysis of marketing internal reporting documents were used. The objects of observation – non-network sellers of finishing materials in the Siberian Federal District. The respondents – specialists who make decisions on the integration of marketing communications.

1. Введение. Активное развитие теории маркетинговой коммуникации требует непрерывной отраслевой верификации как формирующихся подходов к разработке, так и к инструментальной реализации. Рынок отделочных материалов является одним из рынков – индикаторов развития маркетинговых инструментов ввиду субъектного разнообразия участников и сложной продуктовой зависимости от специфики требований участников рынка. Изучение реального взаимодействия производителей, продавцов, конечных покупателей и иных субъектов, оказывающих профессиональное влияние на покупателей / потребителей, позволит разрабатывать новые подходы и конкретные алгоритмы, повышающие результативность использования маркетинговых коммуникаций.

Активный рост рынка отделочных материалов, наблюдаемый в последние годы, формирует запрос и на трансформацию сложившихся систем управления маркетинговыми коммуникациями на предприятиях данной сферы. Для разработки системы управления подобными изменениями также значимо определение исходной точки, однозначно сместившейся при демонстрируемой изменчивости рынка. В 2020–2023 гг. на российском рынке отделочных материалов фиксировали, по данным Интерфакса, как рост спроса на 18–20 %, так и его падение на 6–10 %. При этом уровень цен на рынке достигал своего максимального роста на 230 % по отдельным видам отделочных материалов во II квартале 2022 г. при средних значениях роста цен в 23,75 %. Несмотря на сокращение числа иностранных игроков, конкуренция на рынке отделочных материалов по-прежнему остается высокой. На рынке отделочных материалов основная часть рынка принадлежит сетевым продавцам. Если в 2015 г. на долю десяти основных розничных *DIY*-сетей приходилось 27 % объемов продаж, то в 2020 г. – уже 45 %¹. Рынок продолжает активно консолидироваться. Такие условия требуют от несетевых продавцов, не обладающих сопоставимыми с сетевиками маркетинговыми бюджетами, пристального внимания к своей маркетинговой политике, включая коммуникационную.

Целью данного исследования является определение современных особенностей использования разноуровневых маркетинговых коммуникаций при взаимодействии несетево-

го продавца на рынке отделочных материалов с конечными потребителями.

2. Обзор литературы. Детальное изучение маркетинговых коммуникаций как инструмента комплекса маркетинга не прекращается ввиду непрерывной трансформации инструментальной составляющей. При этом концептуальные элементы, определяющие функциональное значение маркетинговых коммуникаций, не претерпевают существенных изменений.

Парадигмальные элементы маркетинговых коммуникаций, используемые в основе данного исследования, определены в трудах Л. Берри, Ф. Котлера, Д. Кривенса, Ч. Миллса и систематизированы в трудах В. Зундэ [1]. Интеграционный подход, позволивший в рамках данного исследования определить значение направленных на конечного потребителя через множественную совокупность агентов рынка отделочных материалов маркетинговых коммуникаций, был глубоко изучен такими признанными исследователями, как Д. Шульц, С. Танненбаум, Р. Лаутерборн [2], П. Смит, К. Бэрри, А. Пулфорд [3]. Развитию интеграционного подхода к разработке маркетинговых коммуникаций особое внимание в своих трудах уделяют Т. Данкан [4], Л. Ву, Ю. Данко, Ф. Чен, С. Яо и Ф. Чжан [5], Дж. Элорд [7], интеграционным элементам многоуровневых коммуникаций – Дж. Джуска [8], С. Лукстон, М. Рейд [9], использование их предприятиями розничной торговли рассматривают В. Тамуллене, А. Рашимайте, Ж. Тунчикиене [10]. Возможностям использования искусственного интеллекта для обеспечения интеграционных функций посвящены исследования Э. Бробби, Э. Анкра, Ф.К. Канкама [11].

3. Методы исследования. С целью определения современных особенностей осуществления маркетингового коммуникативного воздействия на потребителей рынка отделочных материалов несетевыми продавцами было проведено трехэтапное исследование.

На первом этапе методом включенного наблюдения определены основные типы коммуникационных каналов, обеспечивающих результативное воздействие на покупателей рынка отделочных материалов. Основу классификации составили типы посредников, включенных в коммуникационный канал.

На втором этапе анализ результатов экспертного опроса позволил определить преиму-

щества и недостатки практического использования выявленных каналов передачи маркетинговой информации потребителям отделочных материалов. Экспертный опрос проведен в апреле–июне 2023 г. Требования к экспертам: непосредственное участие в управлении интеграцией многоуровневыми маркетинговыми коммуникациями несетевых компаний, реализующих отделочные материалы на рынке Сибирского федерального округа. При этом рынок отделочных материалов рассматривался как рынок, на котором реализуется класс строительных материалов для декоративного оформления зданий и сооружений, защиты их от вредного воздействия окружающей среды, улучшения гигиенических и эксплуатационных свойств [12]. В опросе приняли участие 57 экспертов. К анализу принята 51 анкета: 11 анкет директоров по развитию; 9 – коммерческих директоров; 24 – руководителей подразделений маркетинга; 7 – маркетологов.

На третьем этапе определена текущая результативность конкретных инструментов маркетинговых коммуникаций, используемых компаниями в рамках выделенных четырех типов каналов передачи информации. Оценка осуществлялась на основе предоставленной компаниями внутренней маркетинговой отчетности. К анализу приняты данные 16 компаний.

4. Результаты исследования. Включенное наблюдение позволило определить четыре типа каналов передачи маркетинговых коммуникаций от продавцов отделочных материалов к покупателям. Используя сбытовой принцип, названия коммуникационных каналов фиксируют количество типов коммуникационных посредников (нулевого уровня, одно-, двухуровневые). В классификации двухуровневых каналов использован принцип прямых (по направлению к покупателю) и обратных (по направлению к производителю) функциональных ролей маркетинговых инструментов:

• *Коммуникативный канал нулевого уровня.* Продавцы отделочных материалов осуществляют маркетинговое коммуникативное воздействие непосредственно на покупателей.

• *Одноуровневый коммуникативный канал.* Продавцы отделочных материалов осуществляют коммуникативное воздействие на покупателей через профессиональных агентов. Под профессиональными агентами мы понимаем компании и отдельные лица, оказывающие свои профессиональные услуги с исполь-

зованием отделочных материалов конкретного продавца. К ним относятся дизайнеры, «декораторы» (специалисты в области использования декоративной штукатурки), прорабы, строительные и иные компании, оказывающие услуги по отделочным и ремонтным работам.

• *Прямой двухуровневый коммуникативный канал.* Продавцы отделочных материалов оказывают коммуникативное воздействие на профессиональных агентов через агентов-посредников. Профессиональные же агенты оказывают прямое воздействие на покупателей, предлагая для воплощения дизайн-проекта ремонтных или отделочных работ материалы конкретного продавца.

Агентами-посредниками в этом случае являются организации, объединяющие на коммерческой и некоммерческой основе различные совокупности профессиональных агентов. Агенты-посредники традиционно преследуют цели, не связанные напрямую с рынком отделочных материалов. Не являясь участниками сбытового канала, агенты-посредники не принимают на себя право собственности на отделочные материалы, а лишь аккумулируют и передают профессиональным агентам различного рода информацию, вовлекают проагентов в деятельность, направленную на достижение собственных целей агентов-посредников. Продавцы отделочных материалов заинтересованы в базах данных о профессиональных агентах, которыми традиционно обладают агенты-посредники. Множественность форм предоставления доступа к расширенным аудиториям профессиональных агентов также способствует вовлечению продавцом отделочных материалов в канал передачи маркетинговой информации агентов-посредников.

На рынке отделочных материалов Сибирского федерального округа крупными агентами-посредниками являются: Сибирская ассоциация дизайнеров и архитекторов (САДА), Союз дизайнеров России, Межрегиональный союз дизайнеров интерьера (RIDU), Ассоциация дизайнеров и декораторов интерьера (АДДИ), Фонд поддержки предпринимательства, «Опора России», Союз предпринимателей, Комитет по дизайну и благоустройству при Торгово-промышленной палате, Агентство по поддержке выставочной деятельности.

• *Обратный двухуровневый коммуникативный канал.* Продавцы отделочных материалов используют для организации взаимодей-

ствия с профессиональными агентами непосредственно производителя или представителя федерального поставщика. При этом производитель, являясь «началом» сбытового канала, становится посредником в коммуникационном канале своего сбытового посредника.

Трансформация рынка отделочных материалов, изменения предпочтений потребителей, определяемых модой и появлением новых продуктов, требует от профессиональных посредников (дизайнеров, декораторов, строительных и ремонтных бригад и компаний), продавцов и даже покупателей непрерывного развития различных компетенций, позволяющих продавать и использовать отделочные материалы. Удовлетворение этого запроса достаточно легко дается именно производителям, упаковывающим высокоэффективные марке-

тинговые коммуникации в различные образовательные продукты и инструменты, сопровождающие процесс обучения.

Продавец отделочных материалов, обеспечивая высокую результативность маркетингового коммуникационного воздействия, имеет возможность использовать в современных условиях все четыре типа каналов передачи маркетинговой информации. Разрабатывая интегрированный комплекс маркетинговых коммуникаций, продавец отделочных материалов должен использовать все возможности выделенных четырех типов каналов и нивелировать их потенциальные негативные последствия. В табл. 1 представлены результаты анализа потенциальных возможностей и угроз использования актуальных для современного рынка коммуникативных каналов.

Таблица 1. Коммуникативные возможности и угрозы использования основных типов каналов передачи маркетинговой информации на рынке отделочных материалов

Table 1. Communication opportunities and threats of using the main types of marketing information transmission channels in the finishing materials market

<i>Тип канала</i>	<i>Возможности</i>	<i>Угрозы</i>
Продавец – покупатель	<ol style="list-style-type: none"> 1. Высокая управляемость коммуникативным процессом. Есть возможность вовремя снять возражения, использовать плюсы неформального общения, возможность пригласить эксперта в конкретной группе отделочных материалов. 2. Возможность расширить покупку (увеличение чека, организация комплексной продажи). 3. Прямое формирование лояльности к конкретной компании-продавцу, товару, бренду. 4. Более высокий уровень контроля над процессом выбора конкретных материалов 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Нет времени на глубокую детализацию потребности клиента. 2. Падение эффективности коммуникации из-за недостаточной квалификации продавца: <ul style="list-style-type: none"> – по каждой позиции товарного ассортимента; – в технологии личных продаж. 3. Большая продолжительность коммуникационного контакта, предшествующего покупке
Продавец – профессиональный агент – покупатель	<ol style="list-style-type: none"> 1. Удешевление коммуникаций с конечным потребителем за счет сокращения количества контактов. 2. Высокий уровень лояльности профессионального агента конкретному продавцу, основанной на агентском проценте, гарантирует долгосрочную устойчивость продаж. 3. Более высокий уровень доверия покупателей профагентам. 4. Возможность в рамках одного коммуникационного акта продвинуть большее количество товарных позиций ввиду выполнения профагентом комплекса отделочных работ на одном или нескольких объектах покупателя. 5. Возможность выхода на представителей премиум-сегмента, предпочитающих максимально сократить личное участие в выборе приобретения отделочных материалов. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Сформированная лояльность профагента к определенным маркам отделочных материалов, ослабляющая результативность коммуникационного воздействия продавца на покупателя. 2. Высокое влияние «цеховой» солидарности. Недовольство одного профагента взаимодействием с конкретным продавцом быстро распространяется при высоких лидерских качествах профагента. 3. Высокое влияние качества обслуживания продавца, а не качества продукта. 4. Отсутствие возможности сформировать лояльность к продавцу. Профагент предпочитает вознаграждения продавца (например, скидки на продукт или на монтаж) выдавать за свои.

Продолжение табл. 1
The continuation of Table 1

<i>Тип канала</i>	<i>Возможности</i>	<i>Угрозы</i>
	<p>6. Возможность продвигать отделочные материалы удаленным потребителям и потребителям, сформировавшим негативный спрос к компании-продавцу.</p> <p>7. Возможность выхода на крупных заказчиков через профагентов (крупные коммерческие и общественные объекты).</p> <p>8. Возможность продажи узкоспециализированных продуктов (профессиональное техническое обоснование необходимости применения отделочных материалов, например систем спортивного паркета, акустических и звукоизоляционных материалов)</p>	<p>Покупатель может и не знать, кто является поставщиком товара, что препятствует формированию системы долгосрочных взаимоотношений с продавцом, препятствует распространению довольным потребителем позитивной информации о продавце отделочных материалов по неформальным каналам.</p> <p>5. Перевод сделки профагентом в другую торговую точку ввиду личной материальной заинтересованности (изменение агентского вознаграждения у конкурирующего продавца)</p>
<p>Продавец – агент-посредник – профессиональный агент – покупатель</p>	<p>1. Возможность существенно расширить зону географического влияния, включая зарубежные рынки.</p> <p>2. Возможность выхода на смежные рынки.</p> <p>3. Получение уникальной информации, аккумулируемой агентами-посредниками, например, о возможностях расширения своей зоны влияния.</p> <p>4. Возможность принимать участие в крупных коммуникационных мероприятиях с низкой стоимостью контакта (частичная или полная компенсация ассоциациями затрат, например, оплата выставочного стенда).</p> <p>5. Расширение базы профессиональных агентов, позволяющее максимизировать выгоду от второго типа канала коммуникаций.</p> <p>6. Расширение влияния в профессиональном сообществе (усиление бренда компании-продавца за счет авторитета агента-посредника).</p> <p>7. Использование новых форм коммуникаций, технически недоступных компании-продавцу отделочных материалов.</p> <p>8. Расширение возможностей участия в коллаборационных проектах.</p> <p>9. Легализация отношений на рынке отделочных материалов за счет продвижения системы льготного налогообложения (самозанятые) и других мер поддержки государства.</p> <p>10. Профессиональное сообщество, объединяемое агентом-посредником, позволяет использовать идеи отдельных участников для развития отрасли в целом.</p> <p>11. Возможность использования лоббирования интересов профессионального сообщества как инструмента маркетинговых коммуникаций <i>B2G</i> (например, Комитет по архитектуре, интерьерному дизайну и городской среде Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России»).</p>	<p>1. Сложность организации процесса получения обратной связи от покупателей и профагентов.</p> <p>2. Увеличение содержательной потери в процессе передачи информации от компаний-продавцов за счет предъявления жестких требований к передаваемым сообщениям агентами-посредниками, преследующими свои, зачастую коммерческие, цели.</p> <p>3. Возможность продавцов взаимодействовать с большинством организаций профессионального сообщества осуществляется на коммерческой основе как для продавцов (САДА – 30 000 руб. в месяц, <i>RIDU</i> – 40 000 руб. в год, «Опора России» – 5 000 руб. в год), так и для профагентов (САДА – 5 000 руб. в год). (Данные о членских взносах из открытых источников на момент написания статьи.)</p> <p>4. Чрезмерное влияние факторов, сужающих воронку продаж на ранних этапах коммуникаций (например, информационная рассылка по общей базе дизайнеров различных регионов без учета интересов местных поставщиков).</p> <p>5. Затруднение поиска нужной информации пользователями в широкой многокритериальной базе представляемых агентами-посредниками данных.</p> <p>6. Чрезмерная активность профессиональных сообществ, формирующая негативное отношение не только к отправителю сообщений, но и к продавцу отделочных материалов («спамирование» отправок, «отписка» от каналов в соцсетях и мессенджерах).</p> <p>7. Низкий уровень контроля продавца над коммуникационным каналом передачи информации и над самим сообщением</p>

Окончание табл. 1

The end of Table 1

<i>Тип канала</i>	<i>Возможности</i>	<i>Угрозы</i>
	12. Возможность взаимодействия с потенциальными покупателями отделочных материалов через проведение профильных конкурсов (например, омский проект – Фестиваль идей «Интерьеры улиц»). 13. Коммуникации агентов-посредников часто направлены на обучение профагентов эффективному взаимодействию с продавцами и покупателями на рынке отделочных материалов, что повышает маркетинговую результативность продавца	
Продавец – производитель – профагент – покупатель	1. Целевые маркетинговые бюджеты производителя распределяются между продавцами строительных материалов в соответствии со статусом компании-продавца. 2. Активная поддержка профессиональных мастер-классов, презентаций, воркшопов производителями отделочных материалов с возложением на компанию-продавца затрат только на привлечение слушателей. 3. Активное использование экскурсий на производство как мероприятий по стимулированию сбыта для представителей компаний продавцов и профагентов. 4. Увеличение точек контакта с потенциальным покупателем посредством размещения информации о компании-продавце на официальном сайте производителя	1. Ограничение производителем вариантов использования коммуникационных бюджетов компанией-продавцом. 2. Жесткие сбытовые обязательства перед производителем, открывающие доступ к дополнительным коммуникационным бюджетам. 3. Непредсказуемое изменение ассортимента коммуникационных активностей

Выбор конкретного типа канала передачи маркетинговой информации зависит от типа отделочных материалов, уровня его уникальности, набора и особенностей оказываемых услуг (только продажа, монтаж, различные виды проектного сопровождения), масштаба деятельности компании-продавца. Результаты исследования показали, что наибольшую результативность демонстрирует использование в рамках маркетинговой коммуникационной

политики каналов всех четырех типов. При этом большое значение имеет обоснованный выбор несетевым продавцом конкретных инструментов в рамках канала каждого типа.

При организации воздействия продавца на покупателя отделочных материалов в рамках канала первого типа наибольшую результативность демонстрирует поисковая и контекстная реклама в «Яндекс Директ» (подробнее в табл. 2).

Таблица 2. Значимость инструментов продвижения в коммуникативном канале «продавец – покупатель»

Table 2. The importance of promotion tools in the "Seller-buyer" communication channel

<i>Группа инструментов / инструмент</i>	<i>Влияние на продажи, %</i>
Группы в социальных сетях	12
В том числе:	
– ВКонтакте	1
– Instagram*	4
– Яндекс Дзен	2
– Rutube	1
– YouTube	4

Окончание табл. 2
The end of Table 2

<i>Группа инструментов / инструмент</i>	<i>Влияние на продажи, %</i>
Официальный сайт компании	15
Реклама на радио	4
Наружная реклама	5
ТВ-реклама	12
Реклама в навигационных справочниках (2ГИС, Яндекс-карты)	10
Реклама в «Яндекс Директ»	20
В том числе:	
– поисковая	12
– контекстная	8
Мерчандайзинг	8
Сезонные акции на товары	9
Розыгрыш среди покупателей	5

* Корпорация *Meta*, владеющая *Instagram*, признана в России экстремистской, ее деятельность на территории Российской Федерации запрещена.

Вызывают интерес данные о результативности использования продавцами отделочных материалов *Telegram*-каналов. Только 15 % компаний, учувствовавших в исследовании, используют собственные *Telegram*-каналы более одного года. При этом все компании отметили отсутствие сопоставимого с другими инструментами результата прямого взаимодействия с покупателями через этот канал. Вместе с тем ни одна компания не упомянула использование нативной рекламы в *Telegram*-каналах профессиональных сообществ или отдельных лидеров мнений. Использование данного инструмента для продвижения отделочных материалов несетевыми продавцами не может быть признано

нецелесообразным без дополнительных исследований.

Оценка значимости инструментов в одноуровневом коммуникативном канале «продавец – профессиональный агент – покупатель» представлена в табл. 3. Названные инструменты разрабатывает и реализует непосредственно продавец отделочных материалов в отношении дизайнеров, декораторов, прорабов, строительных компаний и иных агентов, оказывающих услуги по отделочным и ремонтным работам. Наиболее сильно на увеличение продаж влияет система агентских вознаграждений. Максимальный агентский договор среди включенных в исследование компаний составил 20 % от суммы сделки.

Таблица 3. **Значимость инструментов продвижения в коммуникативном канале «продавец – профессиональный агент – покупатель»**

Table 3. **The importance of promotion tools in the communication channel "Seller – professional agent – buyer"**

<i>Группа инструментов / инструмент</i>	<i>Влияние на продажи, %</i>
Семинары	10
Бизнес-завтраки	8
Мастер-классы	8
Воркшопы	8
Презентации новинок	15
В том числе:	
– рассылка	5
– очная презентация	10
Техническое сопровождение проекта (предоставление технической документации, чертежей, развертки узлов по запросу профессиональных агентов)	12
Шеф-монтаж (под руководством специалиста компании-продавца)	5
Конкурсы для профессиональных агентов	4
Агентский договор как инструмент стимулирования сбыта	30

В табл. 4 представлены названные компаниями-продавцами как наиболее результативные инструменты продвижения, разрабатываемые и реализуемые агентами-посредниками в отношении профессиональных агентов. В зависимости от специфики организации деятельности агента-посредника компания-продавец

может принимать самостоятельные решения об участии в конкретных мероприятиях с целью оказания маркетингового воздействия на профессиональных агентов или автоматически упоминаться в рассылках, на сайте и в рамках иных блоков маркетинговых данных.

Т а б л и ц а 4. **Значимость инструментов продвижения в коммуникативном канале «продавец – агент-посредник – профессиональный агент – покупатель»**

Table 4. **The importance of promotion tools in the communication channel "Seller – intermediary agent – professional agent – buyer"**

<i>Группа инструментов / инструмент</i>	<i>Влияние на продажи, %</i>
Выставки (оплата участия)	10
Отраслевые форумы	8
Бизнес-миссии	8
Конкурсы	6
Образовательные интенсивы (онлайн, офлайн)	8
Курсы повышения квалификации	5
Экскурсии на производство	12
Семинары с участием представителей производителей	15
Творческие мастерские	5
Новостная рассылка	3
Эвент-мероприятия	8
Включение продавца в отраслевые каталоги и справочники	4
Реклама на радио и ТВ (оплата агентами-посредниками)	8

Следует отметить специфичность инструментов обратного двухуровневого коммуникационного канала. Представленные в табл. 5 инструменты разрабатываются и реализуются производителем или федеральным сбытовым посредником и обеспечивают повышение результативности маркетинговых коммуникаций, направленных как на конечного покупателя, так и на профессионального агента. Программы

производителей, повышающие компетентность собственного сбытового персонала компании-продавца как в продажах, так и в технологии использования конкретных отделочных материалов, определяют эффективность коммуникативного канала нулевого уровня (продавец-покупатель) и отмечаются как значимые всеми участниками исследования.

Т а б л и ц а 5. **Значимость инструментов продвижения в коммуникативном канале «продавец – производитель – профессиональный агент – покупатель»**

Table 5. **The importance of promotion tools in the communication channel "Seller – manufacturer – professional agent – buyer"**

<i>Группа инструментов / инструмент</i>	<i>Влияние на продажи, %</i>
Корпоративные обучающие программы специалистов сервисных служб (монтажники, установщики)	10
Профессиональные конкурсы	4
Комплексная маркетинговая поддержка (подготовка рекламных материалов, включая макетирование, бесплатные выставочные образцы, каталоги)	15
Продакт-плейсмент (чаще – в строительных ТВ-шоу)	10
Продвижение через блогеров	8
Внесение в реестр сертифицированных специалистов сервисной службы компаний-производителем на своем официальном сайте	6
Грамоты, удостоверение, сертификаты, подтверждающие статус продавца	6

Окончание табл. 5
The end of Table 5

<i>Группа инструментов / инструмент</i>	<i>Влияние на продажи, %</i>
Внесение информации о продавцах (представителях бренда) в раздел «Где купить» на официальном сайте	8
Обучающие порталы только для торгового персонала компаний-продавцов	15
Мероприятия по стимулированию сбыта компаний-продавцов и отдельных менеджеров (премии, призы победителям конкурсов, подарки)	8
Поездки на производство для сотрудников компаний-продавцов	10

Оценка значимости конкретных маркетинговых инструментов в рамках каждого типа коммуникационного канала сопровождалась рядом сложностей. Выбранная технология реализации данного этапа исследования предполагала использование отдельных данных маркетинговой отчетности, предоставляемых компаниями-участниками и оценивающих результативность используемых инструментов маркетинговых коммуникаций. Была выдвинута гипотеза об использовании несетевыми компаниями типовых маркетинговых метрик. Гипотеза не подтвердилась. Только 14 % компаний использовали базовый набор маркетинговых метрик, позволяющих комплексно оценить долгосрочную кумулятивную результативность отдельных инструментов маркетинговых коммуникаций. В результате к обработке были приняты данные, полученные на основе используемой в момент исследования каждой компанией собственной системы оценки влияния маркетинговых коммуникаций на объемы продаж.

5. Заключение. В результате исследования были определены четыре значимых для оптимизации коммуникационного воздействия на покупателей отделочных материалов у несетевых продавцов типа канала. Коммуникационный канал нулевого уровня предполагает самостоятельную разработку и реализацию маркетинговых коммуникаций, направленных напрямую покупателям. Одноуровневый коммуникационный канал предполагает использование профессиональных агентов для передачи маркетинговой информации и при-

дания ей большей «компетентностной окраски». Прямой двухуровневый коммуникационный канал позволяет обеспечить доступ к расширенной категории профессиональных агентов, а обратный двухуровневый канал позволяет использовать бюджет и знания производителей в совершенствовании технологии персональных продаж как инструмента маркетинговых коммуникаций. Для операционализации процесса планирования маркетинговых коммуникаций были определены возможности и угрозы использования каждого из четырех типов выделенных коммуникационных каналов. Для обоснованной концентрации ограниченных маркетинговых бюджетов несетевых компаний, реализующих отделочные материалы, были сформированы ранжированные по степени влияния на продажи наборы конкретных инструментов маркетинговых коммуникаций. В рамках исследования была выявлена проблема организации системы маркетингового учета на несетевых предприятиях рынка отделочных материалов. Решению данной проблемы в части разработки базового набора метрик, позволяющих комплексно оценивать результативность маркетинговых коммуникаций в различных каналах, будут посвящены наши дальнейшие исследования.

Примечание

¹ В рейтинг крупнейших DIY-ритейлеров России ворвался новый игрок // Ритейлеру и поставщику. 2021. 31 марта. URL: <https://www.retail.ru/news/v-reyting-krupneyshikh-diy-riteylerov-rossii-vorvalsya-novyy-igrok-30-marta-2021-203191>.

Литература

1. Зундэ В. В. Концептуальная модель становления системы интегрированных маркетинговых коммуникаций российских компаний : моногр. – Ростов н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2009. – 272 с.
2. Schultz D. E., Tannenbaum S. I., Lauterborn R. F. Integrated Marketing Communications: Putting It Together & Making It Work. – Lincolnwood : NTC Business Books, 1993. – 218 p.
3. Смит П., Бэрри К., Пулфорд А. Коммуникации стратегического маркетинга. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 415 с.

4. Duncan T., Caywood C. The Concept, Process, and Evolution of Integrated Marketing Communication // *Integrated Communication. Synergy of Persuasive Voices* / Ed. by E. Thorson, J. Moore. – Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates, 1996. – P. 13–34.
5. Wu L., Danko Y., Chen F., Yao X., Zhang F. Mapping the literature of integrated marketing communications: A scientometric analysis using CiteSpace // *Innovative Marketing*. – 2022. – Vol. 18, iss. 1. – P. 152–167. – DOI: 10.21511/im.18(1).2022.13.
6. Elrod J., Fortenberry J. L. Jr. Integrated marketing communications: a strategic priority in health and medicine // *BMC Health Services Research*. – 2020. – Vol. 20. – Art. 825. – DOI: 10.1186/s12913-020-05606-7.
7. Laurie S., Mortimer K. How to achieve true integration: the impact of integrated marketing communication on the client/agency relationship // *Journal of Marketing Management*. – 2019. – Vol. 35, iss. 3/4. – P. 31–52. – DOI: 10.1080/0267257X.2019.1576755.
8. Juska J. M. *Integrated marketing communication: advertising and promotion in a digital world*. – 2nd ed. – New York : Routledge, 2021. – 330 p. – DOI: 10.4324/9780367443382.
9. Luxton S., Reid M., Mavondo F. Integrated marketing communication capability and brand performance // *Journal of Advertising*. – 2015. – Vol. 44, iss. 1. – P. 37–46. – DOI: 10.1080/00913367.2014.934938.
10. Tamulienė V., Rašimaitė A., Tunčikienė Ž. Integrated marketing communications as a tool for building strong retail chain brand loyalty: case of Lithuania // *Innovative Marketing*. – 2020. – Vol. 16, iss. 4. – P. 37–47. – DOI: 10.21511/im.16(4).2020.04.
11. Brobbey E. E., Ankrah E., Kankam Ph. K. The role of artificial intelligence in integrated marketing communications: A case study of Jumia Online Ghana // *Inkanyiso*. – 2021 – Vol. 13, no. 1. – Art. 21. – DOI: 10.4102/ink.v13i1.21.
12. Блохин Б. Н., Галактионов А. А. *Отделочные материалы и работы*. – М. : Госстройиздат, 1962. – 275 с.

References

1. Zunde V.V. *Kontseptual'naya model' stanovleniya sistemy integrirovannykh marketingovykh kommunikatsii rossiiskikh kompanii* [The conceptual model of the formation of the integrated marketing communications system of Russian companies], Monograph, Rostov-on-Don, Southern Federal University publ., 2009. 272 p. (in Russian).
2. Schultz D.E., Tannenbaum S.I., Lauterborn R.F. *Integrated Marketing Communications: Putting It Together & Making It Work*. Lincolnwood, NTC Business Books, 1993. 218 p.
3. Smith P., Berry Ch., Pulford A. *Strategic Marketing Communications*, 2nd ed. Kogan Page, 1999. 300 p.
4. Duncan T., Caywood C. The Concept, Process, and Evolution of Integrated Marketing Communication, in: Thorson E., Moore J. (eds.). *Integrated Communication. Synergy of Persuasive Voices*, Mahwah, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, 1996, pp. 13-34.
5. Wu L., Danko Y., Chen F., Yao X., Zhang F. Mapping the literature of integrated marketing communications: A scientometric analysis using CiteSpace. *Innovative Marketing*, 2022, Vol. 18, iss. 1, pp. 152-167. DOI: 10.21511/im.18(1).2022.13.
6. Elrod J., Fortenberry J.L. Jr. Integrated marketing communications: a strategic priority in health and medicine. *BMC Health Services Research*, 2020, Vol. 20, art. 825. DOI: 10.1186/s12913-020-05606-7.
7. Laurie S., Mortimer K. How to achieve true integration: the impact of integrated marketing communication on the client/agency relationship. *Journal of Marketing Management*, 2019, Vol. 35, iss. 3/4, pp. 31-52. DOI: 10.1080/0267257X.2019.1576755.
8. Juska J.M. *Integrated marketing communication: advertising and promotion in a digital world*, 2nd ed. New York, Routledge publ., 2021. 330 p. DOI: 10.4324/9780367443382.
9. Luxton S., Reid M., Mavondo F. Integrated marketing communication capability and brand performance. *Journal of Advertising*, 2015, Vol. 44, iss. 1, pp. 37-46. DOI: 10.1080/00913367.2014.934938.
10. Tamulienė V., Rašimaitė A., Tunčikienė Ž. Integrated marketing communications as a tool for building strong retail chain brand loyalty: case of Lithuania. *Innovative Marketing*, 2020, Vol. 16, iss. 4, pp. 37-47. DOI: 10.21511/im.16(4).2020.04.

11. Brobbey E.E., Ankrah E., Kankam Ph.K. The role of artificial intelligence in integrated marketing communications: A case study of Jumia Online Ghana. *Inkanyiso*, 2021, Vol. 13, no. 1, art. 21. DOI: 10.4102/ink.v13i1.21.

12. Blokhin B.N., Galaktionov A.A. *Otdelochnye materialy i raboty* [Finishing materials and works]. Moscow, Gosstroizdat publ., 1962. 275 p. (in Russian).

Сведения об авторах

Чернобаева Гульнара Ефимовна – канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга
Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: ch_g@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0930-6706
РИНЦ AuthorID: 472696

Быкова Раиса Григорьевна – канд. экон. наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга
Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: bykova@meandr.group
SPIN-код РИНЦ: 2824-3379, AuthorID: 1230202

Вклад авторов

Чернобаева Г.Е. – разработка методики исследования, сбор и анализ данных, проверка результатов исследования, визуализация и представление данных.
Быкова Р.Г. – разработка методики исследования, сбор и анализ данных, проверка результатов исследования.

Для цитирования

Чернобаева Г. Е., Быкова Р. Г. Использование разноуровневых маркетинговых коммуникаций несетевыми продавцами отделочных материалов // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 70–80. – DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).70-80.

About the authors

Gulnara E. Chernobaeva – PhD in Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Marketing
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: ch_g@bk.ru
ORCID: 0000-0002-0930-6706
RSCI AuthorID: 472696

Raisa G. Bykova – PhD in Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Management and Marketing
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: bykova@meandr.group
RSCI SPIN-code: 2824-3379, AuthorID: 1230202

Authors' contributions

Chernobaeva G.E. – development of research methodology, data collection and analysis, verification of research results, visualization and presentation of data.
Bykova R.G. – development of research methodology, data collection and analysis, verification of research results.

For citations

Chernobaeva G.E., Bykova R.G. The use of multi-level marketing communications by non-network sellers of finishing materials. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2024, Vol. 22, no. 1, pp. 70-80. DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).70-80. (in Russian).

УДК 332.1

JEL: R58

DOI 10.24147/1812-3988.2024.22(1).81-89

РАЗРАБОТКА МЕРОПРИЯТИЙ ПО РАЗВИТИЮ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ НА РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКАХ

А.Г. Бреусова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления

17 ноября 2023 г.

Дата принятия в печать

15 декабря 2023 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Аннотация. В статье представлены мероприятия по развитию конкурентной среды на региональных рынках в зависимости от оценки конечными потребителями уровня конкуренции. Текущей практикой органов власти в сфере развития конкурентной среды является использование ежегодного мониторинга состояния и развития конкурентной среды на рынках товаров, работ, услуг региона. Такой подход позволяет провести оценку действий органов власти на рынках региона в отношении общего самочувствия производителей товаров и услуг (барьеры входа, информационная политика, доступность ресурсов и поддержки) и проанализировать итоговые результаты, выраженные в числе компаний рынка и оценкой потребителями качества продукции и состояния ценовой конкуренции. Но при принятии решений относительно направлений развития конкуренции нам необходимо понимание итогового результата действий органов власти с позиции интересов потребителя, так как конечной целью развития конкуренции на потребительском рынке является полное удовлетворение потребностей населения. Так, конкуренция, в конечном счете, должна развиваться исходя из потребностей конечных потребителей, которые заинтересованы в значительном количестве игроков на любом рынке, что будет способствовать снижению цен на товары и услуги, расширению ассортимента и повышению качества продукции. В связи с чем результирующая оценка конкурентной среды должна быть основана на самочувствии потребителя, которое складывается из индикатора восприятия соперничества компаний потребителями (ассортимент, качество, цена) и индикатора восприятия тенденций спроса потребителями (доход, готовность к замещению, информированность). Результатами исследования стали разработанные мероприятия по развитию конкуренции на региональных рынках в зависимости от оценки уровня конкуренции. Разработанный подход позволяет не только определить перечень типовых действий по развитию конкуренции на конкретном рынке, но и охарактеризовать тип конкуренции на основе предлагаемой качественной оценки. Практическая значимость заключается в использовании данных результатов в дальнейших исследованиях для проектирования общей модели мониторинга развития конкуренции на региональных рынках.

Ключевые слова

Конкуренция, конкурентная среда, рынки, мероприятия по развитию конкуренции

DEVELOPMENT OF MEASURES TO CREATE A COMPETITIVE ENVIRONMENT IN THE REGIONAL MARKET

A.G. Breusova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Article info

Received

November 17, 2023

Accepted

December 15, 2023

Type paper

Research paper

Abstract. The article discusses measures to create a competitive market environment in regional areas, based on end-consumer perceptions of the market. To date, governments in this field have relied on annual monitoring to assess and develop the competitive environment for goods, services, and work in the region's markets. This approach allows governments to evaluate their actions in relation to overall producer well-being (barriers to entry, information policies, access to resources, and support), as well as analyze the resulting outcomes in terms of the number of companies active in the market and consumer's perceptions of product quality and price competitiveness. However, when making decisions regarding the direction of competition development, it is important to consider the final outcome of government actions in terms of consumer interests. The ultimate goal of competition in the consumer market should be to fully satisfy the needs of consumers. Therefore, it is essential to develop a com-

Keywords

Competition, competitive environment, markets, measures for the development of competition

petition that is based on the needs of final consumers, who are interested in a large number of participants in any market. This will help to reduce prices for goods and services, increase the range, and improve product quality. In this regard, the resulting evaluation of the competitive landscape should be based on the well-being of consumers, which is measured by an indicator of the consumer's perception of competition among companies (variety, quality, and price) and an indicator of their perception of demand trends (income, desire to switch, and awareness). Based on the results of this study, measures were developed to promote competition in regional markets, depending on the evaluation of the level of competition. The proposed approach allows not only to identify the range of typical activities for developing competition in a specific market, but also to categorize the type of competition based on a qualitative evaluation. The practical significance of this research lies in its potential use in further research in designing a general model for monitoring competition development in regional markets.

1. Введение. В современных условиях перед регионами поставлена задача повышения конкуренции на региональном рынке. Конкуренция как механизм развития рынка позволяет создавать более комфортные условия для населения и бизнеса и стимулировать производителей внедрять научно-технические инновации с целью снижения издержек и улучшения качества продукции. Развитие конкуренции является федеральной установкой и входит в несколько государственных программ Омской области, а именно: «Экономическое развитие Омской области» (ответственный исполнитель – Министерство экономики Омской области), «Развитие промышленности и научно-технической деятельности в Омской области» (ответственный исполнитель – Министерство промышленности и научно-технического развития Омской области), «Развитие и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Омской области» (ответственный исполнитель – Министерство сельского хозяйства и продовольствия Омской области), «Развитие образования», «Развитие здравоохранения», рассчитанные на 3 года. Ежегодное проведение мониторинга состояния и развития конкурентной среды на социально значимых и приоритетных рынках является основой для принятия решений и внесения корректировок в государственные программы региона для выполнения стандарта развития конкуренции и задач Правительства РФ. Действия по разработке направлений развития конкуренции могут быть стандартизованы через формирование рекомендаций. Разработка рекомендаций позволяет в рамках государственного регулирования развития конкуренции определить перечень действий со стороны органов власти региона в зависимости от результатов оценки и внести соответствующие мероприятия в государственные программы.

2. Обзор литературы. Работ, посвященных анализу категории «конкуренция», достаточно в экономических исследованиях. Так, категория исследуется многими авторами, среди которых можно отметить М. Портера и Р. Фатхутдинова, внесших значимый вклад в развитие методологических положений конкуренции [1; 2]. С точки зрения целевых ориентиров конкуренция – это механизм развития предприятий, экономики страны и регионов и удовлетворения потребностей населения в товарах и услугах [2; 3, с. 126]. Чаще всего для описания механизма используется термин «соперничество» [2, с. 74; 3, с. 126; 4], что, на наш взгляд, наиболее точно отражает характер взаимодействия между субъектами рынка. Этот подход отражен и в нормативно-правовой базе: конкуренция – «соперничество хозяйствующих субъектов... при котором только в одностороннем порядке компания не может воздействовать на общие условия обращения товаров на соответствующем товарном рынке»¹. Но в данном определении конкуренция рассматривается несколько ограниченно, так как речь идет, главным образом, о производителях продукции. Практика показывает, что конкуренцию стоит понимать шире – как процесс взаимодействия субъектов рынка по поводу создания, сбыта и потребления материальных и духовных благ. С точки зрения М. Портера, для развития конкуренции очень важен взыскательный потребитель, который задает требования к продукту [1]. Важную роль играют и органы власти, регулируя и администрируя экономические процессы рынка [1; 2, с. 84]. Аналогичной позиции придерживаются и другие исследователи [4–6]. В итоге формируются условия конкуренции, которые и определяют характеристики конкурентной среды региона. Конкурентная среда измеряется через параметры. Исследователи подчеркивают, что

конкуренция тем выше, чем большее число предприятий претендует на существующие рыночные возможности и чем большее население территории [7, с. 28; 8; 9, с. 8]. Уровень конкуренции в регионе связан с числом компаний, условиями для развития компаний и производств (барьеры входа на рынок, правила регулирования процессов, информированность производителей, поведение монополистов), поведением потребителя (доходы потребителя, информированность, цены на товары, ассортимент). Можно выделить и социальную функцию конкуренции – влияние на качество жизни через доступность и выбор продуктов, услуг конечным потребителем. Рассматривая подходы к конкуренции и конкурентной среде, можно отметить их взаимосвязь. Конкуренция является элементом рыночного механизма, проявляется в непрерывном соперничестве компаний, зависит от норм регулирования и территориальных условий, создаваемых органами власти, поведения конечных потребителей, т. е. от состояния конкурентной среды в регионе.

Сложность и многоаспектность содержания конкуренции приводит к разным подходам в ее оценке. Как правило, содержание оценки зависит от интересов субъекта оценки. Так, предприятия оценивают уровень конкуренции исходя из доли рынка компании, доли отрасли в ВРП, числа фирм, влияния потребителей, конкурентов, поставщиков и показателей уровня концентрации (коэффициент рыночной концентрации Херфиндаля–Хиршмана) [9–11]. Интересен подход Т.А. Завьяловой, которая предлагает проводить оценку для решения вопроса анализа конкурентоспособности экономики, основанной на возможности предсказания свойств той экономики, которая будет конкурентоспособна. Такой анализ предлагается проводить по факторам (ресурсные, внутренние, внешние и институциональные) на уровне страны [12]. Глубокий анализ подходов и методов оценки конкуренции проведен в работах Т.А. Радченко и К.А. Сухоруковой, которые отмечают, что оценка конкуренции содержит показатели трех групп, подлежащих анализу: показатели структуры рынка (доли и размеры компаний), показатели поведения (барьеры входа на рынок для новых участников) и показатели результата (цены и объем продаж на рынке, финансовые результаты деятельности компаний) [13]. Ежегодный мониторинг², про-

водимый регионами, предполагает определение состояния и развития конкурентной среды на рынках товаров, работ, услуг региона³. Так, органы власти оценивают барьеры входа на рынок, информированность производителей и исследуют удовлетворение населения качеством товаров и услуг, ценовой конкуренцией. Отдельным направлением оценки является анализ ожидаемых результатов, выраженных числом компаний, присутствующих на конкретном рынке, их динамикой, показателями дорожных карт по развитию конкуренции. С.В. Перфильев с соавторами в развитии общего подхода, предложенного Минэкономразвития, предлагают балльную оценку параметров и в зависимости от балльной оценки (от 1 до 3 баллов) ранжируют рынки региона (рынок с развитой конкуренцией, неразвитой конкуренцией, недостаточно развитой конкуренцией) [14]. Достоинством подхода является попытка определить интегральный общий показатель, но возникают вопросы относительно шкалы и ее интерпретации при переходе между уровнями конкуренции, и расчет итогового показателя с весом 0,65 условий развития и 0,35 конечных эффектов. Получив итоговую оценку, достаточно сложно разрабатывать рекомендации для повышения уровня конкуренции. Таким образом, оценка конкурентной среды находится на стадии формирования и научного обсуждения:

– в большей части используемых методик нет завершающей оценки конкурентной среды, связанной с определенными направлениями регулирования;

– конечные эффекты / результаты развития конкуренции размыты и трактуются в зависимости от целей оценки.

Оценка конкурентной среды важна с точки зрения принятия решений и разработки мероприятий органами власти исходя из цели максимально полного удовлетворения потребностей населения в товарах и услугах. При этом необходимо по результатам оценки получить как оценку уровня конкуренции для определения общей динамики развития процесса во времени, так и в зависимости от результатов оценки иметь возможность выбирать действия.

3. Гипотезы и методы исследования. *Гипотеза исследования* состоит в том, что текущая практика оценки конкурентной среды на региональных рынках ориентирована на фиксацию сложившейся ситуации, не позволяет определить тип сложившейся среды на кон-

кретном рынке, оценить динамику уровня конкуренции во временном аспекте. Ориентация регионального управления на повышение уровня и качества жизни населения на основе комплексного развития предполагает конечной целью конкуренции удовлетворение потребностей населения. В связи с чем результирующая оценка конкурентной среды должна быть основана на самочувствии потребителя, которое складывается из индикатора восприятия соперничества компаний потребителями (ассортимент, качество, цена) и индикатора восприятия тенденций спроса потребителями (доход, готовность к замещению, информированность).

Методы исследования: анализ документов, метод систематизации, индукции, дедукции и моделирования.

4. Результаты исследования. Предполагается, что мероприятия по развитию конкурентной среды должны быть основаны на системе оценки с единым перечнем оцениваемых параметров для разных типов региональных рынков. Поставленная задача требует системной основы и оценки динамики изменений для понимания влияния принятых решений на

приоритетные и социально значимые рынки региона. Оценка принятых решений в сфере конкуренции отражается на потребителе и его восприятии ситуации на рынке. Мы исходим из того, что целью развития конкуренции на потребительском рынке является полное удовлетворение потребностей населения и конкуренция должна развиваться исходя из потребностей конечных потребителей. Универсальный характер системы поддержки позволит сохранить единообразный подход к разработке мероприятий по повышению конкуренции в регионе. Типовые мероприятия могут быть доработаны с учетом особенностей региона.

При этом важно понимать, что изменение конкурентной среды – результат решений, принимаемых как производителями при определении поведения на рынке, так и потребителями при выборе товаров и услуг. В связи с чем в основу разработки матрицы стратегий положим две группы факторов: оценка потребителями тенденций спроса и оценка потребителями тенденций предложения или соперничества компаний. Обозначим оценочные шкалы данных параметров (табл. 1).

Таблица 1. Базовые параметры оценки для построения стратегий развития конкурентной среды на приоритетных рынках региона

Table 1. Basic assessment parameters for building strategies for the development of a competitive environment in the priority markets of the region

<i>Параметры</i>	<i>Оценка</i>	<i>Измерение</i>
Спрос	Тенденции спроса	Ухудшают конкуренцию
		Улучшают конкуренцию
Предложение	Соперничество компаний	Позитивно влияет на конкуренцию
		Негативно влияет на конкуренцию

Сочетание предлагаемых параметров и будет определять требуемые действия со стороны органов власти в целях улучшения конкурентной среды на рынках региона. Возможные сочетания предлагаемых параметров позволяют построить политики развития конкуренции на рынках региона.

В связи с чем предлагаем использовать два индикатора оценки конкурентной среды, пересечение которых и дает качественную оценку уровня развития конкуренции в регионе и типологию политик. Индикаторы являются субъективными, сформированы исходя из необходимости достижения конечной цели развития конкуренции, заключающейся в полном удовлетворении потребностей населения в товарах и услугах, и определены на основе опроса:

1) индикатор восприятия соперничества компаний потребителями (ассортимент, качество, цена);

2) индикатор восприятия тенденций спроса потребителями (доход, готовность к замещению, информированность) (табл. 2).

Построим матрицу оценки развития конкуренции для разработки рекомендаций и качественной оценки уровня конкуренции, что отображено в табл. 3.

Предлагаемая матрица оценки уровня развития конкуренции в регионе является типовой для любого рынка. Базовый перечень предлагаемых мероприятий будет соответствовать определенному квадранту матрицы и, соответственно, определенному типу развития конкуренции.

Таблица 2. Интерпретация восприятия потребителями тенденций спроса и предложения

Table 2. Interpreting consumer perceptions of supply and demand trends

Параметр	Индикатор	Интерпретация	Описание
Спрос	Индикатор восприятия тенденций спроса потребителями	Ухудшают конкуренцию	1. Потребители не информированы о продукции и ее свойствах. 2. Издержки переключения велики. 3. Общий объем покупок снижается. Покупка товара зависит от потребления других товаров
		Улучшают конкуренцию	1. Потребители информированы о продукции и ее свойствах. 2. Издержки переключения не велики. 3. Общий объем покупок повышается. Покупка товара не зависит от потребления других товаров
Предложение	Индикатор восприятия соперничества компаний потребителями	Позитивно влияет на конкуренцию	1. Снижение цены. 2. Повышение качества. 3. Расширение ассортимента. 4. Расширение выбора за счет увеличения производителей
		Негативно влияет на конкуренцию	1. Повышение цены. 2. Снижение качества. 3. Снижение ассортимента и выбора

Таблица 3. Оценка уровня развития конкуренции

Table 3. Assessment of the level of competition development

Тенденции спроса	Тенденции предложения: соперничество компаний	
	Позитивно влияет на конкуренцию	Негативно влияет на конкуренцию
Ухудшают конкуренцию	Квадрант 1	Квадрант 3
	Средний уровень развития конкуренции	Весьма низкий уровень развития конкуренции
Улучшают конкуренцию	Квадрант 2	Квадрант 4
	Высокий уровень развития конкуренции	Низкий уровень развития конкуренции

Опишем квадранты матрицы оценки уровня развития конкуренции.

Квадрант 1. Состояние конкурентной среды рынка характеризуется средним уровнем развития конкуренции. Поведение компаний на рынке позитивно влияет на конкуренцию независимо от поведения потребителей, а это означает, что расширяется выбор товаров и услуг для конечных потребителей, увеличивается число производителей, минимизируются барьеры входа на рынок, улучшается качество товаров и услуг и снижаются цены. Но такое состояние конкретного типа рынка, по нашему мнению, является самым нестабильным и требует внимания органов власти с помощью поддержки спроса. Негативное влияние поведения потребителей в перспективе может привести к уходу с рынка компаний, снижению качества товаров и услуг, повышению цен, а следовательно, и снижению конку-

рентной среды на данном рынке. Так, для рынка квадранта 1 наиболее вероятен переход в квадрант 3, что связано с сохранением негативных тенденций спроса и их отражением на поведении производителей.

Рекомендации:

- осуществление поддержки спроса через повышение информированности потребителей о продукции, услугах и их свойствах;

- сохранение положительной динамики поведения производителей через продвижение продукции и услуг в рамках межрегиональной торговли и туризма;

- сохранение положительной динамики поведения потребителей через поддержку дохода (данное направление корректировки является одним из самых сложных для реализации органами власти и зависит от бюджетной обеспеченности территории – поддержка предполагает социальную помощь социально уязви-

мым группам населения через социальные выплаты и пособия, через создание условий занятости для данных групп населения; возможно расширение государственных и муниципальных услуг через выдачу карт (сертификатов) на определенную сумму, с возможностью покупки отдельных товаров, работ, услуг);

– формирование потребительской культуры в регионе.

Квадрант 2. Состояние конкурентной среды рынка характеризуется высоким уровнем развития конкуренции. И потребители, и производители позитивно влияют на конкуренцию. При такой оценке потребители хорошо информированы о продукции и ее свойствах, издержки потребителей при переключении на другие виды продукции (услуг) не велики, на рынке представлен широкий ассортимент продукции, услуг. Поведение производителей ориентировано на повышение качества продукции и услуг, снижение цен и расширение ассортимента продукции и услуг.

Рекомендации:

– сохранение положительной динамики поведения производителей через продвижение продукции и услуг в рамках межрегиональной торговли и туризма;

– сохранение положительной динамики поведения потребителей через развитие потребительской культуры населения и создание условий для получения официальной информации о состоянии конкурентной среды на рынках товаров, работ и услуг, качестве продукции и деятельности по содействию развитию конкуренции, размещаемой в открытом доступе.

Квадрант 3. Состояние конкурентной среды рынка, находящегося в квадранте 3 матрицы, можно оценить как весьма низкий уровень конкуренции. Это означает отсутствие разнообразия товаров и услуг на рынках, снижение качества, повышение цен, снижение количества компаний, отсутствие у потребителей полной информации относительно оценки качества продукции и услуг. Для производителей могут существовать барьеры входа на рынок, либо ситуация рынка характеризуется как монополия.

Рекомендации:

– формирование положительной динамики поведения производителей (снижение барьеров

входа на рынок, содействие развитию малого и среднего предпринимательства на соответствующем рынке, развитие грантовой поддержки, усиление требований к соответствию продукции и услуг стандартам, обеспечение открытости и прозрачности государственных и муниципальных закупок);

– формирование положительной динамики поведения потребителей (создание условий для информированности населения о качестве продукции и его параметрах, обеспечение доступности информации о состоянии конкурентной среды, размещаемой в свободном доступе).

Квадрант 4. Состояние конкурентной среды рынка квадранта 4 описывается как низкий уровень развития конкуренции. Спецификой данного состояния является положительное влияние на конкуренцию поведения потребителей и негативное влияние соперничества компаний. Такая оценка конкурентной среды связана, по нашему мнению, с высокой осведомленностью потребителей о качестве продукции и ассортименте продукции и услуг. Но количество производителей на рынке небольшое, что позволяет диктовать ассортиментный ряд и цену покупателям. Последняя тенденция может быть связана как с монополистическим характером рынка, так и с ограничениями входа на рынок.

Рекомендации:

– формирование положительной динамики поведения производителей (снижение барьеров входа на рынок, содействие развитию малого и среднего предпринимательства на соответствующем рынке, развитие грантовой поддержки, усиление требований к соответствию продукции и услуг требованиям стандартов, обеспечение открытости и прозрачности системы государственных и муниципальных закупок);

– сохранение положительной динамики поведения потребителей (развитие защиты прав потребителей, потребительской культуры населения).

Таким образом, можно сформировать и типы политики в зависимости от качественной оценки конкурентной среды на рынке (табл. 4).

Таблица 4. Виды политики развития конкуренции на рынке конкретного типа
Table 4. Types of policies for the development of competition in a particular type of market

Тенденции спроса (потребитель)	Тенденции предложения: соперничество компаний	
	Позитивно влияет на конкуренцию	Негативно влияет на конкуренцию
Ухудшают конкуренцию	<i>Квadrant 1</i> Политика развития потребительской культуры	<i>Квadrant 3</i> Политика создания условий развития конкуренции
Улучшают конкуренцию	<i>Квadrant 2</i> Поддерживающая политика	<i>Квadrant 4</i> Политика по развитию бизнеса

Таким образом, квадранту 1 (средний уровень развития конкуренции) соответствует политика развития потребительской культуры. Квадранту 2 (высокий уровень развития конкуренции) – поддерживающая политика, целью которой является сохранение и развитие сформированных условий конкуренции, направленных на повышение качества товаров, работ, услуг. Политику создания условий развития конкуренции можно предложить для квадранта 3, поскольку на текущий момент поведение и потребителей, и производителей негативно влияет на состояние конкуренции, а это значит, что снижается выбор и разнообразие товаров и услуг, качество и число производителей. Систему действий, требуемую для решения проблем квадранта 4, можно сформулировать как политику по развитию бизнеса с целью увеличения, прежде всего, числа хозяйствующих субъектов на конкретном типе рынка.

5. Заключение. Повышение уровня развития конкуренции – одно из важных направлений, обеспечивающих экономическую безопасность региона и удовлетворение потребностей населения в товарах и услугах. Предло-

женный подход к оценке конкуренции позволит провести качественную оценку конкурентной среды и в зависимости от типа уровня развития конкуренции предложить базовый набор мероприятий. Также такой подход позволяет проводить оценку развития конкуренции в динамике, что дает возможность определить эффективность реализуемых мероприятий. Использование результатов оценки позволяет выделить те рынки, которым необходимо уделить большее внимание.

Примечания

¹ Пункт 7 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

² См. приказы Минэкономразвития России от 17 октября 2019 г. № 670 «Об утверждении Методики оценки эффективности исполнительной власти субъектов РФ по внедрению стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 13 мая 2021 г.) и от 11 марта 2020 г. № 130 «Об утверждении единой методики мониторинга состояния и развития конкуренции на товарных рынках субъекта Российской Федерации».

³ Доклад состояние и развитие конкуренции на товарных рынках Омской области. URL: <https://plan.fas.gov.ru/media/ckeditor/uploads/2023/06/13/32430273.pdf>.

Литература

1. *Портер М.* Международная конкуренция: конкретные преимущества стран. – М. : Международные отношения, 1993. – 896 с.
2. *Фатхутдинов Р. А.* Концепция новой теории управления конкурентоспособностью и конкуренцией // Современная конкуренция. – 2007. – № 1. – С. 73–86.
3. *Харламов В. И.* О многоаспектности трактовки категории «конкуренция» // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2005. – № 5. – С. 125–129.
4. *Баженов Ю. В.* Методологические аспекты к представлению сущности понятия «конкуренция» // Тенденции развития науки и образования. – 2017. – № 22-2. – DOI: 10.18411/lj-31-01-2017-2-02.
5. *Мокронос А. Г., Маврина И. Н.* Конкуренция и конкурентоспособность : учеб. пособие. – Екатеринбург : Изд-во Ур. гос. ун-та, 2014. – 194 с.
6. *Ермолов М. Г., Набиев Р. А.* Теоретические аспекты понятия «Конкуренция» // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2014. – Вып. 4. – С. 37–40.
7. *Шкардун В. Д.* Маркетинговые основы стратегического планирования: теория, методология, практика : моногр. – М. : Дело, 2005. – 376 с.

8. Богомолова И. В., Машенцова Л. С. Развитие методики оценки конкурентоспособности городов по количественным и качественным параметрам // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3, Экономика. Экология. – 2015. – № 3. – С. 20–26. – DOI: 10.15688/jvolsu3.2015.3.2.
9. Груничев А. С., Исламова Д. М. Инструменты анализа и оценки состояния конкурентной среды // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2017. – № 6 (108). – С. 7–12.
10. Гринева Н. А. Методика оценки конкурентоспособности региональной экономики // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – № 13, вып. 15/1. – С. 15–22.
11. Шкардун В. Д., Ахтямов Т. М. Методика исследования конкуренции на рынке // Маркетинг в России и за рубежом. – 2000. – № 4. – С. 44–54.
12. Завьялова Т. А. Конкурентоспособность экономики: от оценки к методике // Креативная экономика. – 2011. – № 9. – С. 10–15.
13. Радченко Т. А., Сухорукова К. А. Оценка уровня конкуренции и состояния конкурентной среды: обзор методов и результаты опросов 2014–2016 // Современная конкуренция. – 2016. – Т. 10, № 5 (59). – С. 28–46.
14. Перфильев С. В., Горбова О. Ю., Кузнецова О. И., Бычкова Н. А. Разработка методики оценки состояния конкуренции на региональных рынках // Научный результат. Экономические исследования. – 2016. – Т. 2, № 4. – С. 32–37.

References

1. Porter M.E. *The competitive advantage of nations*. New York, Free Press, 1990. xx + 855 p.
2. Fatkhutdinov R. Competitiveness and competition management: the new theory concept. *Journal of modern competition*, 2007, no. 1, pp. 73-86. (in Russian).
3. Kharlamov V.I. On the multidimensional interpretation of the category "competition". *Herald Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, 2005, no. 5, pp. 125-129. (in Russian).
4. Bazhenov Yu.V. Metodologicheskie aspekty k predstavleniyu sushchnosti ponyatiya «konkurentsia» [Methodological aspects to the presentation of the essence of the concept of "competition"]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2017, no. 22-2. DOI: 10.18411/lj-31-01-2017-2-02. (in Russian).
5. Mokronosov A.G., Mavrina I.N. *Konkurentsia i konkurentosposobnost'* [Competition and competitiveness], Teaching aid. Yekaterinburg, Ural State University publ., 2014. 194 p. (in Russian).
6. Ermolov M.G., Nabiev R.A. Theoretical aspects of the notion "competition". *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, 2014, no. 4, pp. 37-40. (in Russian).
7. Shkardun V.D. *Marketingovye osnovy strategicheskogo planirovaniya: teoriya, metodologiya, praktika* [Marketing fundamentals of strategic planning: theory, methodology, practice], Monograph. Moscow, Delo publ., 2005. 376 p. (in Russian).
8. Bogomolova I.V., Mashentsova L.S. The technique of assessing the cities' competitiveness by means of quantitative and qualitative parameters. *Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System*, 2015, no. 3, pp. 20-26. DOI: 10.15688/jvolsu3.2015.3.2. (in Russian).
9. Grunichev A.S., Islamova D.M. Tools of analysis and estimation of the state of the competitive environment. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta*, 2017, no. 6 (108), pp. 7-12. (in Russian).
10. Grineva N. Estimation procedure of regional competitiveness. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*, 2010, no. 13, iss. 15/1, pp. 15-22. (in Russian).
11. Shkardun V.D., Akhtyamov T.M. Metodika issledovaniya konkurentsii na rynke [Methods of study of competition in the market]. *Marketing in Russia and abroad*, 2000, no. 4, pp. 44-54. (in Russian).
12. Zavjalova T.A. Competitiveness of economy: from assessment to methods. *Creative Economy*, 2011, no. 9, pp. 10-15. (in Russian).

13. Radchenko T., Sukhorukova K. Assessment of competition level and competition environment: a review of methods and survey results in 2014-2016. *Journal of Modern Competition*, 2016, Vol. 10, no. 5 (59), pp. 28-46. (in Russian).

14. Perfilov S.V., Gorbova O.Yu., Kuznetsova O.I., Bychkova N.A. Development of procedures for competition assessment in regional markets. *Research result. Economic Research*, 2016, Vol. 2, no. 4, pp. 32-37. (in Russian).

Сведения об авторе

Бреусова Анна Георгиевна – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры региональной экономики и управления территориями

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: annabreusova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2859-8799

Web of Science ResearcherID: Q-3507-2018

РИНЦ AuthorID: 280230

About the author

Anna G. Breusova – PhD in Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of the Regional Economics and Management of the Territories

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: annabreusova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2859-8799

Web of Science ResearcherID: Q-3507-2018

RSCI AuthorID: 280230

Для цитирования

Бреусова А. Г. Разработка мероприятий по развитию конкурентной среды на региональных рынках // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 81–89. – DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).81-89.

For citations

Breusova A.G. Development of measures to create a competitive environment in the regional market. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2024, Vol. 22, no. 1, pp. 81-89. DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).81-89. (in Russian).

УДК 332.14
JEL: J11, J21
DOI 10.24147/1812-3988.2024.22(1).90-98

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА CHILDFREE И ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

О.В. Гокова

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
17 ноября 2023 г.

Дата принятия в печать
20 декабря 2023 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Ключевые слова

Демографическая политика,
повышение рождаемости,
childfree, традиционные семей-
ные ценности, студенческая
молодежь, Омская область

Аннотация. На сегодняшний день демографическая ситуация в России является крайне сложной. По данным Росстата, в 2022 г. смертность превысила рождаемость на 594 557 чел. На протяжении 1991–2022 гг. естественный прирост в стране был положительным только в 2013–2015 гг. и составлял 24 013–32 038 чел. в год. Пик преобладания смертности над рождаемостью пришелся на 1999–2005 и 2020–2021 гг., когда экономическая, социальная и политическая ситуация была наиболее неблагоприятной. В эти периоды Россия теряла от 700–900 тыс. чел. до более 1 млн чел. в 2021 г. Причины такого положения дел довольно много, но одной из самых серьезных проблем на сегодняшний день является низкая рождаемость на фоне социальных, экономических и политических потрясений. По данным социологических опросов в стране, лица 25–29 лет желают иметь в среднем 2–3 детей, тогда как ожидаемое число детей составляет 1,99 (женщины) – 2,02 (мужчины), а суммарный коэффициент рождаемости за 2022 г. составил 1,42 рождения на одну женщину. Иными словами, показатели, характеризующие потенциальную готовность населения к репродуктивным действиям, низки и становятся еще ниже при совмещении желаний и возможностей. На этом фоне получают развитие различные социальные течения. Если для большинства людей жизнь в полноценной семье, т. е. имеющей хотя бы одного ребенка, – это счастье, то в последнее время стали появляться люди, которые выбирают жизнь без детей – это движение называется childfree. Тема неоднозначная, поэтому вызывает массу споров и разногласий. Вместе с тем сегодня бездетность – это вопрос не только медицинского, но и социально-психологического характера, потому что только у части населения бездетность связана с бесплодием. Поэтому для определения стратегии воспитания молодого поколения важно выяснить семейные ценности современной молодежи и ее отношение к феномену childfree.

ANALYSIS OF THE CHILDFREE PHENOMENON AND THE FORMATION OF TRADITIONAL FAMILY VALUES AMONG MODERN STUDENTS IN THE REGION (CASE STUDY OF THE OMSK REGION)

O.V. Gokova

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Article info

Received
November 17, 2023

Accepted
December 20, 2023

Type paper

Research paper

Abstract. Today, the demographic situation in Russia has become extremely challenging. According to official statistics, in 2022, there were 594,557 more deaths than births. Over the period from 1991 to 2022, natural growth in Russia was positive only for two years, in 2013 and 2014, and averaged 24,013 to 32,038 per year. The peak prevalence of death over birth occurred in periods when the economic, social, and political conditions were the most challenging. Between 1999 and 2005, and again in 2020 and 2021, Russia saw a decline in birth rates, with the number of deaths exceeding the number of births. This resulted in a loss of between 700,000 and 900,000 people during these periods. There are several factors contributing to this situation, but one of the major concerns today is the relatively low birth rate in the face of social, economic, and political upheaval. According to national opinion polls, people aged 25 to 29 years old want an average of two to three children, while the estimated number of children per person is 1.99 for women and 2.02 for men. The total fertility rate in 2022 is 1.42 children per woman. In other words, indicators characterizing people's potential readiness for childbearing actions are relatively low and become lower when considering their desires and opportunities. Against this backdrop, various social trends are emerging. While for most people, leading a family life with at least one child can be considered happiness, there are now individuals who choose to live a childless life. This phenomenon is known as child-

Keywords

Demographic policy, birth rate increase, childfree, traditional family values, student youth, Omsk region

freedom and is controversial, as it causes disagreement among many people. Today, childlessness is not only a health issue, but also a social and psychological one, as only a portion of the population associates childlessness with infertility. Therefore, in order to develop a strategy for educating the younger generation, it is essential to understand the family values and attitudes of modern young people towards the phenomenon of being childfree.

1. Введение. Современная ситуация социальной культуры как на уровне повседневного восприятия, так и научного представления характеризуется противоречивостью и многозначностью происходящих событий. Мир всё время меняется, а скорость этих изменений постоянно растет. Трансформации происходят в разных сферах нашей жизни – в политике, экономике, медицине, культуре, образовании, даже на уровне семейных отношений. Например, реальность обыденной жизни и многочисленные научные исследования свидетельствуют о том, что снижается значимость семьи, которая уже не выполняет репродуктивную функцию, что выражается в увеличении темпов падения рождаемости ниже уровня простого воспроизводства во многих странах мира. Это говорит о развивающемся кризисе семьи как социального института.

Одним из «продуктов», появившихся в современной цивилизации и говорящих об изменениях семейных ценностей, является феномен *childfree*. В дословном переводе этот термин означает свободу от детей, добровольную бездетность. В англоязычной литературе феномен *childfree* имеет много версий терминологии, но в России считается, что *childfree* – это течение, при котором люди сознательно не хотят заводить детей. Оно появилось в России сравнительно недавно – в 2004 г. в «Рунете» было создано первое сообщество на портале *Livejournal.com*. В нашей стране проявление феномена *childfree* значительно отличается от его существования в западных странах, именно поэтому его не относят у нас к движению со своей идеологией и целями. Следует отметить, что доля бездетных женщин в мире в целом и в России растет. Так, в Европе в 1995 г. отмечалось лишь 6,6 % бездетных, а сегодня их доля выросла до 40 %. В России в целом доля бездетных женщин по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. составила почти 15 %. А доля бездетных женщин старше 50 лет составила в 2020 г. 2,9 % (во время предыдущей переписи эта доля составляла 2,8 %)¹.

Омская область во многом отражает демографические процессы, которые происходят

в России в целом, поэтому рассмотрим отношение молодежи к феномену *childfree* и формирование у них семейных ценностей на примере Омской области. Проанализировав процессы рождаемости в Омской области, можно сделать ряд выводов:

– рождаемость на территории Омской области, как и в России в целом, зависит от экономической, политической и социальной обстановки – этим обусловлено падение рождаемости в конце 1990-х – начале 2000 гг. и в настоящее время: на данный момент вновь отмечается снижение рождаемости;

– большую часть анализируемого периода естественный прирост был отрицательным, перейдя нулевую отметку только в 2011 г.; на данный момент вновь отмечается естественная убыль населения;

– возраст рожаящих женщин в период с 1990 по 2022 г. постепенно смещается от 20–24 лет к 30–34 и 35–39 годам, растет число рожениц в более старшем возрасте;

– в Омской области, так же как и по России в целом, отмечается интенсификация процессов урбанизации, что отражается и на территориальном распределении рождаемости.

Система репродуктивного поведения индивида – это одна из важнейших составляющих выживаемости популяции. Если говорить про человека, то репродуктивное поведение – это, с одной стороны, рефлекс, с другой – социально обусловленное явление. Именно то, насколько сформирована и насколько качественно транслируется на молодое поколение культура репродуктивного поведения, в целом определяет демографическую ситуацию. Поэтому цель данной статьи заключается в определении жизненных ценностей и выявлении отношения к движению *childfree* современной студенческой молодежи в регионе и разработке рекомендаций по популяризации традиционных семейных ценностей в молодежной среде.

2. Обзор литературы. К числу первых работ, посвященных изучению движения *childfree*, можно отнести исследования Дж. Виверс, О. Донат, Э. Беркетт, Д. Найл и Х. Джоши [1–4]. Они одними из первых проводили

эмпирическое изучение *childfree* в Великобритании, США и Израиле, обращая внимание на проблемы социальной и политической дискриминации *childfree*, на различия в возрасте и уровне образования. Изучению факторов, которые влияют на отказ от рождения детей в рамках семьи, посвящены работы Э.-М. Мерца, А. Лифброера, которые основывали свои исследования на масштабных выборках в 25 странах Европы (об этом см.: [5]). Нельзя не упомянуть и российских исследователей *childfree*-семей, среди которых выделяются М.М. Бичарова, О.В. Морозова, Л.Р. Морозова, Л.Г. Исупова, И.В. Султанова и др. [6–10].

Мнения ученых расходятся не только в трактовке самого понятия феномена, но и в понимании его причин. Так, А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, В.В. Бойко, В.А. Борисов, В.М. Медков, А.Б. Синельников, Т.А. Фадеева придерживаются кризисной парадигмы и считают, что явление *childfree* объясняется кризисом семьи, разрушением традиционных семейных ценностей [11–13]. А.Г. Вишневский, В.В. Елизаров, как эволюционисты, полагают, что *childfree* – это неизбежная трансформация семьи вследствие социокультурной модернизации [14–16]. М.М. Бичарова, И.В. Филимонова, А.В. Ивершинь, А.В. Комарова, О.И. Кривошеева считают *childfree* своеобразным культурным сдвигом последней четверти XX в., возникшим на стыке мейнстрима, контркультуры, процессов глобализации и доминанты общества потребления [6; 7; 17].

Отношением к феномену *childfree* современной молодежи в региональном аспекте занимались В.В. Левченко, Я.О. Баяндина, Н.А. Касимовская, Л.Л. Тихомирова, М.С. Микерова, А.М. Алиева, А.С. Гараева, Л.Х. Коркмазова, Ю.Р. Вишневский, М.В. Ячменева, М.А. Кашина, И.С. Клецина, Н.Б. Гафизова, Е.О. Цалко [18–23].

Социальные факторы распространения *childfree* в России рассматривали А.М. Рогова, С.А. Давыдов, Д.В. Белинская, Т.В. Большунова [24–26].

Особое внимание формированию традиционных семейных ценностей уделено в работах Е.О. Тарасовой, А.Б. Синельникова, И.В. Троцук, А.Д. Парамоновой, С.В. Мерзляковой, А.А. Шабуневой и др. [12; 13; 27–30].

Таким образом, существует значительное количество источников по проблемам отношения молодежи к феномену *childfree* и тради-

ционным семейным ценностям. Вместе с тем необходимо отметить, что в настоящее время существует потребность в исследовании современных тенденций формирования традиционного репродуктивного поведения у студенческой молодежи в регионе, выявлении причин снижения рождаемости и поиска путей выхода из демографического кризиса.

3. Гипотезы и методы исследования.

В ходе проведенного в 2023 г. социологического исследования респондентам было разослано 412 анкет, из которых откликнулись 385 чел. Анкета состояла из 13 вопросов, ответы на которые позволили дать социальную характеристику респондентов, проанализировать традиции и ценности, культивируемые в их семьях, отношение к рождению детей, а также к феномену *childfree*. Подбор респондентов для участия в опросе осуществлялся, исходя из области исследования – отношение студенческой молодежи Омской области к феномену *childfree* и традиционным семейным ценностям. В данном исследовании респондентами выступили студенты следующих высших учебных заведений:

- Омский государственный аграрный университет им. П.А. Столыпина (ОмГАУ);
- Омский государственный педагогический университет (ОмГПУ);
- Омский государственный технологический университет (ОмГТУ);
- Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (ОмГУ);
- Омский государственный университет путей сообщения (ОмГУПС).

Большая часть респондентов – студенты, проходившие обучение в ОмГУ (134 чел., 35 % опрошенных), на втором месте по численности респонденты из ОмГАУ (92 чел., 24 % опрошенных), на третьем – из ОмГПУ (71 чел., 18 % опрошенных). Было опрошено 205 респондентов женского пола (53 % всех респондентов) и 180 респондентов мужского пола (47 % всех респондентов). Преобладающим стал возраст 20–22 года (230 респондентов).

Основной гипотезой исследования является то, что студенты вузов г. Омска имеют хорошо выраженные традиционные семейные ценности, понимают важность рождения детей, при этом у них остаются достаточно популярными карьерный рост, финансовое благополучие, образование, самореализация, работа. Что касается особенностей отношения студентов к феномену *childfree*, то предполагаем, что сту-

денты осведомлены о существовании данного феномена, но большинство из них относится к нему нейтрально или отрицательно.

4. Результаты исследования. Проведенное исследование отношения студенческой молодежи к традиционным семейным ценностям позволило выявить основные тенденции, подтверждающие риски и вызовы, стоящие на пути реализации цели повышения рождаемости и сохранения численности населения.

На первом месте среди причин бездетности респонденты называют неуверенность в завтрашнем дне (89 %, 342 чел.), далее следуют затруднительное материальное положение (82 %, 315 чел.), необходимость закончить обучение в вузе (78 %, 302 чел.), отсутствие собственного жилья (68 %, 261 чел.), стремление достичь успехов в работе, построить карьеру, добиться более высокого уровня профессионализма (64 %, 247 чел.). Наименьшее количество респондентов считает, что причиной бездетности можно назвать желание какое-то время пожить для себя (37 %, 144 чел.), неудовлетворенность состоянием своего здоровья (8 %, 31 чел.).

Отвечая на вопрос о рождении ребенка как препятствии для учебы или продвижения по карьерной лестнице, 63 % респондентов уверены, что ребенок и карьера – это несовместимые понятия, 26 % респондентов, наоборот, считают, что вполне реально совмещать рождение ребенка и карьеру, 11 % респондентов от ответа воздержались.

33 % респондентов являются единственными детьми в семьях, 28 % респондентов имели семьи с одним братом или сестрой, 26 % имели не менее двух братьев и(или) сестер, 10 % опрошенных имели не менее трех братьев и(или) сестер и 3 % опрошенных воспитывались в семье с более чем четырьмя детьми. Что касается наиболее подходящего возраста для создания семьи, то 52 % респондентов готовы завести семью в 26–30 лет, 21 % респондентов хочет создать семью в 20–25 лет, планируют обзавестись семьей после 30 лет – 17 % респондентов. Около 10 % респондентов ответили, что не готовы иметь семью. Детей планирует заводить 229 чел. (60 %), остальные респонденты пока не задумывались об этом вопросе.

Особенности распределения мнений о наиболее существенных семейных ценностях представлены следующим образом: для 94 %

респондентов наибольшей ценностью является семья, для 85 % – любовь, для 77 % – здоровье, для 74 % – дети, для 66 % – друзья, для 61 % – работа. Для 56 % респондентов весомой являлась самореализация, для 51 % – образование, для 46 % – финансовые возможности, для 45 % – карьерный рост, для 21 % – профессионализм, для 13 % – свободное время, для 10 % – власть, для 6 % – слава.

Таким образом, можно сказать, что студенты вузов г. Омска имеют хорошо выраженные представления о традиционных семейных ценностях, понимают ценность рождения детей, но для них остаются достаточно важными карьерный рост, финансовое благополучие, образование, самореализация, работа. Не остались без внимания студентов такие ценности, как любовь, здоровье, дружба.

Второй блок вопросов был посвящен тому, чтобы выявить особенности отношения студентов к феномену *childfree*. Данное исследование выявило, что студенты достаточно хорошо осведомлены о существовании феномена *childfree*. В результате проведенного опроса выяснилось, что 91 % респондентов (349 чел.) знает о феномене *childfree* и лишь 9 % опрошенных (36 чел.) с данным феноменом не знакомы и никогда не сталкивались.

Отношение к движению *childfree* тех студентов, которые имели представление об этом феномене (349 чел.), проявляется следующим образом: отрицательно к нему относятся 57 % опрошенных, нейтрально – 35 % респондентов и только 8 % респондентов относятся положительно. Причины, по которым студенты стали бы последователями движения *childfree*, представлены следующим образом: 4 % опрошенных считают карьеру более предпочтительной, чем деторождение, 2 % респондентов испытывают боязнь маленьких детей, 1 % респондентов хочет быть полностью свободными людьми, 1 % опрошенных затруднился мотивировать свой выбор.

Студенты достаточно четко формулируют свою позицию относительно причин положительного отношения к *childfree*, говоря прежде всего о материальных затруднениях, нерешенности вопросов с жильем, нестабильной экономической, социальной и политической обстановке, стремлении достичь профессиональных успехов. С одной стороны, это положительная тенденция, так как студенты не подвержены случайным беременностям, по-

нимая, что ребенок – это ответственность, которую предстоит последовательно нести в течение всей своей жизни. Также важно, что респонденты хотят реализовать тот потенциал в профессии, который был в них заложен в учебном заведении [9, с. 486].

Вместе с тем ответы респондентов говорят о глубокой проблеме, связанной с экономическим и политическим развитием региона, страны и мира в целом. Кроме того, рождение ребенка, особенно для женщины – это путь к потере профессиональной значимости, так как за 3 года отпуска по уходу за ребенком навыки в профессии утрачиваются, особенно это касается такого рода специальностей, которые требуют постоянного обновления знаний. Остается проблемой и тот факт, что молодая мама подвержена частым больничным из-за простудных заболеваний ребенка, проходящего адаптационный период в детском саду. Получается, что государству, с одной стороны, нужен профессионал, а с другой стороны, – мама, а женщина должна выбирать между карьерой и семьей, так как в большинстве случаев после рождения ребенка вернуться в профессию сложно.

Понимают студенты и тот факт, что в настоящее время обстановка в экономике и политике, особенно во внешнеполитической ситуации, остается сложной, и стабильности в данных направлениях не отмечается. Это приводит к еще большему числу «откладываний» рождения первенца. Не случайно по результатам опроса родить ребенка в 20–25 лет готов только 21 % респондентов, а большая часть (52 % опрошенных) готова приступить к деторождению только в 26–30 лет и позднее.

При этом не отмечается влияния на решение респондентов иметь собственную семью и детей состава родительской семьи. Говоря о семейных ценностях, большая часть студентов сообщает о ценности семьи, любви, здоровья и детей. На последних позициях они отмечают профессионализм, свободное время, власть и славу, т. е. мы видим, что ценностные ориентиры студентов сформированы так, что дети важны для 285 из 385 респондентов. Таким образом, для современного поколения понятие «семья» непременно связано с детьми, но заводить их они не торопятся.

Подтверждается гипотеза о том, что современная молодежь относится к *childfree* отрицательно или нейтрально. Это значит, что

особой популярности на сегодняшний день данное движение в г. Омске не имеет. Говоря о жизненных ценностях современных студентов, стоит отметить, что они достаточно просты и понятны. Вместе с тем анализ полученных данных позволяет надеяться на то, что система воспитания в стране на данном этапе справляется со своими задачами. Так, обращает на себя внимание тот факт, что ценности материального характера имеют для студентов вес, но они не главенствуют над их мотивами. В целом, если разделить все выявленные мотивы на пять категорий, то можно получить следующие выводы о жизненных ценностях студентов вузов г. Омска:

- традиционные ценности (семья, любовь, здоровье, дети, друзья);
- деньги;
- ценности, связанные с профессией (работа, карьерный рост, профессионализм);
- ценности, связанные с самореализацией (саморазвитие, образование, свободное время);
- власть, слава.

Далее закономерно идут блоки ответов, показывающие, что студенты вузов г. Омска желают быть полезными членами общества не только как источник решения демографических проблем, но и хотели бы внести существенный вклад в развитие региона, страны, достигнув существенных успехов в профессии. Именно этим объясняется тот факт, что профессиональный блок ценностей занял в опросе третье место, набрав лишь немногим больший средний балл, чем материальные ценности. С одной стороны, работа и материальный достаток в целом связаны, но, с другой стороны, вновь проявляется традиционное воспитание, когда желание служить своей стране, применять знания выступает важным мотивом развития. Не потерять этот потенциал – одна из целей современной системы государственного управления. Следует не только поддерживать эту систему, но и принимать меры по нивелированию различных радикальных идей и течений.

В качестве рекомендаций для популяризации традиционных семейных ценностей в молодежной среде Омской области можно привести следующие:

- организация программ поддержки молодых семей, в первую очередь для малоимущих, а также расширение всесторонней помощи многодетным семьям (необходимо предоставлять льготное жилье или реализовывать

специальные условия по выдаче ипотечных кредитов), развитие системы осведомленности молодежи о государственных программах;

– предоставление льгот, а для этого и развитие системы выплат пособий студенческим и молодым семьям, у которых есть дети, увеличение доли расходов на пособия, включая те, которые выплачиваются по беременности, а также по уходу за полуторагодовалыми детьми;

– принятие масштабных мер по обеспечению молодых родителей возможностью работать при наличии маленьких детей, т. е. формирование на рабочих местах условий для совмещения активной профессиональной деятельности с выполнением семейных обязанностей;

– улучшение качества всесторонней медицинской помощи для женщин и детей, повышение доступности спектра медицинских услуг,

а также формирование программ по привлечению молодого населения к здоровому образу жизни;

– привлечение общества к участию в традиционных культурно-массовых и спортивных мероприятиях, организованных специально для молодых и студенческих семей, направленных на повышение семейных ценностей;

– приобщение молодого поколения к стереотипу полноценной семьи, в которой есть дети, с ранних лет путем проведения лекционных занятий в образовательных учреждениях на тему полового воспитания, семейных ценностей, вреда абортов.

Примечание

¹Всероссийская перепись населения 2010 и 2020 гг. Т. 9. Рождаемость // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost.

Литература

1. *Veevers J. E.* Childless by choice. – Toronto : Butterworth, 1980. – xiv, 220 p.
2. *Donath O.* Making a Choice: Being Childfree in Israel. – Tel-Aviv : Miskal, 2011. – 246 p.
3. *Burkett E.* The baby boon: how family-friendly America cheats the childless. – New York : Free Press, 2000. – 272 p.
4. *Kneale D., Joshi H.* Postponement and childlessness: Evidence from two British cohorts // *Demographic Research*. – 2008. – Vol. 19. – P. 1935–1964.
5. *Змиевская А. А., Курышева О. В.* Психологическое благополучие личности в зависимости от типа репродуктивной нормативности // *Современные исследования социальных проблем*. – 2016. – № 12 (68). – С. 169–187.
6. *Бичарова М. М.* «Чайлдфри» и «чайлдхейт»: от свободы до ненависти // *Успехи современной науки*. – 2016. – № 12. – С. 7–10.
7. *Бичарова М. М., Морозова О. В.* Идеология «чайлдфри» и ее влияние на современную систему семейных ценностей // *Глобальный научный потенциал*. – 2016. – № 12 (69). – С. 7–10.
8. *Морозова Л. Р.* Социально-демографическая политика и помощь молодым семьям в разрезе нескольких десятилетий: федеральные и региональные аспекты // *Креативная экономика*. – 2021. – Т. 15, № 12. – С. 4521–4540.
9. *Исупова О.* Чайлдфри // *ПостНаука*. – 2017. – 10 мая. – URL: <https://postnauka.ru/longreads/75296>.
10. *Султанова И. В.* Социально-психологическая направленность движения childfree в молодежной среде // *Проблемы современного педагогического образования*. – 2018. – № 3. – С. 485–488.
11. *Антонов А. И.* Кризис фамилистической цивилизации в XXI веке // *Экономические стратегии*. – 2016. – № 1. – С. 40–43.
12. *Синельников А. Б.* Что повысит рождаемость – льготы и пособия для семей с детьми или демографическая саморегуляция? // *Социологический журнал*. – 2020. – Т. 26, № 2. – С. 174–182.
13. *Синельников А. Б.* Семья и брак: кризис или модернизация? // *Социологический журнал*. – 2018. – Т. 24, № 1. – С. 95–113.
14. *Вишневский А. Г.* Демографический переход и проблема демографического саморегулирования // *Социологический журнал*. – 2019. – Т. 25, № 4. – С. 93–104.
15. *Елизаров В. В.* Экономическая поддержка семей с детьми в социально-демографической политике России: федеральные и региональные меры // *Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ*. – Екатеринбург, 2016. – Т. 1 : Социология и история воспроизводства населения России. – С. 12–18.

16. Захаров С. В., Чурилова Е. В. Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2022. – № 4 (40). – С. 77–104.
17. Филимонова И. В., Ивершинь А. В., Комарова А. В., Кривошеева О. И. Факторы влияния на решение о рождении ребенка и количестве детей у женщин в России // Народонаселение. – 2023. – Т. 26, № 1. – С. 55–69.
18. Левченко В. В., Баяндина Я. О. Отношение к добровольной бездетности в современном российском обществе // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2023. – № 1. – С. 131–141.
19. Левченко В. В., Баяндина Я. О. Отношение к феномену чайлдфри современной молодежи: региональный аспект // Вестник университета. – 2022. – № 12. – С. 188–196.
20. Касимовская Н. А., Тихомирова Л. Л., Микерова М. С., Алиева А. М., Гараева А. С., Коркмазова Л. Х. Отношение к феномену childfree студентов медицинского вуза // Российский медицинский журнал. – 2019. – Т. 25, № 5–6. – С. 264–267.
21. Вишневецкий Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. – 2018. – Т. 20, № 5. – С. 125–141.
22. Кашина М. А., Клецина И. С. Модели семьи и семейных отношений в государственных документах по семейной политике и в представлениях студенческой молодежи: точки соприкосновения и расхождения // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 2. – С. 47–64.
23. Гафизова Н. Б., Цалко Е. О. Восприятие бездетности современной молодежью: (региональный аспект) // Женщина в российском обществе. – 2023. – № 2. – С. 120–132.
24. Рогова А. М., Давыдов С. А. Социальные факторы распространения чайлдфри в России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2023. – № 1 (9). – С. 76–81.
25. Белинская Д. В. Социальный портрет чайлдфри // Вестник Тамбовского государственного университета. – 2018. – Т. 4, № 13. – С. 12–19.
26. Большунова Т. В. Феномен чайлдфри: макросоциологический анализ // Вестник университета. – 2018. – № 1 (4). – С. 145–149.
27. Тарасова Е. О. Семейные ценности в мировых религиозных конфессиях и их влияние на российскую семью // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2016. – Т. 16, № 2. – С. 312–322.
28. Троцук И. В., Парамонова А. Д. «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 542–558.
29. Мерзлякова С. В. Нравственные ориентации как фактор развития семейного самоопределения современных студентов // Образование и наука. – 2022. – Т. 24, № 6. – С. 122–152.
30. Шабунова А. А. Очерки к социально-демографическому портрету современной России : моногр. – Вологда : Волог. науч. центр Рос. акад. наук, 2022. – 272 с.

References

1. Veivers J.E. *Childless by choice*. Toronto, Butterworth, 1980. xiv + 220 p.
2. Donath O. *Making a Choice: Being Childfree in Israel*. Tel-Aviv, Miskal publ., 2011. 246 p.
3. Burkett E. *The baby boon: how family-friendly America cheats the childless*. New York, Free Press, 2000. 272 p.
4. Kneale D., Joshi H. Postponement and childlessness: Evidence from two British cohorts. *Demographic Research*, 2008, Vol. 19, pp. 1935-1964.
5. Zmievskaia A.A., Kurysheva O.V. Psychological well-being of a person depending on the type of reproductive normativity. *Modern studies of social problems*, 2016, no. 12 (68), pp. 169-187. (in Russian).
6. Bicharova M.M. "Childfree" and "childheit": from freedom to hatred. *Successes of modern science*, 2016, no. 12, pp. 7-10. (in Russian).
7. Bicharova M.M., Morozova O.V. The ideology of "childfree" and its influence on the modern system of family values. *Global scientific potential*, 2016, no. 12 (69), pp. 7-10. (in Russian).

8. Morozova L.R. Socio-demographic politics and assistance to young families in the context of several decades: federal and regional aspects. *Creative Economy*, 2021, Vol. 15, no. 12, pp. 4521-4540. (in Russian).
9. Isupova O. Childfree. *PostNauka*, May 10, 2017, available at: <https://postnauka.ru/longreads/75296>. (in Russian).
10. Sultanova I.V. Socio-psychological orientation of the childfree movement in the youth environment. *Problems of modern pedagogical education*, 2018, no. 3, pp. 485-488. (in Russian).
11. Antonov A.I. The crisis of the family civilization in the XXI century. *Economic strategies*, 2016, no. 1, pp. 40-43. (in Russian).
12. Sinelnikov A.B. What will increase the birth rate – benefits for families with children or demographic self-regulation?. *Sociological Journal*, 2020, Vol. 26, no. 2, pp. 174-182. (in Russian).
13. Sinelnikov A.B. Family and marriage: crisis or modernization?. *Sociological Journal*, 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 95-113. (in Russian).
14. Vishnevsky A.G. Demographic transition and the problem of demographic self-regulation. *Sociological Journal*, 2019, Vol. 25, no. 4, pp. 93-104. (in Russian).
15. Elizarov V.V. Economic support for families with children in the socio-demographic policy of Russia: federal and regional measures, in: *Dynamics and inertia of population reproduction and generation replacement in Russia and the CIS*, Yekaterinburg, 2016, Vol. 1: Sociology and history of reproduction of the Russian population, pp. 12-18. (in Russian).
16. Zakharov S.V., Churilova E.V. Religion, religiosity and fertility in Russia. Is there a relationship?. *State, religion, Church in Russia and abroad*, 2022, no. 4 (40), pp. 77-104. (in Russian).
17. Filimonova I.V., Ivershin A.V., Komarova A.V., Krivosheeva O.I. Factors of influence on the decision on the birth of a child and the number of children among women in Russia. *Population*, 2023, Vol. 26, no. 1, pp. 55-69. (in Russian).
18. Levchenko V.V., Bayandina Ya.O. Attitude to voluntary childlessness in modern Russian society. *Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences*, 2023, no. 1, pp. 131-141. (in Russian).
19. Levchenko V.V., Bayandina Ya.O. Attitude to the childfree phenomenon of modern youth: a regional aspect. *Bulletin of the University*, 2022, no. 12, pp. 188-196. (in Russian).
20. Kasimovskaya N.A., Tikhomirova L.L., Mikerova M.S., Alieva A.M., Garaeva A.S., Korkmazova L.H. Attitude to the phenomenon of childfree of medical university students. *Russian Medical Journal*, 2019, Vol. 25, no. 5-6, pp. 264-267. (in Russian).
21. Vishnevsky Y.R., Yachmeneva M.V. The attitude of students to family values (on the example of the Sverdlovsk region). *Education and Science*, 2018, Vol. 20, no. 5, pp. 125-141. (in Russian).
22. Kashina M.A., Kletsina I.S. Models of family and family relations in state documents on family policy and in the representations of student youth: points of contact and discrepancies. *Woman in Russian Society*, 2021, no. 2, pp. 47-64. (in Russian).
23. Gafizova N.B., Tsalko E.O. Perception of childlessness by modern youth: (regional aspect). *Woman in Russian Society*, 2023, no. 2, pp. 120-132. (in Russian).
24. Rogova A.M., Davydov S.A. Social factors of the spread of childfree in Russia. *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, 2023, no. 1 (9), pp. 76-81. (in Russian).
25. Belinskaya D.V. Childfree's social portrait. *Bulletin of Tambov State University*, 2018, Vol. 4, no. 13, pp. 12-19. (in Russian).
26. Bolshunova T.V. The Childfree phenomenon: a macrosociological analysis. *Bulletin of the University*, 2018, no. 1 (4), pp. 145-149. (in Russian).
27. Tarasova E.O. Family values in world religious denominations and their impact on the Russian family. *Bulletin of the RUDN. Series: Sociology*, 2016, Vol. 16, no. 2, pp. 312-322. (in Russian).
28. Trotsuk I.V., Paramonova A.D. "Status" of the family institute in modern society and family and marital values of youth. *Bulletin of the RUDN. Series: Sociology*, 2016, Vol. 16, no. 3, pp. 542-558. (in Russian).
29. Merzlyakova S.V. Moral orientations as a factor in the development of family self-determination of modern students. *Education and science*, 2022, Vol. 24, no. 6, pp. 122-152. (in Russian).
30. Shabunova A.A. *Essays on the socio-demographic portrait of modern Russia*, Monograph. Vologda, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., 2022. 272 p. (in Russian).

Сведения об авторе

Гокова Ольга Владимировна – канд. социол. наук, доцент кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами

Адрес для корреспонденции: 644053, Россия, Омск, пл. Лицкевича, 1

E-mail: gokovaov@omsu.ru

РИНЦ AuthorID: 649028

About the author

Olga V. Gokova – PhD in Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Regional Economics and Human Resource Management

Postal address: 1, Litskevicha pl., Omsk, 644053, Russia

E-mail: gokovaov@omsu.ru

RSCI AuthorID: 649028

Для цитирования

Гокова О. В. Анализ феномена childfree и формирование традиционных семейных ценностей у современной студенческой молодежи в регионе (на примере Омской области) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 90–98. – DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).90-98.

For citations

Gokova O.V. Analysis of the childfree phenomenon and the formation of traditional family values among modern students in the region (case study of the Omsk region). *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2024, Vol. 22, no. 1, pp. 90-98. DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).90-98. (in Russian).

ХОЗЯЙСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ УСТОЙЧИВОГО РЕГИОНА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

А.М. Киселева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
7 ноября 2023 г.

Дата принятия в печать
15 декабря 2023 г.

Тип статьи

Исследовательская статья

Аннотация. Данная работа завершает серию локальных исследований, посвященных общей проблеме определения и сохранения устойчивости региона на основе эффективного управления отдельными элементами региональной системы на основе методологии системной динамики Дж. Форрестера. Системный взгляд в данной статье смещен на роль регионального хозяйственно-экономического потенциала в формировании ресурсной достаточности и обеспеченности устойчивого развития территории. Подчеркнуто и обосновано значение коммуникативной практики органов власти, субъектов хозяйствования в построении и удержании хозяйственных связей, ориентированных на функциональность равновесной экономической среды региона, ее конкурентоспособность и проекцию деловой активности. Представлено доказательство взаимосвязи и влияния уровней переменных – X2 «Органы власти», X3 «Бизнес-структуры», X4 «Капиталовложения (собственность и инвестиции)» – на сбалансированность и устойчивость регионального социально-экономического развития с учетом прямого / косвенного участия граждан в данном процессе (X1 «Население»). Обосновано влияние эффективности управления хозяйственно-экономическим потенциалом на жизнеобеспечение и жизнедеятельность территории, его соответствия решению задач экономического и социального порядка. Представлена статистическая база хозяйственно-экономической субъектной и объектной основы регионального развития, позволившая в динамике раскрыть субъектные позиции, их устойчивость и адекватность требованиям экономики региона и социальной сферы. В заключение обоснован вывод о необходимости как построения, так и включения коммуникативной модели в региональную политику, подразумевающую комплексный подход к учету национальных целей устойчивого развития в территориальном контексте региона, а также уровней параметров, отражающих динамизм и скорость протекания социально-экономических процессов.

Ключевые слова

Устойчивое развитие региона, капиталовложения, инвестиции, собственность, бизнес-структуры, хозяйственно-экономический потенциал, органы власти

ECONOMIC POTENTIAL OF A SUSTAINABLE REGION (BASED ON MATERIALS OF THE OMSK REGION)

A.M. Kiseleva

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Article info

Received
November 7, 2023

Accepted
December 15, 2023

Type paper

Research paper

Abstract. This article completes a series of local studies dedicated to the general issue of determining and maintaining regional stability through effective management of individual components of the regional system, based on J. Forrester's system dynamics methodology. The systemic perspective in this article shifts to the role of the regional economic and potential in the creation of resource adequacy and provision for the sustainable development of a territory. The article emphasizes and justifies the significance of the communication practices of authorities and businesses in establishing and maintaining economic relations focused on the functioning of the balanced economic environment in the region, its competitiveness, and the projection of business activities. The author presents evidence on the influence of certain variables – X2 "Authorities", X3 "Business Structures" and X4 "Investment (property and investment)" – on the balance and sustainability of regional socioeconomic development. The variables are considered in relation to the direct and indirect participation of citizens in the process (X1 "Population"), which is an important factor in the analysis. The article substantiates the impact of the efficiency of economic management and economic potential on the vitality and livelihood of a territory, as well as its ability to address economic and social challenges. The author provides a statistical basis for the economic and socioeconomic conditions of regional development, allowing for the identification of trends in the

Keywords

Sustainable development of the region, capital investments, investments, property, business structures, economic potential, authorities

performance of these entities over time, their stability, and their alignment with the requirements of the local economy and social sphere. In conclusion, the article argues for the need to incorporate a communication model into regional policy, taking into account the integration of national sustainable development goals within the territorial context of a region, as well as the consideration of dynamic and accelerated socio-economic trends.

1. Введение. Продолжая исследовать проблему системного подхода к обеспечению регионального устойчивого развития [1–3], данная статья останавливается на субъект-объектных хозяйственно-экономических отношениях, обусловленных характером взаимодействий и соприкосновения точек территориальных интересов. Устойчивость территории определяется стабильной или стремящейся к стабильности экономической основой жизнедеятельности, которая формируется и удерживается комплексным ресурсным потенциалом [1], одним из которых является ресурс капиталовложений и построения на его основе внутренних и внешних региональных хозяйственных связей.

Хозяйственно-экономический потенциал региона складывается на базе соответствующих видов деятельности органов власти и представителей бизнес-структур, причем реализуемых как автономно, так и совместно. В основе построения хозяйственно-экономических отношений заложен принцип эффективных коммуникаций ключевых субъектов управления региональной экономикой – органов власти и представителей бизнес-сообщества. Предметное поле такого рода коммуникаций определяется функционалом, правомочностью, зоной ответственности субъектов в отношении объектов собственности и пула инвестиций.

В дальнейшем совокупность учета всех региональных потенциалов [1–3] обеспечивает выход на разработку модели системы устойчивого развития региона с выделением и обоснованием ролевых и функциональных требований ключевых субъектов управления. В современных условиях значимость такой модельной практики возрастает в контексте вариативных и чувствительных факторов изменений состояния устойчивости, внутренних и внешних угроз региональной системе.

2. Обзор литературы. Универсально устойчивость региона можно определять как его свойство сохраняться при некоторых качественных и количественных изменениях первичных состояний, базовых параметров системы, внешних воздействий (вплоть до угроз и

кризисов). Неустойчивость региональной системы имеет, как правило, более длительное по времени состояние, тем более, что именно в процессе функционирования региона отклонения от стабильности возрастают. Это становится чувствительным в ситуациях социальной напряженности, особенно если региональная экономическая политика имеет расфокус в своей реализации и не учитывает хозяйственный потенциал территориального развития. Как следствие, совокупность неустойчивых стационарных состояний региона, его ведущих отраслей, приводит к возникновению несбалансированного поведения основных субъектов управления и постепенному нарастанию социальной энтропии. Отсюда возрастают и требования к релевантности информационного сопровождения хозяйственно-экономических процессов с учетом национальных показателей устойчивого развития, необходимой для эффективного управления регионом.

Подчеркнем еще раз, что категория устойчивого развития регионов в России была заложена и развита в трудах таких ученых, как Л.И. Абалкин [4], А.Г. Гранберг [5], В.Н. Лексин и Б.Н. Порфирьев [6], Р.И. Шнипер [7] и др.

Вопросам организации региональной и промышленной политики занимались в своих исследованиях А.В. Котов [8], В.В. Каюков и А.П. Шихвердиев [9], А.Г. и Д.М. Атаевы [10].

Отдельные оценочные аспекты социально-экономического развития регионов отражены в трудах отечественных авторов: Л.Э. Лимонова и М.В. Несена [11], М.А. Печенской-Полищук [12], Р.М. Садыкова [13], К.Г. Сорокожердьева и Е.А. Ефимова [14], Д.А. Масленникова, С.Н. Митякова, Л.Ю. Катаевой и Т.А. Федосеевой [15], – и зарубежных коллег: R.R. Stough [16], N. Jankelová, A. Jankurová, M. Beňová & Z. Skorková [17], M. Pominova, T. Gabe & A. Crawley [18], H. Zouhaier & M.K. Kefi [19].

3. Гипотеза и методы исследования. Как было обозначено ранее (см.: [1]), устойчивость территориального развития складывается на основе совокупности факторов, в числе которых выделяем уровень организации производ-

ственно-хозяйственной системы региона, количество и качество взаимосвязей основных субъектов ее управления.

Следуя логике развертывания исследовательской проблематики, обусловленной обеспечением эффективности управления региональным социально-экономическим развитием при достижении и удержании устойчивости региона, пришло время сделать акцент на экономических, технологических и производственных возможностях территории. Проблемное поле формируется субъект-объектными элементами, которые выстраиваются в следующий логический процесс: органы власти как основные управляющие субъекты – объекты собственности и инвестиций как имущественная основа управления – собственно функция управления как отражение полномочий, видов деятельности и действий, зон ответственности любых субъектов хозяйствования, включая органов власти. Отсюда проблема сосредотачивает исследовательское внимание на важности эффективного субъектного управления хозяйственно-экономическим потенциалом в целях выхода на региональное устойчивое развитие и удержание его в условиях нелинейных социально-экономических процессов.

С этой точки зрения цель исследования в данной статье проектируется как оценка влияния хозяйственно-экономического потенциала региона на сбалансированность и устойчивость территориального развития в условиях нелинейных социально-экономических процессов. Хозяйственно-экономическая платформа территории является, с одной стороны, базой региональной экономики и социальной сферы, представляющей собой субъект-объектную составляющую для функционирования других ресурсных потенциалов. С другой стороны, это один из факторов устойчивого развития, определяющийся набором не только внутренних параметров, но и имеющий внешние комбинации связей и условий. В дальнейшем это потребует построения на основе хозяйственно-экономической платформы и модельных принципов системы субъект-объектных взаимодействий, включающей в себя структуру потенциалов региона и его ключевых акторов.

Гипотеза исследования позволяет актуализировать поставленную цель, предположив высокую зависимость устойчивого развития региона от его производственно-хозяйственного потенциала, представляющего региональную

основу всех социально-экономических процессов при условии взаимодействия субъектов управления.

Исследование имеет теоретико-прикладную природу. В основе теоретической части также применена методология системной динамики Дж. Форрестера [1–3; 20] как для констатации и понимания общей схемы взаимодействия элементов сложных систем, так и для обращения внимания на отдельные уровневые переменные, характеризующие производственно-хозяйственный потенциал региона. В прикладной части применен статистический метод сбора необходимой информации, позволивший в доказательно-аналитической форме отработать исследовательскую гипотезу.

4. Результаты исследования. Устойчивость региона складывается на основе достаточного количества факторов и условий, сопровождающих регионально-политические процессы социально-экономического развития. Стабильность регионального развития является условной величиной. Регион как сложная самоорганизующаяся система одновременно устойчив и неустойчив, что позволяет определять такое состояние через категорию нелинейности. Нелинейность социально-экономического развития региона приводит к динамическим колебаниям, что находит свое отражение в практике органов власти, учитывающих или не учитывающих темповые факторы управления [1]. В результате ярко выраженных ситуаций неустойчивости, которые порождаются воздействием внешней среды, угроз и вызовов, территория может трансформироваться и обновлять свои структурные характеристики. Такие периоды колебаний позволяют говорить о цикличности протекающих в пространстве региона социально-экономических и политических процессов, определяющих его совершенную устойчивость.

Для понимания возможностей региональной системы приспособляться к колебаниям устойчивости органам власти следует уделять приоритетное внимание хозяйственно-экономическому базису, имеющему собственные динамические законы функционирования, сложные схемы взаимодействия между своими структурными элементами и лишь относительно постоянные по объему и качеству субъектные интеракции. Тем более, что нелинейные системы имеют тенденции возврата к прошлому устойчивому / неустойчивому состоянию,

и в условиях вызовов эти тенденции усиливаются. В этом случае региональная система будет стремиться восстановить свои прежние характеристики, что не всегда будет отвечать требованиям устойчивости и эффективного социально-экономического развития. Обеспечение таких процессов осуществляется хозяйственно-экономическим потенциалом региона.

Отсюда, согласно методологии системной динамики Дж. Форрестера, ключевой уровневой переменной устойчивого развития определяется X_4 «Капиталовложения (собственность и инвестиции)» [1], поскольку она формирует экономическую основу жизнедеятельности, жизнеобеспечения и ее субъектов управления (табл. 1).

Таблица 1. Отдельные показатели, характеризующие уровневую переменную X_4 «Капиталовложения» по Омской области

Table 1. Individual indicators characterizing the variable X_4 "Investment" in the Omsk region

Показатели	2019	2020	2021	2022
Инвестиции в основной капитал, млн руб.	172 266,7	200 449,9	191 473,5	191 359,6
Оборот организаций по видам деятельности, млн руб.	2 002 798,2	1 924 139,8	829 000,7	Нет данных
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал, % к предыдущему году	130,7	108,2	90,7	85,7
Основные фонды, млн руб. (по полной учетной стоимости, с учетом переоценки)	1 937 734,0	2 034 388,0	2 289 559,0	Нет данных

Примечание. Сост. по: Инвестиции в основной капитал // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области: офиц. сайт. URL: https://55.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/invest_economic_ved-2022.htm (дата обращения: 14.11.2023); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 12.11.2023).

Позитивная динамика уровневой переменной X_4 «Капиталовложения (собственность и инвестиции)» формируется на основе приращения объемов собственности и инвестиций, отрицательная – привлекает внимание к проблемам выбытия и приватизации объектов собственности, сокращению или отсутствию в регионе инвестиций. Например, здесь при оценке динамики инвестиций в основной капитал в Омской области следует отметить ее недостаточную стабильность. На фоне снижения индекса физического объема инвестиций в основной капитал и медленных темпов обновления основных фондов с высокой степенью износа данный тренд может прогнозировать дисбаланс хозяйственно-экономического развития.

Первые три места 2022 г. по объему инвестиций в основной капитал, направленный на развитие экономики Омской области, заняли следующие сферы: 1) 85 207,2 млн руб. – обрабатывающие производства (из них самым продуктивным является, как всегда, производство кокса и нефтепродуктов – 68 177,0 млн руб.); 2) 14 946,8 млн руб. – транспортировка и хранение; 3) 10 812,1 млн руб. – деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений. При этом в этом случае сто-

ит отметить резкий рост с 2021 г., что позволило обогнать призера 3-го места 2021 г. – производство химических веществ и химических продуктов. Данная сфера в 2022 г. снизила свои объемы до 9 310,9 млн руб.¹

Производственно-хозяйственный потенциал определяет и определяется стабильными инвестиционными и инновационными процессами функционирования отраслей промышленности в регионе. Поддержка устойчивости заключается и в достижении и удержании высокой конкурентоспособности региональной экономики. Это способствует самостоятельному решению многих социальных вопросов региона.

Уровневая переменная X_4 также обусловила необходимость выделения субъекто-объектного подхода для обозначения роли и места в процессе управления производственно-хозяйственным потенциалом региона переменных X_2 «Органы власти» и X_3 «Бизнес-структуры» при определенном соучастии переменной X_1 «Население» [1]. Это отвечает функциональности экономической политики органов власти региона, формирующей условия для предпринимательской и инвестиционной активности субъектов хозяйствования с

целью обеспечения сбалансированной траектории развития в интересах территории и населения. Например, каким образом стоит использовать в аналитическом поле переменную ХЗ, можно увидеть в табл. 2. Так, субъектно-хозяйственный потенциал региона в 2022 г.

имеет положительную характеристику, а 2023 г. уже фиксирует отрицательное положение дел. В дальнейшем сохранение превышения числа ликвидированных предприятий над созданными не будет способствовать устойчивости экономического развития региона.

Таблица 2. Демография организаций Омской области по формам собственности (в сравнении за аналогичные периоды 2022 и 2023 гг.)

Table 2. Demographics of organizations in the Omsk region by type of ownership (compared to the same periods in 2022 and 2023)

Показатель	Количество зарегистрированных организаций		Количество официально ликвидированных организаций	
	Январь – сентябрь 2022 г.	Январь – сентябрь 2023 г.	Январь – сентябрь 2022 г.	Январь – сентябрь 2023 г.
Всего	2 229	1 544	1 724	1 760
Российская собственность	2 216	1 525	1 701	1 739
В том числе:				
государственная собственность	1	2	27	6
из нее:				
федеральная собственность	1	–	1	3
собственность субъектов РФ	–	2	26	3
муниципальная собственность	6	8	20	20
частная собственность	2 181	1 462	1 587	1 655
собственность общественных и религиозных организаций (объединений)	28	52	63	51
смешанная российская собственность		1	4	7
Иностранная собственность	12	14	18	16
Совместная российская и иностранная собственность	1	5	5	5

Примечание. Сост. по: Предприятия и организации.

Всего за 2022 г. в регионе было создано и зарегистрировано 2 950 предприятий, из которых 2 934 – предприятий российской формы собственности, 15 – иностранной и 1 – смешанной. За этот же период ликвидировано 2 344 субъектов хозяйствования, в числе которых 2315 – российской, 22 – иностранной, 7 – смешанной форм собственности.

Наибольшее количество (рейтинг из 3 первых мест) зарегистрированных предприятий и организаций за январь – сентябрь 2023 г. и весь 2022 г. зарегистрировано в следующих сферах: торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов (500 и 1 051 соответственно), строительство (314 и 854), деятельность профессиональная, научная и техническая (107 и 193). Немногим меньше: обрабатывающие произ-

водства (102 и 161) и транспортировка и хранение (93 и 154). Данные сферы показали и больше всего официально ликвидированных субъектов хозяйствования: 588 и 745; 453 и 491; 121 и 196; 97 и 152; 84 и 154 соответственно².

Роль национальных показателей устойчивого развития в оценке хозяйственно-экономического потенциала возрастает, хоть они формируют его в несколько ином территориальном измерении (табл. 3). Это вызывает некоторый диссонанс в проведении мониторинговых аналитических мероприятий, качественной и количественной оценке содержания производственно-хозяйственной сферы и степени ее влияния на состояние сбалансированности социально-экономического развития региона.

Таблица 3. Соотношение национальных целей и показателей устойчивого развития с хозяйственно-экономическими аспектами

Table 3. Correlation of national goals and indicators of sustainable development with economic aspects

Задачи устойчивого развития	Национальные показатели
ЦУР 8. Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех	
8.2 Добиться повышения производительности в экономике посредством диверсификации, технической модернизации и инновационной деятельности, в том числе путем уделения особого внимания секторам с высокой добавленной стоимостью и трудоемким секторам	<p>Доля предприятий Омской области, достигших ежегодный 5%-й прирост производительности труда на предприятиях-участниках, внедряющих мероприятия национального проекта под федеральным и региональным управлением, в течение трех лет участия в проекте, %.</p> <p><i>По Омской области: в 2021 – 54 %.</i></p> <p><i>По РФ: в 2021 – 52 %</i></p>
8.3 Содействовать проведению ориентированной на развитие политики, которая способствует производительной деятельности, созданию достойных рабочих мест, предпринимательству, творчеству и инновационной деятельности, и поощрять официальное признание и развитие микро-, малых и средних предприятий, в том числе посредством предоставления им доступа к финансовым услугам	<p>Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, человек.</p> <p><i>По Омской области:</i></p> <p>– в 2019 – 220 499,</p> <p>– в 2020 – 256 974,</p> <p>– в 2021 – 281 940,</p> <p>– в 2022 – 308 906</p> <p>Доля малого и среднего предпринимательства в валовом региональном продукте.</p> <p><i>По Омской области:</i></p> <p>– в 2019 – 24,9,</p> <p>– в 2020 – 25,8,</p> <p>– в 2021 – 27,1.</p> <p><i>Выше среднего в ВВП по РФ</i></p> <p>Удельный вес малых предприятий, осуществлявших инновационную деятельность, в общем числе обследованных малых предприятий, %.</p> <p><i>По Омской области:</i></p> <p>– в 2019 – 6,4,</p> <p>– в 2021 – 10,1</p>
ЦУР 9. Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям	
9.5 Активизировать научные исследования, наращивать технологический потенциал промышленных секторов во всех странах, особенно развивающихся странах, в том числе путем стимулирования к 2030 г. инновационной деятельности и значительного увеличения числа работников в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) в расчете на 1 млн чел., а также государственных и частных расходов на НИОКР	<p>Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг, %.</p> <p><i>По Омской области:</i></p> <p>– в 2019 – 1,3,</p> <p>– в 2020 – 12,6,</p> <p>– в 2021 – 11,0,</p> <p>– в 2022 – 5,7</p>
9.6 Поддерживать разработки, исследования и инновации в сфере отечественных технологий в развивающихся странах, в том числе путем создания политического климата, благоприятствующего, в частности, диверсификации промышленности и увеличению добавленной стоимости в сырьевых отраслях	<p>Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте.</p> <p><i>По Омской области:</i></p> <p>– в 2019 – 19,8,</p> <p>– в 2020 – 20,7,</p> <p>– в 2021 – 21,5.</p> <p><i>Чуть ниже среднего в ВВП по сравнению с РФ</i></p>

Окончание табл. 3
The end of Table 3

Задачи устойчивого развития	Национальные показатели
ЦУР 17. Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития	
17.1 Усилить мобилизацию ресурсов из внутренних источников, в том числе благодаря международной поддержке развивающихся стран, с тем чтобы повысить национальные возможности по сбору налогов и других доходов	Валовой региональный продукт на душу населения. <i>По Омской области:</i> – в 2019 – 398 927,3, – в 2020 – 402 199,5, – в 2021 – 451 536,8
17.13 Повысить глобальную макроэкономическую стабильность, в том числе посредством координации политики и обеспечения последовательности политики	Индекс физического объема валового регионального продукта на душу населения. <i>По Омской области:</i> – в 2019 – 102,4, – в 2020 – 100,3, – в 2021 – 102,6

Примечание. Сост. по: Данные по показателям ЦУР // Федеральная служба государственной статистики: офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/sdg/data> (дата обращения: 12.11.2023).

В то же время ряд показателей хозяйственно-экономического потенциала соответствует региональным срезам (например, ВРП на душу населения, фактическое конечное потребление домашних хозяйств), что в дальнейшем позволит применять значимые индикаторы устойчивого развития в национальном измерении при разработке модели устойчивого развития региона с наложением разных сценарных вариантов. В отличие от необходимости проведения в этом случае корреляции региональных показателей и статистики национальных показателей ЦУР в отношении природно-ресурсного и сельскохозяйственно-го потенциала. Модель должна включать весь набор показателей – региональных и национальных, с фокусировкой на самых приоритетных и значимых, обеспечивающих силу и направление воздействия и взаимодействия, чувствительных устойчивому развитию и потенциальным угрозам.

Модельное представление состояния устойчивого развития региона должно показывать и взаимосвязь субъектов управления хозяйственно-экономическим потенциалом в целеполагании обеспечения эффективных социально-экономических процессов.

5. Заключение. Подводя итоги проведенному исследованию, которое представило экономическую основу устойчивого развития Омской области, следует сделать вывод по подтверждению ролевых позиций хозяйственно-экономического потенциала в структуре всех

региональных потенциалов. Проблема устойчивого развития сфокусирована на качестве и объеме объектов собственности и инвестиций, эффективности управленческой функциональности органов власти региона и грамотной экономической политике, включающей в себя все темповые факторы, влияющие на уровневую переменную X_4 «Капиталовложения». Это позволяет доказать роль данной переменной как хозяйственно-экономической платформы, которая становится базисом для других уровневых переменных в целях достижения и обеспечения устойчивости социально-экономического развития.

Завершая исследовательский цикл, посвященный динамическим переменным устойчивого развития региона [1–3], стоит еще раз сказать о необходимости комплексной работы для формирования единого подхода управления ими в практике устойчивого развития региона. Следует подчеркнуть важность управленческого решения проблемы регионально-го дисбаланса в нелинейных состояниях. При этом обязательным условием решения становится системный взгляд на введение и соблюдение требований как к объектному потенциалу региона, так и к его субъектам управления, которые должны консолидировать в реальной практике усилия по обеспечению устойчивости территории и повышению качества жизни на ней.

Нелинейность устойчивого развития региона может характеризоваться социально-

экономической бифуркацией, что подразумевает как минимум два пути дальнейшего движения, возможность альтернативного выбора траектории. В этом случае одна из альтернатив в определенных условиях будет реальностью, другая (или другие) – потенциально-прогнозируемой. В любых вариантах возникает необходимость учета возможных внешних вызовов и внутренних противоречий региональной системы, которые провоцируют нелинейную динамику и требования к введению адаптационных механизмов.

Процессы устойчивого развития любого региона имеют факторные ограничения, которые имеют динамический характер и требуют сбалансированного подхода к управлению ими. Это требует построения динамической модели устойчивого развития региона, включающую в себя набор уровневых переменных с мобиль-

ными параметрами факторов и условий и учитывающую вызовы и ограничения конкретного региона. Такая модель обеспечит возможности анализа состояния территории, выявления территориальных интересов и проблем, требующих своего решения с целью сохранения устойчивости развития. При введении / изменении определенных стимулов (факторов и условий) станет доступным отслеживание реакций отдельных уровневых переменных, их влияние друг на друга и на всю региональную систему.

Примечания

¹ Предприятия и организации // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области: офиц. сайт. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/organizations> (дата обращения: 14.11.2023).

² Там же.

Литература

1. Киселева А. М. Устойчивое развитие региона на основе баланса интересов населения, органов власти и бизнес-сообщества // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – Т. 19, № 4. – С. 117–129. – DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(4).117-129.
2. Киселева А. М. Природно-ресурсный и экологический потенциал устойчивого развития старопромышленного региона: по материалам Омской области // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2022. – Т. 20, № 3. – С. 112–126. – DOI: 10.24147/1812-3988.2022.20(3).112-126.
3. Киселева А. М. Сельскохозяйственный потенциал устойчивого развития старопромышленного региона (по материалам Омской области) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2023. – Т. 21, № 1. – С. 101–111. – DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(1).101-111.
4. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 4–13.
5. Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI в. / под ред. А. Г. Гранберга, В. И. Данилова-Данильяна, М. М. Циканова, Е. С. Шопхоева. – М. : Экономика, 2002. – 414 с.
6. Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н. Социально-экономические приоритеты устойчивого развития Арктического макрорегиона России // Экономика региона. – 2017. – Т. 13, вып. 4. – С. 985–1004. – DOI: 10.17059/2017-4-2.
7. Шнипер Р. И. Регион. Диагностика и прогнозирование. – Новосибирск : ИЭИОПП, 1996. – 134 с.
8. Котов А. В. Оценка эффективности инструментов региональной политики // Экономика региона. – 2020. – Т. 16, вып. 2. – С. 352–362. – DOI: 10.17059/2020-2-2.
9. Каюков В. В., Шихвердиев А. П. Институциональные основы синтеза рыночных и априорных подходов к промышленной политике // Экономика региона. – 2022. – Т. 18, вып. 1. – С. 105–118. – DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-8.
10. Атаева А. Г., Атаев Д. М. Методологический подход к формированию промышленной политики региона // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2023. – Т. 15, № 1. – С. 153–173. – DOI: 10.17072/2218-9173-2023-1-153-173.
11. Лимонов Л. Э., Несена М. В. Оценка воздействия государственных инвестиционных программ на показатели социально-экономического развития территорий // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 109–123. – DOI: 10.32609/0042–8736–2019–1–109–123.
12. Печенская-Полищук М. А. Влияние процессов централизации и децентрализации на формирование налогового потенциала территорий // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, вып. 2. – С. 658–672. – DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-2-22.

13. Социальная устойчивость региона: диагностика и проблемы развития / под общ. ред. Р. М. Садыкова. – Уфа : ИСЭИ УНЦ РАН, 2017. – 188 с.
14. Сорокожердыев К. Г., Ефимов Е. А. Влияние отраслевой структуры на социально-экономическое развитие региона // Экономика региона. – 2023. – Т. 19, вып. 2. – С. 314–328. – DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-21. – (На англ. яз.).
15. Масленников Д. А., Митяков С. Н., Катаева Л. Ю., Федосеева Т. А. Выявление особенностей стратегического развития регионов на основе статистического анализа индикаторов // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, вып. 3. – С. 707–719. – DOI: 10.17059/2019-3-7.
16. Stough R. R. Endogenous Growth Theory and the Role of Institutions in Regional Economic Development // Theories of Endogenous Regional Growth / Eds. B. Johansson, C. Karlsson, R. R. Stough. – Berlin : Springer, 2001. – P. 17–48. – DOI: 10.1007/978-3-642-59570-7.
17. Jankelová N., Jankurová A., Beňová M., Skorková Z. Security of the business organizations as a result of the economic crisis // Entrepreneurship and Sustainability. – 2018. – Vol. 5, iss. 3. – P. 659–671. – DOI: 10.9770/jesi.2018.5.3(18).
18. Pominova M., Gabe T., Crawley A. The Stability of Location Quotients // Review of Regional Studies. – 2022. – Vol. 52, iss. 3. – P. 296–320. – DOI: 10.52324/001c.66197.
19. Zouhaier H., Kefi M. K. Interaction between political instability and investment // Journal of Economics and International Finance. – 2012. – Vol. 4, iss. 2. – P. 49–54.
20. Форрестер Дж. Мировая динамика. – М. : Наука, Гл. ред. физ.-мат. лит., 1978. – 168 с.

References

1. Kiseleva A.M. Sustainable development of the region based on the balance of interests of the population, authorities and the business community. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2021, Vol. 19, no. 4, pp. 117-129. DOI: 10.24147/1812-3988.2021.19(4).117-129. (in Russian).
2. Kiseleva A.M. Natural resource and environmental potential of sustainable development of the old industrial region: based on the materials of the Omsk region. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2022, Vol. 20, no. 3, pp. 112-126. DOI: 10.24147/1812-3988.2022.20(3).112-126. (in Russian).
3. Kiseleva A.M. Agricultural potential for sustainable development of the old industrial region: based on the materials of the Omsk region. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2023, Vol. 21, no. 1, pp. 101-111. DOI: 10.24147/1812-3988.2023.21(1).101-111. (in Russian).
4. Abalkin L.I. Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: ugrozy i ikh otrazhenie [Economic security of Russia: threats and their reflection]. *Voprosy Ekonomiki*, 1994, no. 12, pp. 4-13. (in Russian).
5. Granberg A.G., Danilov-Danil'yan V.I., Tsikanov M.M., Shokhiev E.S. (eds.). *Strategiya i problemy ustoichivogo razvitiya Rossii v XXI veke* [Strategy and problems of sustainable development of Russia in the XXI century]. Moscow, Ekonomika publ., 2002. 414 p. (in Russian).
6. Leksin V.N., Profiryev B.N. Socio-Economic Priorities of Sustainable Development of Russian Arctic Macro-Region. *Economy of regions*, 2017, Vol. 13, iss. 4, pp. 985-1004. DOI: 10.17059/2017-4-2. (in Russian).
7. Shniper R.I. *Region. Diagnostika i prognozirovaniye* [Region. Diagnostics and forecasting]. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences publ., 1996. 134 p. (in Russian).
8. Kotov A.V. Assessing the Efficiency of Regional Policy Tools. *Economy of regions*, 2020, Vol. 16, iss. 2, pp. 352-362. DOI: 10.17059/2020-2-2. (in Russian).
9. Kayukov V.V., Shikverdiev A.P. Institutional Framework for Synthesis of Market and A Priori Approaches to Industrial Policy. *Economy of regions*, 2022, Vol. 18, iss. 1, pp. 105-118. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-1-8. (in Russian).
10. Ataeva A.G., Ataev D.M. Methodological approach to the formation of the region's industrial policy. *Ars Administrandi*, 2023, Vol. 15, no. 1, pp. 153-173. DOI: 10.17072/2218-9173-2023-1-153-173. (in Russian).
11. Limonov I.E., Nesena M.V. Evaluation of the impact of public investment programs on social and economic performance of territories. *Voprosy Ekonomiki*, 2019, no. 1, pp. 109-123. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-109-123. (in Russian).

12. Pechenskaya-Polishchuk M.A. The Influence of Centralisation and Decentralisation Processes on Regional Tax Potential. *Economy of regions*, 2021, Vol. 17, iss. 2, pp. 658-672. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-2-22. (in Russian).

13. Sadykov R.M. (ed.). *Social sustainability of the region: diagnosis and developmental problems*. Ufa, Institute of Socio-Economic Research of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences publ., 2017. 188 p. (in Russian).

14. Sorokozherdyev K.G., Efimov E.A. The Influence of the Regional Sectoral Structure on the Socio-economic Development of a Region. *Economy of regions*, 2023, Vol. 19, no. 2, pp. 314-328. DOI: 10.17059/ekon.reg.2023-2-21.

15. Maslennikov D.A., Mityakov S.N., Kataeva L.Yu., Fedoseeva T.A. Identification of the characteristics of the regional strategic development based on the indicators' statistical analysis. *Economy of regions*, 2019, Vol. 15, iss. 3, pp. 707-719. DOI: 10.17059/2019-3-7. (in Russian).

16. Stough R.R. Endogenous Growth Theory and the Role of Institutions in Regional Economic Development, in: Johansson B., Karlsson C., Stough R. R. (eds.). *Theories of Endogenous Regional Growth*, Berlin, Springer publ., 2001, pp. 17-48. DOI: 10.1007/978-3-642-59570-7.

17. Jankelová N., Jankurová A., Beňová M., Skorková Z. Security of the business organizations as a result of the economic crisis. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 2018, Vol. 5, iss. 3, pp. 659-671. DOI: 10.9770/jesi.2018.5.3(18).

18. Pominova M., Gabe T., Crawley A. The Stability of Location Quotients. *Review of Regional Studies*, 2022, Vol. 52, iss. 3, pp. 296-320. DOI: 10.52324/001c.66197.

19. Zouhaier H., Kefi M.K. Interaction between political instability and investment. *Journal of Economics and International Finance*, 2012, Vol. 4, iss. 2, pp. 49-54.

20. Forrester J.W. *World dynamics*. Cambridge, Mass., Wright-Allen Press, 1971. xiii + 142 p.

Сведения об авторе

Киселева Альбина Мусаевна – д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: albkis@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6999-2955

Web of Science ResearcherID: AAO-3871-2021

РИНЦ AuthorID: 342893

About the author

Albina M. Kiseleva – PhD in Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Regional Economics and Human Resource Management
Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: albkis@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6999-2955

Web of Science ResearcherID: AAO-3871-2021

RSCI AuthorID: 342893

Для цитирования

Киселева А. М. Хозяйственно-экономический потенциал устойчивого региона (по материалам Омской области) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 99–108. – DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).99-108.

For citations

Kiseleva A.M. Economic potential of a sustainable region (based on materials of the Omsk region). *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2024, Vol. 22, no. 1, pp. 99-108. DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).99-108. (in Russian).

РОЛЬ ПРИГРАНИЧНЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА (НА МАТЕРИАЛАХ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

О.М. Рой

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия)

Информация о статье

Дата поступления
15 ноября 2023 г.

Дата принятия в печать
15 декабря 2023 г.

Тип статьи

Аналитическая статья

Ключевые слова

Приграничные муниципальные образования, Сибирский федеральный округ, экономическая безопасность, трансграничное взаимодействие, муниципальный район, городской округ, экономическая эффективность

Аннотация. В статье рассматривается роль приграничных муниципальных образований в обеспечении экономической безопасности сибирских регионов. Характеризуются действующие инструменты государственного регулирования приграничных муниципалитетов, обобщаются научные подходы к исследованию их состояния, формулируются признаки экономической безопасности на муниципальном уровне. На материалах пяти регионов Сибирского федерального округа: Омской и Новосибирской областей, Алтайского края и республик Алтай и Тыва – проведен сравнительный анализ экономической безопасности входящих в них муниципальных районов и городских округов, выявлены уязвимые стороны экономической безопасности местных сообществ, оценено их влияние на развитие региона в целом. Определены возможности и инструменты регулятивного воздействия региона на развитие местных сообществ, проведено сравнение показателей экономической эффективности приграничных муниципалитетов и регионов, выявлено значительное отставание показателей приграничных муниципалитетов от средних региональных значений. Полученные результаты исследования могут быть полезны для разработки стратегической политики развития округа в сфере комплексного развития приграничных регионов и входящих в них муниципальных образований. Сделан вывод о необходимости проведения единой государственной политики по обеспечению экономической безопасности приграничных муниципальных образований сибирского макрорегиона, сформулированы некоторые направления в реализации такой политики.

THE ROLE OF BORDER MUNICIPALITIES IN ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF THE REGION (CASE-STUDY FOR SIBERIAN FEDERAL DISTRICT)

O.M. Roy

Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)

Article info

Received
November 15, 2023

Accepted
December 15, 2023

Type paper

Analytical paper

Keywords

Border municipalities, Siberian Federal District, economic security, cross-border interaction, municipal district, urban district, economic efficiency

Abstract. The article explores the role of border municipalities in contributing to the economic stability of Siberian regions. It analyses the current mechanisms of state control over border municipalities and summarises scientific approaches to understanding their situation. Additionally, it identifies indicators of economic stability at the municipal level. Based on data from five regions within the Siberian Federal District - the Omsk and Novosibirsk Regions, the Altai Territory, and the Republics of Altai and Tyva - the research conducted a comparative analysis of economic stability in their municipal and urban areas. The study identified vulnerable aspects of economic stability for local communities and assessed their influence on the development of the region as a whole. The article discusses the potential and tools for the impact of regulatory measures in the region on the development of local communities. It compares the economic efficiency indicators of neighboring municipalities and regions and reveals a significant difference in the indicators for border municipalities compared to the average regional values. The research findings can be used to develop a strategic policy for the district's development in the area of integrated development for border regions and constituent municipalities. Based on the research, the author concludes that a unified state policy is needed to ensure the economic stability of Siberia's border municipalities, and identifies some possible directions for implementing such a policy.

1. Введение. Геополитические изменения последних лет существенно актуализировали вопросы экономической и социальной безопасности на приграничных территориях России. В пограничных регионах страны проживает свыше 43 % ее населения [1, с. 6]. В то же время экономический потенциал пограничных регионов явно ниже их реальных возможностей.

Особенно остро проблемы приграничных территорий проявляются на уровне муниципальных образований, где реальные возможности органов местного самоуправления в осуществлении трансграничного взаимодействия существенно ограничены их полномочиями, что не позволяет приграничным муниципалитетам использовать свое пространственное положение в качестве конкурентного преимущества.

Тем не менее на муниципальном уровне возникает множество проблем, связанных с пограничным положением: значительной части приграничных муниципальных образований приходится часто сталкиваться с проблемами регулирования трудовых миграций на приграничных территориях, регистрации прав собственности на имущественные объекты нерезидентами и другими вопросами. К примеру, Указом Президента РФ от 9 января 2011 г. № 26 был утвержден Перечень приграничных территорий, на которых иностранные граждане, лица без гражданства и иностранные юридические лица не могут обладать на праве собственности земельными участками. В то же время отсутствие специального правового статуса приграничных муниципальных образований, зафиксированного нормами профильного Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», не позволяет местным органам власти более последовательно проводить самостоятельную политику по решению этих вопросов [2]. С учетом этого обстоятельства и вследствие обострения противостояния со странами на западных границах российского государства Распоряжением Правительства РФ от 30 сентября 2022 г. № 2877-р в Стратегию пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. было введено понятие «приграничное муниципальное образование». Введение такого понятия в один из ключевых стратегических документов страны означает рассмотрение приграничных муниципальных

образований объектом специальной государственной политики, предусматривающей разработку инструментов повышения качества жизни и производственного потенциала в отнесенных к этой категории поселениях.

В документе был представлен также перечень приграничных муниципальных образований, при модернизации социально-экономической сферы которых предусматривается приоритетная государственная поддержка. Из регионов Сибири в этом перечне представлены Омская область (1 район), Новосибирская область (1 район) и Алтайский край (7 муниципальных образований).

Принятыми решениями органы государственной власти по сути признают, что развитие приграничных муниципальных образований является стратегическим направлением в реализации региональной политики страны. А качество социально-экономического развития входящих в регион муниципальных поселений (районов), примыкающих непосредственно к государственной границе и выступающих передней линией в налаживании взаимовыгодного сотрудничества с соседним государством, представляется одним из важных условий экономической безопасности региона. Приграничные районы первыми испытывают на себе все проблемы, связанные с нарастанием различий в социально-экономической практике поселений, находящихся по обеим сторонам пограничной линии. В приграничных муниципальных образованиях осуществляется первичная самоорганизация населения региона, устанавливается система административного регулирования текущих экономических процессов, формируется инфраструктура трансграничных перемещений, вызревают сферы интереса предпринимательского сообщества. Приграничные районы больше других подвержены рискам, связанным с несанкционированным пересечением границ грузов, перемещением людей и животных. Всё более значимыми становятся проблемы трансграничного трафика опасных веществ, поступающих через воздух или водный бассейн, бесконтрольное использование представителями соседней страны объектов социальной инфраструктуры, поступление контрафактной продукции и пр.

2. Гипотезы и методы исследования. Вследствие вышеобозначенного встают вопросы: насколько возможной в России пред-

ставляется целостная государственная политика в отношении обеспечения экономической безопасности приграничных муниципальных образований? По каким направлениям эта политика должна проводиться? И на каких участках государственной границы в большей степени сконцентрированы риски в организации трансграничного взаимодействия? Для ответов на эти и другие вопросы целесообразно провести сравнительный анализ муниципальной статистики по приграничным регионам Сибирского федерального округа (далее – СФО), оценить степень различий по ключевым социально-экономическим показателям муниципальных районов и определить перспективные направления трансграничного сотрудничества.

Выбор СФО обусловлен тем, что на этот макрорегион приходится значительная часть государственной границы России, в створе этой границы расположены ведущие торговые партнеры – Китайская Народная Республика и Республика Казахстан. Через территории Китая и Казахстана в Россию поставляется значительная часть импортной продукции, обеспечивается вывоз продукции российских экспортеров.

3. Обзор литературы. В отечественной научной литературе сформировался общепризнанный подход к пониманию безопасности региона как его способности реагировать на действие проявляющихся в экономической сфере угроз с целью комплексного и пропорционального развития территории данного региона. Структурными элементами экономической безопасности региона являются конкурентоспособность предприятий региона, обеспеченность предприятий квалифицированными кадрами, востребованность продукции местных предприятий на национальном и международном рынках [3].

В зарубежных исследованиях проблемы региональной экономической безопасности рассматривались в контексте формирования разветвленной сети приграничных поселений, наделенных правом непосредственного участия в реализации крупных надобщинных проектов с участием межгосударственных институтов [4]. Поскольку приграничные территории воспринимались экспертами как неблагоприятные территории, удаленные от центров принятия политических решений и центров регионов, то возникла идея компенсировать периферийность расположения возможностью их прямо-

го участия в специальных проектах [5]. Таким образом, актуализируется концепция еврорегионов, стимулирующая формирование приграничной кооперации между смежными муниципалитетами путем создания новых производств и объединения рабочей силы вступивших в кооперацию государств [6]. Усиливает проблемность в налаживании эффективной модели трансграничного сотрудничества и отмеченное зарубежными исследователями проявление такого фактора, как значительные расстояния между локальными участниками взаимодействия и центрами принятия политических решений [7]. К сожалению, права самих региональных участников международного объединения напрямую определяются на уровне политического руководства стран-учредителей.

Особенностью экономической безопасности на муниципальном уровне является способность муниципального образования на основе собственной производственной базы удовлетворять потребности местных жителей в необходимой для повседневного существования продукции, налаживать кооперационные связи с другими муниципалитетами по определенным направлениям деятельности, выстраивать прозрачные и предсказуемые отношения с региональной властью. В наибольшей степени экономическая безопасность муниципального образования может быть отображена на уровне *городских округов и муниципальных районов*, в компетенции которых обозначенная способность выражена максимально полно. На муниципальных территориях, примыкающих к национальным границам, потребность в реализации мер, раскрывающих эту способность, значительно расширяется по причине периферийности таких территорий и увеличения административной нагрузки, вызванной пограничным положением муниципалитета [8].

Роль приграничных муниципальных образований высшего уровня в развитии национальной экономики рассматривалась многими авторами, акцентирующими внимание на нормативно-правовых аспектах взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в этом процессе [9], пространственных характеристиках трансграничного взаимодействия [10; 11], опыте организации такого взаимодействия в зарубежных странах [12]. В литературе уже были предложены количественные и качественные методы оценки эконо-

мической безопасности приграничных территорий, выполненные на примере дальневосточных регионов [13; 14], исследованы принципы районирования российско-казахстанского трансграничного региона [15]. Оставляя за пределами внимания западную и юго-западную части российского приграничья, в данной статье акцентируется внимание на сибирском участке государственной границы, на котором расположены пять приграничных российских регионов – Омская и Новосибирская области, Алтайский край и республики Алтай и Тыва.

Особое значение с точки зрения экономической безопасности начинает обретать российско-казахстанское приграничье, на которое приходится в настоящее время значительная часть внешнеторгового оборота юго-восточных регионов России [16], миграционных потоков [17], интеграционного сотрудничества [18] и заметная доля потоков параллельного импорта [19].

Однако большая часть эмпирических исследований охватывает блок региональной статистики, оставляя за пределами внимания сложные процессы, протекающие на уровне приграничных муниципалитетов. В то же время анализ проблем экономической безопасности на муниципальном уровне позволит выявить наиболее узкие места в социально-экономическом положении приграничного региона, определить устойчивые элементы региональной защиты от возможных рисков.

4. Результаты исследования. К сожалению, имеющаяся на муниципальном уровне статистическая база не позволяет наладить сбалансированный и максимально полный по информационным источникам мониторинг социально-экономического развития местных сообществ. Тем не менее имеющиеся данные позволяют использовать ряд индикаторов для измерения характера экономической безопасности приграничных районов. Наиболее значимыми из этих показателей выступают показатели численности населения, доля занятых в общественном производстве (в первую очередь на крупных и средних предприятиях), уровень доходов населения, объемы инвестирования на развитие территории и показатели финансовой деятельности местных предприятий. Оценка качества развития приграничного региона, рассмотренная с точки зрения положения приграничных муниципальных районов, позволя-

ет определить степень вовлеченности приграничных районов в систему внутрирегионального разделения труда, характер взаимоотношений между предпринимательскими сообществами муниципалитетов соседних стран, миграционные намерения населения этих муниципалитетов и пр. Приграничные муниципалитеты имеют большое значение для обеспечения экономической безопасности регионов, поскольку выступают «лицом» этого региона, направленным на соседнее государство. По состоянию приграничного муниципалитета судят о способности региона противостоять рискам трансграничных перемещений, уверенности граждан в своих силах, устойчивости налаженных в регионе экономических связей и пр. Выступающие в качестве объекта научного исследования муниципальные районы (городские округа) находятся в центре внимания органов государственной статистики, что позволяет предоставить объективные сведения об их реальном позиционировании в структуре социально-экономических отношений в регионе. В СФО среди приграничных муниципальных образований высшего уровня в основном представлены муниципальные районы, что свидетельствует о невысокой степени урбанизации приграничных муниципалитетов.

Ключевыми признаками экономической безопасности муниципальных районов является их включенность в систему внутрирегионального разделения труда, соблюдение пропорций в социально-экономическом развитии муниципальных образований, степень их материальной и социальной обеспеченности и др. Сложившееся состояние муниципальной статистики не позволяет использовать максимально полный объем показателей, раскрывающих пределы экономической защищенности муниципального образования. С учетом включенных в статистические базы данных о муниципальных районах можно выделить несколько показателей, призванных отобразить возможности муниципалитета к саморазвитию, уровень жизни людей и состояние его воспроизводственной базы. Такими показателями могут быть: среднемесячная заработная плата в организациях района, доля занятых в общей численности населения, объем инвестиций в основной капитал и сальдированный финансовый результат деятельности местных предприятий (экспорт / импорт).

Одним из самых развитых приграничных регионов СФО является **Новосибирская область**, которая выступает не только лидером по показателям ВРП, но и имеет, в отличие от многих своих соседей, значительный миграционный прирост – в 2022 г. он составил 8 242 чел., или 29,7 на 10 тыс. чел. населения. В Новосибирской области 4 приграничных района, социально-экономические показатели которых представлены в табл. 1. Из 2 794 315 чел. жителей региона в приграничных районах проживают 100,2 тыс., или 3,6 % общей численности. Доля занятых (без представителей мало-

го бизнеса), зарегистрированных там, – 2,14 % (19,5 тыс. из 908,7 тыс. чел). Среднемесячная заработная плата в этих районах существенно ниже, чем по региону в целом, где она составляет почти 50 тыс. руб. Низким является и объем привлекаемых в приграничные районы инвестиций на душу населения, поскольку значение этого показателя по Новосибирской области составляет 115 399 руб. Что касается прибыльности местных предприятий, то в одном из районов она вообще является отрицательной, при заметном отставании по этому показателю от внутренних районов.

Таблица 1. Социально-экономическая характеристика приграничных районов Новосибирской области (2022 г.)

Table 1. Border municipal areas of Novosibirsk region (2022)

Район	Численность населения, тыс. чел.	Среднемесячная заработная плата (без малых предприятий), тыс. руб.	Доля занятых в численности района (без малого бизнеса), %	Объем инвестиций в основной капитал в расчете на чел., руб.	Прибыль / убыток до налогообложения, тыс. руб.
Баганский	14,5	32,4	20	61 305	569 723
Купинский	26,9	34,4	18	16 139	152 489
Карасукский	42,3	43,9	21	17 038	11 031
Чистоозерный	16,5	36,1	15	526	–32 865

Примечание. Сост. по: База данных показателей муниципальных образований Новосибирской области. URL: <https://gks.ru/dbscripts/munst/munst50/DBInet.cgi>.

Имея преимущественно сельскохозяйственную ориентацию, **Алтайский край** не занимает лидирующего положения в СФО. В то же время край имеет достаточно протяженную границу с Республикой Казахстан, располагая значительным числом муниципальных образований, представленных в анализе городски-

ми округами (2) и муниципальными районами (10). Алтайский край испытывает ярко выраженную убыль населения – 11 751 чел., в том числе 3 290 чел. составляет миграционный отток. Социально-экономические показатели муниципальных районов и городских округов края представлены в табл. 2.

Таблица 2. Социально-экономическая характеристика приграничных районов и городских округов Алтайского края (2022 г.)

Table 2. Border municipal areas of Altai Territory (2022)

Район	Численность населения, чел.	Среднемесячная заработная плата (без малых предприятий), тыс. руб.	Доля занятых в численности района (без малого бизнеса), %	Объем инвестиций в основной капитал в расчете на чел., руб.	Прибыль / убыток до налогообложения, тыс. руб.
Бурлинский	9 332	32,4	12	6 505	–6 195
Славгородский г.о.	37 356	36,4	15	4 750	–84 455
Табунский	8 627	30,3	16	6 966	–48 291
Кулундинский	21 420	40,8	14	3 899	–134 617
Ключевский	15 269	32,3	11	3 094	–
Михайловский	18 623	33,5	12	4 049	109 967
Угловский	11 193	32,2	12	600	–7 891
Рубцовский г.о.	137 582	37,8	17	5 762	1 367 698

Окончание табл. 2
The end of Table 2

Район	Численность населения, чел.	Среднемесячная заработная плата (без малых предприятий), тыс. руб.	Доля занятых в численности района (без малого бизнеса), %	Объем инвестиций в основной капитал в расчете на чел., руб.	Прибыль / убыток до налогообложения, тыс. руб.
Локтевский	23 100	33,8	11	17 090	747 265
Третьяковский	11 607	31,7	17	22 048	354 286
Змеиногорский	18 044	50,6	20	255 369	275 344
Чарышский	10 749	28,9	14	4 027	–

Примечание. Сост. по: База данных показателей муниципальных образований Алтайского края. URL: <https://gks.ru/dbscripts/munst/munst01/DBInet.cgi>.

Анализ показывает, что, имея достаточно большую протяженность границы, Алтайский край обнаруживает сравнительно высокую степень концентрации населения в приграничных районах и городских округах (15,1 %), где доля занятых на крупных предприятиях значительно ниже ожидаемых значений (4,6 %). В то же время в Славгородском и Рубцовском городских округах, Кулундинском и Змеиногорском районах уровень среднемесячной заработной платы существенно выше средних значений по региону. А вот показатели прибыльности местных компаний в Кулундинском районе и Славгородском городском округе вообще имеют отрицательные значения. Только Змеиногорский район демонстрирует сравнительно высокие показатели по привлечению инвестиций в основной капитал (при среднем значении в регионе – более 33 тыс. руб.) и прибыльности местных предприятий.

В приграничных районах **Республики Алтай** сосредоточена почти четверть населения региона – 24,1 %. Однако большая часть границы здесь проходит по труднодоступным горным районам, что ограничивает реальное приграничное взаимодействие между приграничными районами граничащих стран – Казахстаном, Монголией и Китаем¹.

Омская область является крупным агропромышленным центром СФО, имеющим значительную границу с Казахстаном. Регион также имеет один из самых высоких показателей внешнеторгового оборота, составившего в 2021 г. 1 411,1 млн долларов. Обстоятельный анализ развития приграничных районов Омской области уже был нами сделан (см.: [20]). Сведения по ключевым показателям социально-экономического развития Омской области представлены в табл. 3.

Таблица 3. Социально-экономическая характеристика приграничных районов Омской области (2022 г.)

Table 3. Border municipal areas of Omsk region (2022)

Район	Численность населения, чел.	Среднемесячная заработная плата (без малых предприятий), тыс. руб.	Доля занятых в численности района (без малого бизнеса), %	Объем инвестиций в основной капитал в расчете на чел., руб.	Прибыль / убыток до налогообложения, тыс. руб.
Черлакский	27 386	33,8	11	17 847,2	176 421
Павлоградский	18 004	35,2	18	41 511,3	566 948
Нововаршавский	21 484	38,1	15	7 227,0	139 954
Называевский	18 986	35,2	15	3 362,1	18 419
Русско-Полянский	16 914	33,9	16	14 753,3	80 781
Одесский	17 091	35,9	13	6 176,1	211 914
Шербакульский	18 921	34,7	15	10 495,1	88 297
Полтавский	18 756	35,5	16	23 902,6	626 810
Исилькульский	37 621	34,5	17	17 847,2	684 892

Примечание. Сост. по: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области: офиц. сайт. URL: <https://55.rosstat.gov.ru/>.

В Омской области в приграничных районах проживают 10,6 % населения региона, а работают на крупных предприятиях 3,1 % от общего числа занятых. Ни один из приграничных районов по среднемесячной заработной плате не дотягивает до среднего ее значения по региону (более 41 тыс. руб.). Несоизмеримы также со средними значениями показатели экономической активности местных предприятий и инвестиций в основной капитал.

Интересным представляется положение **Республики Тыва** как одного из самых сложных приграничных регионов СФО. Протяженность тувинско-монгольского участка государственной границы составляет 1 313 км, или 38 % всей российско-монгольской границы. В приграничных районах республики прожи-

вает 13,1 % населения республики, а 4,3 % работают на крупных предприятиях, где в среднем получают 46 110 руб., что выше, чем во многих сибирских регионах (табл. 4), в то время как объем инвестиций в основной капитал в удельном выражении значительно уступает этим регионам. В развитии приграничных муниципальных районов республики можно обнаружить серьезные диспропорции. На фоне небогатых тувинских кожуунов особенно выделяется Каа-Хемский район, являющийся ведущим туристическим центром республики. Республикой подписано большое количество соглашений с аймаками Монголии, но большая часть этих соглашений, касающихся в основном экономического сотрудничества, к сожалению, не исполняется в должном объеме.

Таблица 4. Социально-экономическая характеристика приграничных районов Республики Тыва (2022 г.)

Table 4. Border municipal areas of Tyva Republic (2022)

Район	Численность населения, чел.	Среднемесячная заработная плата (без малых предприятий), тыс. руб.	Доля занятых в численности района (без малого бизнеса), %	Объем инвестиций в основной капитал в расчете на чел., руб.	Прибыль / убыток до налогообложения, тыс. руб.
Эрзинский	8 547	38,6	14	15,6	Данные отсутствуют
Монгун-Тайгинский	6 081	41,7	18	2 769	
Тес-Хемский	8 921	37,3	16	0,0	
Овюрский	7 318	38,4	17	4 403,5	
Каа-Хемский	12 164	47,8	21	1 769,1	

Примечание. Сост. по: Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований Республики Тыва // Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва: офиц. сайт. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/folder/28037>.

Входящие в СФО приграничные регионы являются субъектами национальной и международной систем разделения труда, заинтересованными в комплексном и пропорциональном развитии всех входящих в регион муниципальных образований. Инструментами регулятивного воздействия региона на развитие муниципального уровня территориальной организации выступают: стимулирование хозяйственной активности местных предприятий; заключение международных договоров, нацеленных на образование межхозяйственных связей с предприятиями другого государства; реализация государственных программ по развитию различных сфер жизни муниципальных образований и пр.

В табл. 5 представлены значения некоторых показателей экономической эффективности исследуемых регионов по представленным ранее ключевым признакам экономической безопасности.

Данные табл. 5 указывают на значительную поляризацию представленных социально-экономических показателей между регионами. Лидерство Новосибирской области проявляется практически по всем показателям. Сравнимые с лидером значения демонстрируют Омская область и Алтайский край. Более сложной представляется ситуация в республиках Алтай и Тыва. При достаточно высоком объеме инвестиций в туристическую инфраструктуру Алтая деятельность местных предприятий

характеризуется низкими показателями продуктивности. Тыва же сочетает сравнительно высокий уровень заработной платы и высокий уровень безработицы, достигающий там 15 %, что и отображается на сравнительно низком значении показателя доли занятых в численности жителей региона.

что и отображается на сравнительно низком значении показателя доли занятых в численности жителей региона.

Таблица 5. Показатели экономической эффективности приграничных регионов Сибирского федерального округа

Table 5. Indicators of economic efficiency of border regions of the Siberian Federal District

Регион	Среднемесячная заработная плата, тыс. руб., 2021 г.	Доля занятых в численности населения региона, %	Объем инвестиций в основной капитал в расчете на чел., руб.	Прибыль / убыток, млрд руб.
Новосибирская область	46,2	47	115 399	157,3
Омская область	41,1	47	71 511	63,8
Алтайский край	33,8	47	68 464	88,5
Республика Тыва	42,4	31	52 014	12,5
Республика Алтай	39,8	39	146 112	2,7

Примечание. Составлено и рассчитано по: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 853 с., – а также данным региональной статистики.

Что касается сравнения значений табл. 5 с показателями приграничных районов Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, республик Алтай и Тыва, то попарный анализ значений муниципальных районов со средними региональными значениями свидетельствует о заметном отставании показателей большинства приграничных муниципальных районов от средних региональных значений, формируемых преимущественно внутренними районами регионов. Однако это отставание нивелируется достаточно выраженными различиями между муниципальными образованиями, среди которых встречаются свои лидеры и аутсайдеры.

Принятая в 2019 г. пространственная стратегия России активизирует роль макрорегионального развития, способствующего формированию разветвленных связей между субъектами федерации при особой роли крупных городских агломераций, аккумулирующих мощный потенциал для достижения сложных стратегических целей. Особое значение это обстоятельство имеет для СФО, в состав которого входит большая часть субъектов федерации с различающимися экономическими возможностями и геоморфологическими характеристиками. Одной из главных стратегических задач СФО, вытекающих из принятой Стратегии социально-экономического развития округа до 2035 г., является преодоление сырьевой специализации макрорегиона и формирование

сбалансированной и комплексной системы его поступательного развития. И муниципальным образованиям округа в этом отношении придется ключевая роль, поскольку без повышения уровня социально-экономического развития на местном уровне достичь такой цели на более высоких территориальных уровнях практически невозможно. А по положению приграничных муниципалитетов округа можно судить о степени вероятности в достижении такой цели, потенциальных резервах в привлечении дополнительных ресурсов, вызванных возможными перспективами международного сотрудничества.

Следовательно, СФО может стать инициатором формирования государственной политики по комплексному и пропорциональному развитию приграничных муниципалитетов, основными направлениями которой являются: снижение степени экономической дифференциации между муниципалитетами, формирование единых правил и стимулов в развитии трансграничного сотрудничества, учреждение специальных институтов, содействующих такому сотрудничеству и повышающих экономическую безопасность приграничных регионов.

Необходимость в проведении единой государственной политики по обеспечению экономической безопасности приграничных муниципальных образований сибирского макрорегиона позволит на региональном уровне не

только преодолеть очевидные диспропорции в развитии поселений, находящихся на периферии экономического пространства региона, но и использовать разнообразие местных сообществ в качестве основы формирования сбалансированной модели сибирского приграничья, продуктом которой может стать деловое предложение по развитию трансграничного сотрудничества с соседними государствами.

5. Заключение. Таким образом, анализ приграничных регионов СФО через призму входящих в них приграничных муниципальных районов свидетельствует, с одной стороны, об отставании этих районов от внутренних муниципалитетов, а с другой, – о явно выраженной неравномерности в их развитии. В приграничных муниципальных районах очень мало крупных предприятий, что не способствует притоку сюда трудовых кадров и росту материального довольствия местного населения.

Основную долю внешнеэкономической политики сибирских регионов составляет торговое сотрудничество с Казахстаном, возможности которого явно не раскрыты в полной мере. При положительных показателях торгового сальдо приграничные регионы нуждаются в расширении импортных поставок, которые должны стимулировать развитие регионов, повысить их технологическую оснащенность. Создание дополнительных производств в географической близости от государственных границ будет не только повышать привлекательность приграничных муниципалитетов, но и формировать основу для международной производственной кооперации.

Примечание

¹База данных показателей муниципальных образований Республики Алтай. URL: <https://gks.ru/dbscripts/munst/munst84/DBInet.cgi>.

Литература

1. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / под ред. Л. Б. Вардомского и С. В. Голунова. – М. ; Волгоград : НОФМО, 2002. – 572 с.
2. Мункеева С. А., Намжилова Д. Ц. Некоторые проблемы определения правового статуса приграничных муниципальных образований // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 3 (219). – С. 147–149.
3. Шубина Н. В. Концептуальные подходы к пониманию экономической безопасности региона: сущность, структура, факторы и условия // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – 2017. – Т. 16, № 2. – С. 288–307.
4. Занова Т. В. От Европы государств к Европе регионов? // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 155–164.
5. Knippschild R., Schmotz A. Border Regions as Disturbed Functional Areas: Analyses on Cross-border Interrelations and Quality of Life along the German–Polish Border // Journal of Borderlands Studies. – 2018. – Vol. 33, iss. 3. – P. 371–391. – DOI: 10.1080/08865655.2016.1195703.
6. Криулина И. В. Трансграничные объединения регионов в современной Европе // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 38–44.
7. Egger P. H., Köthenbürger M., Loumeau G. Local Border Reforms and Economic Activity : CESifo Working Paper No. 6738. – Munich : Center for Economic Studies and ifo Institute (CESifo), November 2017. – 33 p.
8. Voloshenko K. Yu. Economic security of the border region: forecasting and strategizing // Process Management and Scientific Developments : Proceedings of the International Conference (Birmingham, January 13, 2021). – Birmingham : Infinity, 2021. – P. 188–195. – DOI: 10.34660/INF.2021.87.67.024.
9. Моисеев А. А. Международно-правовые аспекты приграничного сотрудничества Российской Федерации // Вестник Российской таможенной академии. – 2015. – № 2. – С. 28–35.
10. Цветкова О. В. Политическое пространство России: границы и пограничье. – М. : Логос, 2015. – 146 с.
11. Угольникова О. Д., Алексеева О. В. Приграничное сотрудничество и обеспечение безопасности приграничных территорий и населения // Техничко-технологические проблемы сервиса. – 2018. – № 3 (45). – С. 68–78.
12. Котилко В. В., Пашенных Ф. С., Джантаев Х. М. Приграничные регионы России и опыт развития приграничных районов за рубежом : моногр. – М. : РУДН, 2016. – 235 с.

13. Гордиенко Д. В. Сравнительная оценка перспектив изменения уровня экономической безопасности приграничных дальневосточных районов Российской Федерации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2016. – Т. 12, № 5 (338). – С. 80–103.
14. Бакланов П. Я. Структурные особенности и потенциал развития приграничных и трансграничных районов: теоретические аспекты // Региональные исследования. – 2018. – № 3 (61). – С. 19–24.
15. Соколов А. А., Руднева О. С. Социально-экономическое районирование российско-казахстанского трансграничного региона // Регион: Экономика и Социология. – 2023. – № 3 (119). – С. 282–306.
16. Цветков В. А., Дудин М. Н. Внешнеэкономическое сотрудничество России и Казахстана: от истории к современности // Проблемы рыночной экономики. – 2019. – № 1. – С. 80–92. – DOI: 10.33051/2500-2325-2019-1-80-92.
17. Сагиндигов Р. Е. Приграничное сотрудничество России и Казахстана и его влияние на экономическую безопасность двух государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2013. – № 4. – С. 136–141.
18. Кольцов П. М., Умгаева С. А. Перспективы Российской Федерации и Республики Казахстан в области приграничного межрегионального, торгово-экономического и интеграционного сотрудничества // Вестник Атырауского университета имени Халела Досмухамедова. – 2020. – Т. 58, № 3. – С. 98–104. – DOI: 10.47649/vau.2020.v58.i3.14.
19. Bozhko L. Challenges of anti-Russia Sanctions for Metals and Mining Enterprises in Kazakhstan // R-Economy. – 2022. – Vol. 8, no. 3. – P. 237–251. – DOI: 10.15826/recon.2022.8.3.019.
20. Рой О. М. Особенности социально-экономического развития приграничных районов Омской области в условиях демографической убыли // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2020. – Т. 18, № 3. – С. 123–135. – DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(3).123-135.

References

1. Vardomsky L., Golunov S. (eds.). *Security and Trans-Border Cooperation in Russia's New Borderlands*. Moscow, Volgograd, Academic Educational Forum on International Relations publ., 2002. 572 p. (in Russian).
2. Munkueva S.A., Namzhilova D.Ts. Some problems of determining the legal status of border municipalities. *Law and state: theory and practice*, 2023, no. 3 (219), pp. 147-149. (in Russian).
3. Shubina N.V. Conceptual approaches to the understanding of economic safety of region: essence, structure, factors and conditions. *Bulletin of Ural Federal University. Series economics and management*, 2017, Vol. 16, no. 2, pp. 288-307. (in Russian).
4. Zonova T.V. From the Europe of States to a Europe of Regions. *Polis. Political Studies*, 1999, no. 5, pp. 155-164. (in Russian).
5. Knippschild R., Schmotz A. Border Regions as Disturbed Functional Areas: Analyzes on Cross-border Interrelations and Quality of Life along the German–Polish Border. *Journal of Borderlands Studies*, 2018, Vol. 33, iss. 3, pp. 371-391. DOI: 10.1080/08865655.2016.1195703.
6. Krioulina I.V. Cross-border regional unions in modern Europe. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2012, no. 2, pp. 38-44. (in Russian).
7. Egger P.H., Köthenbürger M., Loumeau G. *Local Border Reforms and Economic Activity*, CESifo Working Paper No. 6738. Munich, Center for Economic Studies and ifo Institute (CESifo) publ., November 2017. 33 p.
8. Voloshenko K.Yu. Economic security of the border region: forecasting and strategizing, in: *Process Management and Scientific Developments*, Proceedings of the International Conference (Birmingham, January 13, 2021), Birmingham, Infinity publ., 2021, pp. 188-195. DOI: 10.34660/INF.2021.87.67.024.
9. Moiseev A.A. International legal framework of interregional and cross-border cooperation of the Russian Federation. *Vestnik of Russian Customs Academy*, 2015, no. 2, pp. 28-35. (in Russian).
10. Tsvetkova O.V. *Politicheskoe prostranstvo Rossii: granitsy i pogranič'e* [Political space of Russia: borders and borderlands]. Moscow, Logos publ., 2015. 146 p. (in Russian).

11. Ugolnikova O.D., Alekseeva O.V. Cross-border cooperation ensure security in bordering regions and population. *Technico-tehnologicheskie problemy servisa*, 2018, no. 3 (45), pp. 68-78. (in Russian).
12. Kotilko V.V., Pashennykh F.S., Dzhantaev Kh.M. *Prigranichnye regiony Rossii i opyt razvitiya prigranichnykh raionov za rubezhom* [Border regions of Russia and experience in the development of border areas abroad], Monograph. Moscow, RUDN University publ., 2016. 235 p. (in Russian).
13. Gordienko D.V. Comparative evaluation of probable changes in economic security of the border regions in the Far East of the Russian Federation. *National Interests: Priorities and Security*, 2016, Vol. 12, no. 5 (338), pp. 80-103. (in Russian).
14. Baklanov P.Ya. Structural features and potential of border and transboundary areas development: theoretical aspects. *Regional'nye issledovaniya*, 2018, no. 3 (61), pp. 19-24. (in Russian).
15. Sokolov A.A., Rudneva O.S. Socioeconomic zoning of the cross-border region between Kazakhstan and Russia. *Region: Economics and Sociology*, 2023, no. 3 (119), pp. 282-306. (in Russian).
16. Tsvetkov V.A., Dudin M.N. Foreign Economic Cooperation of Russia and Kazakhstan: from history to the present. *Market economy problems*, 2019, no. 1, pp. 80-92. DOI: 10.33051/2500-2325-2019-1-80-92. (in Russian).
17. Sagindikov R.E. Russia-Kazakhstan border cooperation and its impact on two states' economic security. *RUDN Journal of Russian History*, 2013, no. 4, pp. 136-141. (in Russian).
18. Koltsov P., Umgaev S. Prospects of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan in the field of cross-border, interregional, trade, economic, and integration cooperation. *Bulletin of the Khalel Dosmukhamedov Atyrau University*, 2020, Vol. 58, no. 3, pp. 98-104. DOI: 10.47649/vau.2020.v58.i3.14. (in Russian).
19. Bozhko L. Challenges of anti-Russia Sanctions for Metals and Mining Enterprises in Kazakhstan. *R-Economy*, 2022, Vol. 8, no. 3, pp. 237-251. DOI: 10.15826/recon.2022.8.3.019.
20. Roy O.M. Features of socio-economic development of the Omsk region border areas in the context of demographic decline. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2020, Vol. 18, no. 3, pp. 123-135. DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(3).123-135. (in Russian).

Сведения об авторе

Рой Олег Михайлович – д-р социол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Адрес для корреспонденции: 620108, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: roi_omsk@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1885-7865
Web of Science ResearcherID: S-3643-2016
РИНЦ AuthorID: 641793

About the author

Oleg M. Roy – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Leading Researcher
Postal address: 16, S. Kovalevskoi ul., Yekaterinburg, 620108, Russia
E-mail: roi_omsk@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1885-7865
Web of Science ResearcherID: S-3643-2016
RSCI AuthorID: 641793

Для цитирования

Рой О. М. Роль приграничных муниципальных образований в обеспечении экономической безопасности региона (на материалах Сибирского федерального округа) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 109–119. – DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).109-119.

For citations

Roy O.M. The role of border municipalities in ensuring the economic security of the region (case-study for Siberian Federal District). *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2024, Vol. 22, no. 1, pp. 109-119. DOI: 10.24147/1812-3988.2024.22(1).109-119. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Журнал «Вестник Омского университета. Серия "Экономика"» выходит 4 раза в год (ежеквартально) объемом около 200 страниц и состоит из разделов «Менеджмент и маркетинг: теория, методология, практика», «Региональная экономика и управление публичной сферой», «Экономика и финансовая политика». Перечень разделов каждого номера определяется тематикой поступивших и публикуемых материалов.
2. Статьи, обязательно подписанные автором, сдаются или присылаются ответственному редактору в электронном и распечатанном варианте по адресу: 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а, ОмГУ, Экономический факультет (редакция журнала «Вестник Омского университета. Серия "Экономика"»), – или пересылаются на e-mail: vestnik@omesco.ru.
Кроме статьи автор отдельным файлом предоставляет сведения о себе, которые должны содержать: Ф.И.О. (полностью), место работы (учебы), должность, ученую степень (если есть), адрес, контактный телефон, адрес эл. почты.
3. Объем статьи для докторантов, кандидатов и докторов – до 1 п. л., для других авторов – до 0,8 п. л. Плата за публикацию с авторов не взимается.
4. Каждая статья проходит обязательное рецензирование специалистами той отрасли знания, по которой она предложена. Автор предоставляет две рецензии, желательно – из числа рецензентов, рекомендованных редакционной коллегией журнала (см. список на сайте журнала: <http://journal.omesco.ru/ru/index.html>). В случае необходимости редколлегия может направить статью на внешнее рецензирование. Статьи, получившие отрицательные рецензии, возвращаются авторам (вместе с рецензией).
5. Журнал «Вестник Омского университета. Серия "Экономика"» придерживается Декларации Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций» и действует для пресечения ее нарушения. Принципы публикационной этики журнала представлены на сайте (http://journal.omesco.ru/ru/journal/publication_ethics.html).
6. Статья должна быть тщательно выверена автором. Ответственность за достоверность фактов и статистических данных, а также корректность использования материалов из других источников несет автор. Точки зрения автора(ов) и редакционной коллегии могут не совпадать.
7. Статья должна быть структурирована, разделы – пронумерованы. В случае соавторства должно быть отражено участие каждого из авторов.
8. Рукописи статей подвергаются редакционной обработке, при необходимости отдельные замечания редактора согласуются с автором. Редакция не ставит в известность авторов об изменениях и сокращениях рукописи, имеющих редакционный характер и не затрагивающих содержание статьи. Статьи с превышением норм технических погрешностей и ошибок (от 5 ошибок) в номер не включаются.
9. Редакция не вступает в переписку и объяснения по поводу отклонения статьи к публикации. Рукописи и дискиеты авторам не возвращаются.
10. **Требования к оформлению предоставляемых материалов:**
 - Текст набирается в MS Word гарнитурой Times New Roman 12 кеглем через 1,5 интервала, поля – 20 мм со всех сторон.
 - В верхнем левом углу листа ставится УДК. Название статьи – прописными буквами (жирным шрифтом, по центру). Ф.И.О. автора(ов) (жирным шрифтом, по центру), место работы автора (курсивом по центру). Ниже через строку – реферат на русском и английском языках (объемом до 250 слов, 11 кегль), затем ключевые слова на русском и английском языках.
 - Ссылки оформляются цифрами в квадратных скобках (например, [1]) по тексту и приводятся в конце статьи в порядке их упоминания в тексте. Ссылки на нормативные источники, статистические данные и общественно-политические публикации даются либо внутри текста статьи, либо в виде примечаний.
 - Примечания оформляются в виде верхнего индекса и должны быть последовательно пронумерованы. Тексты примечаний относят в конец статьи в раздел ПРИМЕЧАНИЯ (до списка литературы) и нумеруют числом в виде верхнего индекса.
 - Рисунки и фотографии должны быть черно-белыми (цветные – не принимаются) и четкими. При необходимости используется черно-белая (но не серая) штриховка.
 - Буква Ё употребляется в тех случаях, когда необходимо предупредить неверное чтение и понимание слова или указать произношение малоизвестных слов и терминов. Во всех иных случаях допускается замена Ё на Е.

Статьи, оформленные с нарушением настоящих требований, приниматься к публикации не будут.

ЖДЕМ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ!